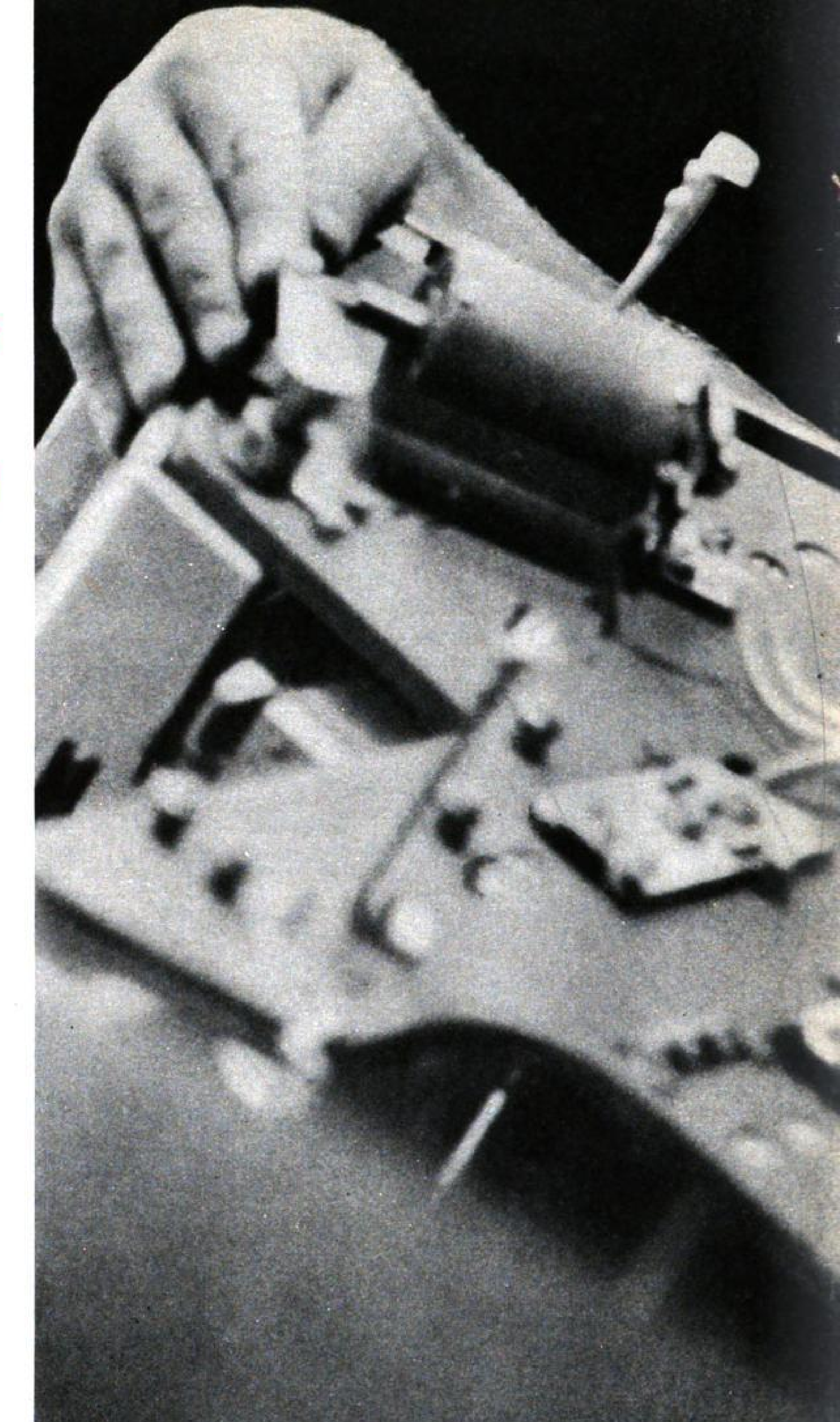
ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВТОРОЙ ДОМ

Д. УХТОМСКИЙ
Фото автора.


1

2

3

4

1
Владимир Николаевич Соленков, механик, готовит к выходу в свет новую машину.

2
Идет смена...

3
Лев Андреевич Шевионков уверен, что сын Сережа тоже придет на этот завод.

4
Заводские мотоциклисты.

Недавно на Пензенском заводе, где производятся вычислительные электронные машины, побывал доктор технических наук, экс-чемпион мира по шахматам М. М. Ботвинник.

— Нельзя ли применить одну из ваших машин в шахматах? — полушутя, полусерьез спросил гроссмейстер.

Не знаем, что ответили ему на заводе. Может, да, а может, и нет. Но вообще-то заводская марка «ВЭМ — г. Пенза» не нуждается в особых рекомендациях. Здешние машины уверенно и спокойно работают с цифрами астрономического порядка.

— Целая жизнь человеческая понадобилась бы для тех расчетов, которые наши машины совершают в часы и даже минуты.

Это сказал инженер Лев Андреевич Шевионков, с которым мы ходили по второму сборочному цеху. Именно Лев Андреевич сообщил нам характерную особенность предприятия:

— У нас на заводе выпускаются машины, если можно так сказать, с высшим образованием. Сами понимаете, что человек, плохо знающий математику или физику, несвободно читающий чертежи, просто не сможет работать над такими машинами. Поэтому у нас трудятся люди, имеющие как минимум среднее образование. Нередко бывает и так: те, кто приходят на завод, окончив школу, продолжают учиться дальше. Здесь же, при заводе, у нас свой втуз.

В другом цехе мы познакомились с инженером Марией Ахапкиной. Она пришла на завод после десятилетки, работала электромонтажницей и училась во втузе при заводе. А тему диплома выбрала такую: один из узлов новой машины.

Итак, люди здесь напряженно работают и еще — таких немало — учатся. Значит, у них остается немного свободного времени? Да, немного. И все же даже это свое ограниченное и потому драгоценное свободное время рабочие нередко отдают все тому же заводу.

Взять хотя бы заводских спортсменов. «За спорт у нас знамя района»,— с гордостью сказали нам рабочие. А кто же руководит здесь спортсменами?

— Сами руководим. Кто ж еще? — ответил слесарь-ремонтник Александр Федорович Шалункин.

Александр Федорович — один из многих местных инструкторов по спорту. Он ведет секцию мотолюбителей. Каждый год здесь около пятидесяти новичков становятся спортсменами-разрядниками.

Однако не только спортом увлекаются тут.

Во втором сборочном цехе мы увидели огромный аквариум, в котором неторопливо плавали разнообразные рыбы.

— Откуда у вас это?

— Да вот Юра Кувшинов придумал...

Слесарь-сборщик, воспитанник заводского ремесленного училища Юра Кувшинов решил таким образом украсить свой цех.

О красоте, об уюте в цехах и возле них здесь заботятся почти все. Каждый в меру своих склонностей и возможностей.

Мы побывали в заводской столовой. С каким вкусом и старанием она убрана! На стенах — мозаичные картины на русские мотивы, здесь же оригинальные, с веселой выдумкой сделанные стенды. А цветы? На территории завода их великое множество. Заботливый и ревнивый хозяин здешнего зеленого царства — главный бухгалтер Леонид Владимирович Гавронский. Есть, правда, и штатные садоводы — Марина Вавилина и Люба Нагдасаева, но они во всем, даже, в мелочах, советуются с Гавронским.

— Как же не ухаживать за заводом, это ж наш второй дом! — говорят рабочие.

И впрямь второй дом. Жизнь рабочего связана с заводом с самой юности — радостной, полной надежд — до лет почтенных, когда встречные уважительно снимают шапку перед ветераном труда. Человек отдает заводу лучшее, что у него есть,— умение, мастерство, душевную заботу. А взамен получает опыт, крепкую рабочую дружбу, знания и ни с чем не сравнимое чувство: это ты здесь хозяин — и в большом и в малом.

На этом заводе — а вернее сказать, в этом доме — ценят всех своих хозяев. Здесь в обычае — празднично, всей дружной рабочей семьей отмечать памятные даты в жизни тружеников, награждать грамотами и дарить подарки людям, которые отдали заводу десять лет и больше. Или вот еще такое: идет утром человек на работу — инженер или уборщица — и видит над заводскими воротами большой плакат: «Сегодня Марии Григорьевне (или Петру Сергеевичу) пятьдесят лет». Доброе дело!

Так живут пензенские машиностроители, творцы известных всему миру современнейших машин.

По приглашению Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии Народную Республику Болгарию с дружеским визитом посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.
На снимке: Л. И. Брежнев и Т. Живков во время встречи на Софийском аэродроме.

Телефото БТА — ТАСС.

Советский Союз с официальным визитом посетил президент Сомалийской Республики Аден Абдулла Осман. Он прибыл в нашу страну по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.
20 сентября высокий гость нанес в Кремле визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному.
На снимке: во время визита.

Фото Т. Мельника.

Во время прошлогоднего разлива Дуная от наводнения сильно пострадала словацкая деревня Коларово. Ныне на ее улицах стоит много новых домов. Различные города Чехословакии и Чехословацкий Союз молодежи помогают восстанавливать деревню. Сейчас она выглядит так.

В 1973 году исполняется 500 лет со дня рождения Николая Коперника. В Польше уже началась подготовка к этому большому торжеству. Еще в 1961 году было принято решение о реконструкции важнейших памятников старины Фромборка — города, где жил великий астроном. Уже восстановлена башня Коперника. Именно здесь он написал знаменитую работу об обращениях небесных сфер. Теперь, как и прежде, эта башня стала частью оборонительных сооружений крепости. Восстановлены и другие постройки.

Жители города Коперника сердечно примут каждого, кто захочет посмотреть на мир и небо с того самого места, где жил ученый, который «солнце остановил и сдвинул землю».

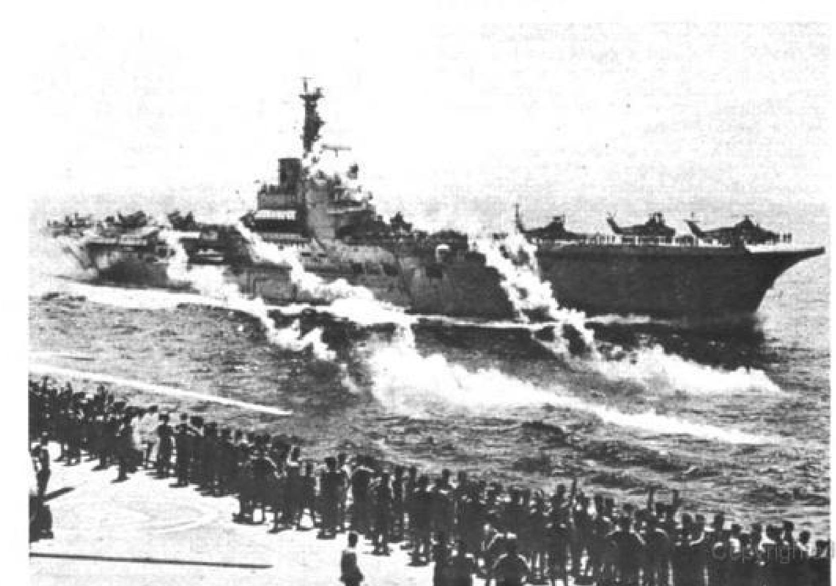
Бронислав САЛЮДА

Ольштын.

На снимке: башня Коперника во Фромборке.

Фото автора.

На традиционной авиационной выставке в Фарнборо (Англия) среди различных летательных аппаратов был показан и такой автожир. В создании его было использовано оборудование главным образом английского производства.



Эта фотография — иллюстрация к так называемой политике «к востоку от Суэца», которую проводит Великобритания. Свое влияние там Великобритания пытается сохранить с помощью военной силы. Военный корабль «Альбион», несший службу в восточных морях, возвращается восвояси. Но на смену ему идет другой — «Булварк». В Красном море произошла встреча этих «орудий политики».

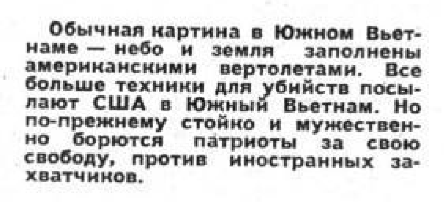
Международный день памяти жертв фашизма был отмечен в демократическом Берлине грандиозным митингом. Лозунгом митинга было: «За мир и гуманность — против реваншистской политики Бонна». В нем приняли участие 150 тысяч жителей ГДР и гости из-за рубежа.

Фото ТАСС, ЧТК, АДН, ЮПИ, Прессенбильд, Полфото, журнала «Ю. С. ньюс энд Уолрд рипорт», газеты «Нэшнл обсервер», журнала «Ньюсуик».

На схеме, опубликованной в американской газете «Нэшнл обсервер», указаны города, в которых в первую половину этого года произошли массовые выступления негров в защиту своих прав. С тех пор, как эта схема увидела свет, США потрясли новые события на фронте борьбы за расовое равноправие. Снимок рядом сделан в городе Гренада, штат Миссисипи. Белые расисты напали на участников демонстрации против сегрегации.

На снимке, взятом из американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», изображены курсанты западногерманской армии. В ФРГ готовится новое пополнение офицерского корпуса для постоянно растущего бундесвера. Статью о милитаристских приготовлениях в ФРГ журнал озаглавил так: «Новая германская армия — снова армия № 1 в Европе». Прошлое германского милитаризма и нынешние реваншистские устремления Бонна внушают тревогу Европе.

Обычная картина в Южном Вьетнаме — небо и земля заполнены американскими вертолетами. Все больше техники для убийств посылают США в Южный Вьетнам. Но по-прежнему стойко и мужественно борются патриоты за свою свободу, против иностранных захватчиков.



Американский боксер-тяжеловес Мухаммед Али (известный также под именем Кассиус Клей) вновь доказал, что он по праву носит титул чемпиона мира. Во Франкфурте-на-Майне (Западная Германия) он победил немца Карла Мильденбергера, который оспаривал его титул. Победа пришла на двенадцатом раунде, когда судья остановил бой за явным преимуществом американца.

У расистской Южно-Африканской Республики — новый хозяин. Премьер-министром, после убитого Фервурда, стал пятидесятилетний Балтазар Иоганнес Форстер. Бывший министр юстиции в правительстве Фервурда, он был организатором расовых преследований в ЮАР. Именно он превратил южноафриканскую полицию в жестокий аппарат расового угнетения. Африка расценила назначение Форстера как начало нового, еще более свирепого этапа апартеида. Со ступеней южноафриканского парламента Форстер пытается грозить Африке...

Двадцать близнецов в одной школе! Этот рекорд принадлежит одной из шведских школ. На фотографии всего восемнадцать человек. Одна пара не попала на снимок.

Когда западногерманский корабль «Рудгерт Виннен» прибыл в греческий порт Пирей, капитан его Берд Штуве был арестован. Этот «морской волк» поступил действительно по-волчьи с двумя безбилетными пассажирами, которые пробрались на его корабль в Бейруте. Он выбросил их за борт. Это произошло у берегов Крита. Одного из выброшенных подобрали рыбаки. Судьба другого неизвестна — полагают, что он утонул.

По утрам в одном из небольших городков Дании в бакалейную лавочку приходит необычный «клиент». Лебедь, живущий в соседнем парке, регулярно навещает лавку, где его всегда в назначенный час ждет завтрак.

Конкурс читателей:

ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ

Я хочу рассказать о человеке, который участвовал в боях за освобождение Болгарии от турецкого ига в 1877—1878 годах.

...Одна из позиций у Шипки выдержала несколько турецких атак. На этой позиции плечом к плечу сражались русские солдаты и ополченцы Болгарии. Много было убито турок, погибло и много героических защитников Шипки.

Два храбреца — русский солдат Никифор Мыколенко и болгарин Димитр Цветков — продолжали отбивать атаки. Один из турок прицелился в русского солдата, но Димитр закрыл его своим телом. Последние слова Цветкова были: «Умираю за свободную Болгарию...»

Русский солдат (это был мой дед) снял шапку, стал на колени перед своим спасителем, закрыл ему глаза и поклялся отомстить врагу за его смерть. Когда враг был разбит, раненый Мыколенко отрапортовал командиру: «Нас оставалось двое: я и болгарин Димитр Цветков. Он спас мне жизнь. Разрешите мне принять фамилию Болгарев!»

Вскоре генерал Скобелев вручил за храбрость Никифору Мыколенко Георгиевский крест I степени.

— По вашей просьбе и по просьбе командования болгарского ополчения,— сказал генерал,— вы получаете право носить фамилию Болгарев.— Он поздравил солдата и вручил ему специальную грамоту.

Домой дед вернулся с фамилией Болгарев. Своего первого сына он назвал Димитрием, а первую внучку — Софией. Так в нашей семье почиталась страна Болгария.

Дедушка до революции плотничал, а после Октября получил землю. В годы коллективизации одним из первых вступил в сельскохозяйственную артель. Был членом правления, председателем ревизионной комиссии. Все время интересовался событиями в Болгарии, жизнью и деятельностью Димитра Благоева и Георгия Димитрова.

По предложению самого старого колхозника (дедушке в то время шел 94-й год) колхоз в селе Голубовка назвали именем Георгия Димитрова.

Дедушка и все мы были очень рады, когда Димитров был вырван из рук фашистов.

В семье бывшего крепостного, участника освобождения Болгарии, колхозника росли сыновья, внуки, правнуки. В семье появились врачи, инженеры, офицеры. Это все дал Октябрь.

С тревогой и болью мы встретили весть, что 2 марта 1941 года в Болгарию вступили немецко-фашистские войска.

Дедушка дожил до освобождения Болгарии. Он умер в возрасте 104 лет в декабре 1944 года. В годы войны и оккупации он потерял много сыновей, внуков и правнуков.

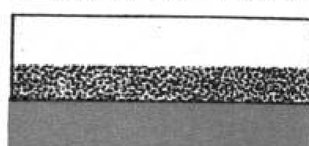
Он часто выступал на собраниях и рассказывал о русско-турецкой войне, о своем боевом друге. Он говорил: «А болгарский народ похож на наш, и язык почти такой же, и так же трудится и любит мир, как и наш народ».

Эту историю я сообщил болгарской журналистке Беле Пенчевой, и она рассказала о ней в очерке «Два сердца», который был напечатан в газете «Отечествен фронт» и передан по радио в день 85-й годовщины освобождения Болгарии от турецкого ига. С Белой Пенчевой я познакомился через журнал «Болгария». Мы долго переписывались, а сейчас готовим материалы для книги о советско-болгарской дружбе.

Иван БОЛГАРЕВ

пос. Чернухино,
Луганской области.

БРАТЬЯ НАВЕКИ



БРАТЯ ЗАВИНАГИ

КОЛЬЦО

Мой дедушка, Люблинер Иосиф Александрович, участвовал в освобождении Болгарии от фашизма. Часть, где он служил, подошла к Плевену. Дедушка часто рассказывал мне, как радушно встречал болгарский народ советских воинов. Для них был открыт каждый дом: хозяева были счастливы, если им удавалось хоть чем-нибудь угостить советского солдата, несмотря на то, что самим приходилось трудно — ведь это были первые дни свободы.

У небольшого домика на краю деревни дедушка увидел играющую девочку лет шести. У дедушки была небольшая плитка шоко-

В редакцию нашего журнала поступают письма читателей, в которых они просят рассказать о том, как будет выглядеть «Огонек» в 1967 году. Об этом спрашивают И. Панченко (Харьков), Р. Камалеева (Казань), П. Будаков (Пермь), А. Кутафин (Краснодарский край), М. Желонкин (Шахтинск) и другие.

В 1967 году «Огонек» поведет большой разговор о героических этапах борьбы и великих трудовых свершениях советского народа во имя торжества коммунизма. В связи с великой датой — 50-летием Октября — «Огонек» продолжит рассказы об огневой поре первых дней становления Советской власти.

Крупнейшие советские и иностранные журналисты и писатели выступят на страницах «Огонька» со своими размышлениями о том, как за полвека изменился мир, как появление Советского государства и его свершения оказали решающее влияние на весь ход мировой истории.

По установившейся традиции на страницах журнала выступят виднейшие ученые, деятели искусства и культуры с рассказами о наиболее значительных событиях — научных открытиях, насущнейших проблемах.

Много повестей, рассказов, поэм и стихов найдет читатель в «Огоньке».

В числе авторов журнала писатели и поэты И. Абашидзе, М. Алексеев, В. Большак, П. Бровка, Янка Брыль, М. Бубеннов, Е. Винокуров, С. Воронин, Р. Гамзатов, В. Герасимова, О. Гончар, Д. Гранин, Н. Грибачев, П. Дариенко, Е. Долматовский, М. Дудин, Е. Евтушенко, В. Закруткин, Р. Зернова, Зульфия, М. Ибрагимов,

ВЕЧЕР В ГАБРОВЕ

От Плевена все круче подъемы, с натужным ревом медленно ползет в гору машина. С головокружительной высоты открывается гряда широколобых гор, покрытых дремучими зарослями буков и дубов. А потом с захватывающей дух быстротой машина несется к долине, которая, словно гигантский зеленый ковер, распростерлась вширь, окутанная легкой голубоватой дымкой. Вдруг откуда-то повеяло ни с чем не сравнимым тонким ароматом роз. И невольно подумалось: «А может, здесь-то когда-то и находился рай?»

Но не слишком ли много печальных памятников в этом раю? Этой самой дорогой вместе с болгарскими ополченцами шли русские солдаты отстаивать независимость их страны. Но они шли не умирать, а победить. Поэтому памятники не только печальные, но и гордые. Пройдут века, но всегда будут живы слова поэта: «Тоз, който падне в бой за свобода, той не умира».

...Мы остановились в Габрове. Миновать этот город невозможно. Лежит он в узкой теснине, вытянувшись длинной лентой на восемнадцать километров вдоль реки Янтры. Только одна дорога ведет на Шипку.

Услышать русскую речь здесь, на узкой улочке старинного балканского городка, было особенно приятно. Человек говорил легко и свободно, хотя с заметным акцентом. Он сказал, что не мог лишить себя удовольствия поговорить с русскими.

— Я хочу узнать: как вы находите наш город? Вам, наверно, уже успели рассказать десятки анекдотов о нем? Нет? Я не поверю. Есть такие сочинители. И я вам скажу: это от зависти. Жители нашего города — большие шутники, люди веселого нрава, вот поэтому про них в отместку и слагают всякие, как это называют... небылицы. Правильно я говорю? Они придумали, будто здесь живут скупые люди. По рассказам выходит, что габровцы рубят хвосты кошкам, потому что в суровую зиму, когда кошка с длинным хвостом проходит в дверь, из дома уходит слишком много тепла.

Он рассмеялся и продолжал:

— Вам, конечно, уже рассказали про крестьянина, который чинил крышу и, падая, успел крикнуть жене: «Для меня обед не готовы!» Вам рассказали про современного габровца, который узнал у шофера такси, что провоз багажа ничего не стоит, и тут же заявил ему: «Вези мой багаж, а я пойду пешком»?

Насмеявшись вместе с нами, он спросил:

— Знаете что? Пойдемте на набережную! Правда, сегодня реки вы почти не увидите. Янтра летом пересыхает. Но вот весной, когда с гор бегут воды, она доставляет нам немало хлопот. Тогда наш Ковач тоже стоит в воде, его сильные ноги омывает бурное течение. Как? Вы и его не видели? Тогда пойдемте, другари!

— Вот смотрите: Ковач — это по-русски кузнец. По легенде, он основал наш город.

На глыбе гранита среди обмелевшей реки стоял гранитный герой. А рядом, на четырех углах моста, расположились скульптурные группы болгар в цепях — страница из горестной истории болгарского народа.

Мы долго бродили по набережной. Потом поднимались кривыми переулками, где ласточкиными гнездами ютятся дома, прижавшись один к другому. Останавливались на небольших площадях, очень уютных и живописных. Затем наш провожатый подошел к скамье, смахнул с нее сухие листья и сказал:

— Садитесь. Теперь вы мне расскажите что-нибудь о России. Жаль, что у меня осталось мало времени.

Взглянув на часы, парень уточнил: у него около часа до начала смены. Он работает на заводе.

— Пожалуйста, говорите что угодно. Для меня русский язык звучит как симфония. Ваш язык создан для поэзии. В нем какой-то особенный строй, и кажется, что рифмы сами ложатся в строфы.

Он порывисто встал со скамьи, и в его позе, выражении лица появилась некоторая торжественность. Немного смущенный, он стал напевно читать:

— «Шаганэ ты моя, Шаганэ,
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле...»

Он читал много и увлеченно. Мы спросили, когда он кончил:

— Постойте, а вы сами не поэт?

— Да, я пишу стихи,— застенчиво признался парень.— Меня даже немного переводили на русский язык. Если у вас будет желание, в журнале «Советский воин» можно прочесть. Меня зовут Петр Иванов, но стихи я подписываю Эмил Розин. Я хотел иметь такой псевдоним, потому что провел детство в Долине Роз. Но не стоит говорить обо мне и о моих стихах, если существуют такие строки:

«Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий...»

Еще долго звучали есенинские строки. И было в этом что-то неповторимое и незабываемое.

...Вернувшись домой, я нашла журнал со стихами габровского знакомца. А потом пришло письмо от Эмила Розина. В нем тоже были стихи. Понять их мне было трудно, так как он писал на своем родном языке. Но мне сразу вспомнился вечер в Габрове, слабое мерцание одинокой звезды и смуглолицый рабочий парень, восторженно читающий стихи Есенина. И еще вспомнила я бесконечную лестницу к вершине Шипки, толпы молчаливых людей и слова, высеченные на мраморе: «Българино, склони чело пред той свято място — заветен паметник на вечна дружба между българи и руси».

Лидия ЗАКРУТКИНА

Ростов-на-Дону.

лада, и он решил отдать ее девочке. Когда он подошел ближе, то застыл от ужаса: в руках у ребенка была ручная граната. Наверное, она нашла ее где-нибудь в лесу. Дедушка попросил, чтобы девочка отдала ему «игрушку», и протянул ей шоколад. Малышка, подумав, согласилась и отдала гранату. Метрах в пятидесяти от дома находился лес. Дедушка был так взволнован, что не помнит, как дошел до леса и взорвал там гранату. Все обошлось благополучно. Возвращаясь, он увидел, что шалунья с удовольствием ест шоколад и угощает им пожилую женщину, которая не переставала плакать. Это была ее бабушка. Она все видела из окна, но вначале не поняла, что было в руках у ребенка, и, только услышав взрыв, догадалась. Успокоившись, болгарка стала благодарить дедушку, советского солдата. Она рассказала, что мужа и дочь расстреляли фашисты за помощь партизанам. Муж ее дочери еще воевал, и она даже не знала, жив ли он. Самое дорогое, что у нее было,— это золотое кольцо, подаренное мужем. Узнав, что у моего дедушки пять детей, женщина сняла кольцо и протянула ему. Болгарка просила подарить его старшей внучке, которая, как она говорила, обязательно будет.

У моего дедушки семь внуков. Я самая старшая из них — мне 20 лет. Вот уже два десятилетия это кольцо хранится у нас в доме. Пока я была маленькая, подарок берегла моя мама. Теперь храню его я. Это самая дорогая вещь, которая у меня есть. Это память о дедушке, память о простой болгарской женщине, у которой муж и дочь погибли за свободу своей страны. Кольцо это обручальное. Когда я надену его навсегда, я снова вспомню эту историю, которая стала так близка мне.

Людмила ЛЮБЛИНЕР

Ленинград.

А. Калинин, Берды Кербабаев, С. Кирсанов, Ф. Кнорре, В. Кожевников, В. Кочетов, А. Кулешов, Л. Леонов, В. Липатов, К. Лордкипанидзе, М. Луконин, В. Лидин, А. Малышко, Н. Матвеева, А. Марков, М. Матусовский, С. Муканов, Ю. Нагибин, М. Нагнибеда, С. Никитин, А. Пантиелев, Е. Поповкин, А. Прокофьев, И. Сельвинский, О. Смирнов, С. Смирнов, М. Танк, Н. Тихонов, Мирзо Турсун-заде, Вас. Федоров, В. Фирсов, М. Халфина, В. Чивилихин, Г. Эмин и другие.

Во многих письмах читатели интересуются, будет ли «Огонек» печатать продолжение повести О. Шмелева и В. Востокова «Последняя ошибка резидента». Редакция начнет публикацию второй части этой повести — «С открытыми картами» — с 1-го номера 1967 года.

Фельетоны, занимательные мелочи, короткие юмористические рассказы, детективные повести, забавные фоторепортажи заинтересуют читателя. События в мире большого спорта, дела, дни и заботы физкультурного движения найдут в журнале широкое отражение.

На красочных цветных вкладках будет представлено творчество мастеров мирового и многонационального советского изобразительного искусства. Крупнейшие искусствоведы снабдят эти своеобразные выставки своими статьями.

«КАТЕРИНА ИЗМАЙЛОВА» НА ЭКРАНЕ

Картина эта только что отснята на студии «Ленфильм», поставил ее режиссер М. Шапиро.

Он сказал нашему корреспонденту:

— Хотя опера идет во многих театрах, нам хотелось, чтобы талантливое произведение Д. Д. Шостаковича услышало как можно больше людей. Сценарий к «Катерине Измайловой» написан самим композитором на основе либретто его оперы. Ставить этот сценарий было величайшим удовольствием! Кажется, что перед нами не рассказ о чьей-то жизни, а сама жизнь...

В заглавной роли выступает Галина Вишневская.

К. ЧЕРЕВКОВ

РАЗГ
С ШОС

В начале нынешнего сентября, после тяжелой болезни, Шостакович поселился под Ленинградом, на берегу Финского залива, в Доме творчества композиторов. И голубой коттедж на песчаном лесном пригорке сразу стал местом деликатного паломничества учеников, друзей композитора, заглядывавших сюда «на минуточку», чтобы увидеть его.

Шостакович не чурается встреч. Сейчас, когда и пишет он немного и гуляет немного, соблюдая врачебную норму — четыре километра в день, появляется возможность, а иногда даже потребность у самого композитора в этих беседах-размышлениях.

Встреча перед юбилеем. Она не могла быть долгой. И тем не менее нам показался небезынтересным разговор, происшедший осенним утром в голубом домике, у рояля, где пока еще не было обычных атрибутов композиторского труда — стопки нотной бумаги и остро отточенных карандашей.

* * *

Необычен сложившийся в течение многих лет «рабочий режим» Шостаковича.

Он не сочиняет регулярно, ежедневно, как это делал, например, Чайковский, придерживаясь твердого порядка и «нормы» работы. Ему не требуется время, чтобы «войти» в рабочее состояние. Где бы ни бывал Шостакович, что бы он ни делал, музыка непроизвольно складывается в сознании. Творческая фантазия не гаснет ни на одно мгновение, пока не наступает время, когда композитор точно знает, что и как он хочет сказать.

Тогда он и садится за стол, за фортепиано.

— Начав работать,— рассказывает Шостакович,— я обычно пишу двадцать—тридцать страниц партитуры в день, если делаю только один перерыв на обед.

Двадцать—тридцать страниц! Вдумайтесь в эти цифры. Нет никаких проб. Музыка настолько ясна, что остается только ее записать. Лихорадочно бежит перо по нотному листу, с трудом поспевая за музыкальной мыслью. Композитор не может прекратить работу, пока на партитуре, написанной почти без помарок, не поставит последнюю точку.

Так обнаруживаются феноменально краткие сроки создания капитальных сочинений. Только Моцарт может сравниться с Шостаковичем в подобной легкости — употребим это условное выражение — письма. Двадцать четыре прелюдии, широко распространенные в фортепианном мире, написаны Шостаковичем за два месяца. Десятый квартет, посвященный другу, композитору М. Вайнбергу,— за десять июльских дней 1964 года.

Сейчас в юбилейных концертах звучит новый, Второй виолончельный концерт — произведение в трех частях. Он написан за две недели в Крыму.

А дальше? Разрядки нет. Отдых только в переключении: общественные обязанности, заседания, встречи, письма. Постоянная готовность помочь, откликнуться на чужую беду. Лихорадочный темп, ставший привычкой.

И так всю жизнь — и в молодости, и в зрелости, в годы славы и забвения (когда музыку его считали формалистической). Всегда. Потому что Шостакович принадлежит к людям, устойчивым в привычках, вкусах, принципах.

— Что же чаще всего побуждает вас к творчеству? — спрашиваю я.— Литературные источники? Личные мотивы и переживания?

— Нет, нет,— отвечает Дмитрий Дмитриевич.— Значение личных мотивов в творчестве многих композиторов преувеличено. У Бетховена, например. Не думаю, чтобы знаменитая «Лунная соната» была продиктована только любовью к Джульетте Гвиччарди. Бывают, верно, разные типы композиторов: по музыке Баха мы едва ли можем судить о его биографии. Ничего конкретного.

— А у вас?

Шостакович не отвечает категорически: по-разному бывает.

— Часто работать побуждает интерес к какому-нибудь жанру, желание испытать свои силы, может быть, сделать что-либо новое. Ведь новое всегда увлекательно. А иногда возникает желание писать музыку, когда встретишь волнующий литературный источник. «Казнь Степана Разина», Тринадцатая симфония связаны со стихами Евгения Евтушенко. Цикл «Из еврейской народной поэзии», вероятно, не был бы написан, не попадись на глаза книжка народных текстов. Стихи или проза, мне совершенно безразлично. В «Катерине Измайловой» сов-

В Репино. Сентябрь, 1966 год. Фото О. Макарова.

ОВОР ТАКОВИЧЕМ

К 60-летию композитора

Софья ХЕНТОВА

сем бытовой, прозаический текст. (Добавим: Шостакович сам участвовал в составлении либретто оперы по Лескову.)

— Недавно,— продолжает композитор,— я написал пять юморесок на слова обычных читательских заметок в журнале «Крокодил».

— Что же для вас важно в тексте?

— Образ. Я должен почувствовать характер — «подтекст», помогающий сразу ощутить и музыкальную интонацию и музыкальную характеристику. Интересно бывает попытаться воплотить в музыке разные тексты, многие настроения...

— Потому, вероятно, у вас и нет предпочтения ни для одного поэта, как бывало у некоторых композиторов?

— У меня нет. Я писал на стихи Пушкина, Кирсанова, Долматовского, на стихи японских поэтов, даже на собственный текст — музыкальное предисловие к полному собранию моих сочинений.

— В ваших требованиях к правде и рельефности текста есть, думается, общее с требованиями Мусоргского, писавшего оперу на текст гоголевской «Женитьбы»?

— Я еще не написал ни одной строчки, достойной Мусоргского,— отвечает Шостакович.— Всю жизнь изучаю его!

Беседа касается вопросов современного оперного творчества и путей современной музыки. Сколько дискуссий, сколько яростных споров посвящены этому в последнее время! Молодые хотят утвердить свой поиск, порой отрицая прошлые достижения. Шостакович — за поиск, за смелость. Он верит в молодежь. И помогает ей с особой готовностью и терпимостью; быть может, еще и потому, что сам испытал непонимание, критическую односторонность.

— Хорошо, что молодежь ищет, не удовлетворяясь только нашим опытом.

— Однако не кажется ли вам, что в музыке молодых интеллект, разум часто преобладают над чувством, изобретательность над выражением?

— А Прокофьева разве не считали рассудочным, изобретателем?— спрашивает Шостакович.— Не будем поспешны в оценках! Прокофьева не понимали. Иногда то, что первоначально представляется холодной конструкцией, при внимательном вслушивании оказывается душевной, человечной музыкой. Мы ведь только недавно оценили чистую лирику Прокофьева.

Смелость всегда свойственна молодости, и не следует спешить с выводами. Время в конце концов тоже становится судьей. Время и слушатели...

Оперный жанр — самая «больная», вероятно, творческая проблема для Шостаковича. Уже звучит наконец на многих оперных сценах мира «Катерина Измайлова», четверть века пылившаяся без движения в нотных библиотеках. Но еще нет внимательной оценки оперы «Нос» по Гоголю. Спектакль в 1930 году прошел в Ленинграде шестнадцать раз, с тех пор наши оперные театры его не ставят.

В печати было широко объявлено о работе Шостаковича над новой оперой «Тихий Дон» по Шолохову. Уже где-то писали о первых номерах, якобы полученных Большим театром.

На вопрос об этой работе Дмитрий Дмитриевич отвечает неожиданно, но категорически:

— Рано о ней говорить!

А потом, задумавшись, добавляет:

— Слишком сложная задача...

Значит, это тот жанр, где композитор, пишущий с такой кажущейся легкостью, не будет торопиться. Не станет, видимо, рисковать даже полуудачей...

Он говорит об операх англичанина Бриттена, которые высоко ценит. С восторгом об операх Прокофьева: «Любовь к трем апельсинам», «Война и мир», «Семен Котко». И чувствуется, как досконально, всесторонне изучает этот великий мастер современную оперу. И отнюдь не придерживается точки зрения о ее кризисе.

— Не будем торопиться с таким утверждением! Есть много достижений. Много интересного,— говорит Шостакович.

Не является ли внимание композитора, проявляемое в последнее время к различным вокальным жанрам, его стремление в совершенстве овладеть выразительными ресурсами человеческого голоса (Тринадцатая симфония, поэма «Казнь Степана Разина») преддверием к опере, которую так ждут от Шостаковича любители музыки?..

* * *

— Я читал как-то о том,— рассказывает Дмитрий Дмитриевич,— что Шестая симфония Чайковского при первом исполнении не была признана. Пока не продирижировал ею великий дирижер Артур Никиш... Мы — композиторы — зависим от исполнителей! Помню, как неудачное исполнение «убило» талантливую симфонию Баснера. А мне везло с исполнителями. Сорок лет тому назад моей Первой симфонией дирижировал Николай Малько. Затем Бруно Вальтер. Зарубежную премьеру Седьмой симфонии в 1942 году осуществил Артуро Тосканини. Евгений Мравинский — дирижер моих симфоний от Пятой до Двенадцатой. Кирилл Кондрашин извлек из забвения Четвертую симфонию и затем дирижировал на премьере Тринадцатой.

Интерпретация моих квартетов,— продолжает Шостакович,— связана с концертной деятельностью московского квартета имени Бетховена и ленинградского — имени Глазунова. Мои фортепианные сочинения представляли слушателям Татьяна Николаева, Эмиль Гилельс, Святослав Рихтер, скрипичные — Давид Ойстрах, виолончельные — Мстислав Ростропович, вокальные — Галина Вишневская... Первое исполнение имеет огромное значение. Поэтому я всегда советую молодым композиторам — своим ученикам: лучше уж подождать, не торопиться с обнародованием нового, но стремиться, чтобы сочинение прозвучало в мастерской и внимательной интерпретации.

Сколько раз сам Шостакович заботился о тщательном первом исполнении сочинений молодых! Он занимался с дирижерами, работая над партитурами, звонил в концертные организации, уговаривал, убеждал, добивался... Ведь если сочинение не звучит, не доходит до людей,— существует ли оно?..

Об исполнительском мастерстве Д. Д. Шостакович говорит с полным и тонким пониманием природы и психологии исполнителя. Он и сам не раз испытал радость концертной эстрады, радость разговора со слушателем — от сердца к сердцу.

Шостакович закончил Ленинградскую консерваторию как пианист; участвовал даже в 1927 году в Международном шопеновском конкурсе в Варшаве. Из-за болезни руки Дмитрий Дмитриевич вынужден был оставить фортепианную игру.

Человеческая память коротка: концерты Шостаковича уже почти стали историей. И вот недавно он неожиданно решил возвратиться к исполнению собственных произведений — правда, на этот раз только в роли аккомпаниатора.

В Ленинграде, на родине композитора, где его авторские концерты традиционны, в июне этого года состоялся своеобразный дебют Дмитрия Шостаковича на концертной эстраде. Но организм, подорванный годами интенсивной работы, откликнулся на творческое волнение по-своему: стало сдавать сердце. Ночью после концерта композитора отвезли в больницу.

Потекли унылые дни покоя. К такому состоянию Шостакович не привык, ибо суть его характера, его натуры — постоянная лихорадочная деятельность. Он не хотел быть больным. Не хотел верить в недуг. И терпеливо, методично — как все, что он делает в жизни,— принялся лечить себя сам, помогая медицине. Лечил бодростью, интересом ко всему, что происходило в мире, если не физической, то своего рода интеллектуальной активностью. А главное, непоколебимой уверенностью в исцелении. И силы стали возвращаться.

Через несколько дней Шостакович отправляется в Москву. Ему предстоит жить на даче, строго соблюдая указания врачей. Но сейчас, глядя на композитора, не веришь, что спокойная жизнь может быть им осуществлена.

Нет, спокойствие никогда не станет свойством великого музыканта!

Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович.

Б. ЩЕРБАКОВ

УЧЕНИК РЕПИНА

И. И. Бродский.

Портрет работы А. И. Лактионова.

Шел 1933 год. Страна жила напряженной трудовой жизнью. Строились заводы, электростанции, росли дома. В этой горячке будней, казалось, все захвачены энтузиазмом созидания, творя новое, проектируя и строя.

Но, оказывается, не все создавали, кое-кто и разрушал. Странное что-то творилось в изобразительном искусстве тех лет. Академия художеств в Ленинграде, лучший художественный вуз страны, разрушалась формалистами, находившимися под влиянием Запада. Были упразднены музеи античных слепков и живописи. Картины, рисунки и этюды запрятаны в сырых подвалах академии. Решительно и энергично распоряжался всем этим директор академии Маслов...

Передо мной стоял вопрос: кем быть? Склонности определились давно. Глядя на отца, художника, окончившего академию в 1909 году, с четырех лет полюбив краски, я мазал с упоением на обрывках оберточной бумаги. «Участвовал» тогда же на выставке взрослых художников-футуристов. Отец был не без юмора — дал на жюри две моих работы. Они были приняты, и только на вернисаже шутка раскрылась. Смешно было. Не мне смешно, я был сконфужен. Смеялись отец и его близкий друг художник Николай Фешин, да и футуристы тоже.

Но сейчас уж не до шуток! Выбор пути — дело серьезное.

Сидим мы с отцом в мастерской, думаем. За окном хмурятся ленинградские сумерки. На фоне неба силуэт летящей чайки. Это чайка замечательного пейзажиста Аркадия Александровича Рылова. Много лет жил и работал он в этой мастерской, да и сейчас наведывается частенько. Сегодня его приход особенно радостен: вот кто посоветует, как быть...

Аркадий Александрович обворожительно улыбается, на щеках ямочки.

— Значит, не слыхали новость? Ведь в академию приглашен Бродский. Масловские времена кончились. Пойдет серьезная перестройка!

Решено было идти к Исааку Бродскому в академию с этюдами.

Еще до великого разорения водил меня отец в это священное для каждого любящего искусство здание. Помню торжественную тишину музейных залов. Тогда там еще висели барбизонцы, огромная коллекция — дар Кушелева-Безбородко.

Запомнились картины «Воскрешение дочери Иаира» Репина и полотна Поленова, пейзажи Васильева. Теперь все пусто.

Отворяем тяжелую дубовую дверь, отец, видно, тоже волнуется и шепчет: «В наше время здесь сидел Беклемишев».

Навстречу из-за стола встает человек, напоминающий персонажи гольбейновских портретов. Если б надеть ему черный берет, очень был бы похож на Георга Гиза, только постарше. Темные волосы почти до плеч, прямой длинный нос, уголки губ опущены вниз, что придает лицу несколько капризное выражение.

Но вот улыбка освещает его бледное, утомленное лицо. Старые товарищи по академии здороваются.

Отец несколько суетится.

— Вот, Исаак, привел к тебе сына. Посмотри его работы, посоветуй, как быть. Время, сам знаешь, какое!

Я разворачиваю связанную бечевкой пачку своих этюдиков, раскладываю на полу. Тонкие картонки, не всегда ровно обрезанные, выглядят как-то странно на натертом до блеска паркете. Я смущен.

Молча и внимательно, чуть наклонясь, рассматривает Бродский мои живописные опыты. Молчание затягивается, мне оно кажется бесконечным.

С трепетом, украдкой поглядываю на спокойное, непроницаемое лицо мастера. Наконец он выпрямился и спокойно, чуть растягивая слова, обращаясь к отцу, сказал:

— Пусть приходит!

Так неожиданно для меня решилось дело всей моей жизни — моя судьба!

На прощание Исаак Израилевич говорит, опять обращаясь к отцу:

— Надо, чтоб рисунки старых мастеров покопировал. Пусть зайдет ко мне, я дам репродукции хорошие.

Выходим на набережную Невы. Кажется, мне улыбаются эти сфинксы, а отец просто сияет. Я молчу, он не может.

— Пойдешь домой к Исааку Израилевичу, будь внимателен. Такие вещи увидишь! Автопортрет Васьки Беляшина — просто Рембрандт. А холст Скалона! Висит на лестнице, ведущей в мастерскую. Не пропусти! Не говоря уж о десятках работ Репина, Серова, Левитана, какие малявинские рисунки. Да не стоит и перечислять, смотри только в оба! Дома у Бродского настоящий музей!

— Как же можно собрать такие сокровища?! — удивился я.

— Страсть коллекционера. Ни одного аукциона Исаак не пропустит. В «Аполлоне» на углу Большой Морской и Невского каждый раз его можно увидеть. Да и знаком был с авторами. Не случайно Кустодиев изобразил его в 1920 году несущим под мышкой одну из его купчих, на фоне очереди за хлебом, руин разрушенных домов, где копошатся какие-то люди.

Говорят, что Репин навел его на мысль создать коллекцию, подарив два своих рисунка. А было это уж не меньше двадцати лет назад...

Отец рассказывал. Начало века. Из Казанской художественной школы отец приехал с Фешиным в Питер, а из Одессы — Бродский, Греков-Мартыщенко, Степан Колесников. Со всех концов России стекалась талантливая молодежь под своды Академии художеств. Мастерская Репина была самой многолюдной, до девяноста человек. Исаак Бродский скоро становится одним из любимых учеников Ильи Ефимовича...

И вот я робко звоню в квартиру на площади Искусств, где живет прославленный мастер.

Трудно передать то огромное впечатление, которое осталось у меня от осмотра изумительной коллекции, подобранной с большим вкусом и пониманием. Акварели Врубеля, огромная пастель Головина — портрет Шаляпина,— репинские, серовские полотна и рисунки. Но мне тогда же открылся неведомый доселе художник лирического пейзажа, тонкий и музыкальный — сам Бродский.

Получив из его рук альбом репродукций рисунков старых мастеров, равных оригиналам, я, окрыленный надеждами, взволнованный соприкосновением с подлинным большим искусством, зашагал к себе на Васильевский остров, унося не только этот огромный альбом, но и груз впечатлений, рассеяться которым не суждено, видно, всю жизнь.

Долго звучали напутственные слова, сказанные негромко, неторопливо:

— Без любви и труда ничего в искусстве не сделаешь. Чем больше талант, тем и любовь сильнее. И главное — не спешить!

Начались занятия в академии. Через год на выставке студенческих работ я вновь увидел Исаака Израилевича. С группой преподавателей он делал обход, не спеша подвигаясь от этюда к этюду, но останавливался лишь у немногих, роняя по два-три слова.

И. Бродский. ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ. 1915 г.

И. Бродский. ВОРОТА. 1926 г.

Задержавшись несколько у одного из пейзажей, где была изображена деревенька и тонкие березы на первом плане под сереньким хмурым небом, он оглянулся и, отыскав глазами студента, сказал: «Правдиво и скромно».

В дальнейшем, уже на 4-м курсе, когда я перешел в мастерскую Бродского, мне неоднократно пришлось испытать на себе влияние этого немногословного, внешне очень сдержанного человека. Тогда уже я почувствовал всю мудрость его молчания и весомость каждого сказанного слова, за которым стояли огромный опыт большого художника и доброе сердце умного человека, с большой благожелательностью относившегося к молодой поросли искусства. Меткие, конкретные замечания художника, его вмешательство карандашом или кистью давали очень многое, утверждая важность, казалось бы, незначительных, но вместе с тем очень нужных штрихов.

Он любил говорить новичкам: «Запаситесь маленькими кистями и большим терпением!..»

Перестроив Академию художеств, Бродский внимательно, придирчиво подбирал учеников. Об этом свидетельствует целая плеяда известных мастеров нашего советского искусства, в той или иной мере связанных с Исааком Израилевичем в пору своего становления. Здесь такие художники, как В. Серов и А. Лактионов, А. Грицай и Ю. Непринцев, и немало других известных ныне мастеров.

В своей творческой деятельности И. Бродский, как и всякий большой художник, был необычайно многогранен. Его пейзажи, которые во многом определяют творческое лицо мастера, раскрывают наиболее интимные черты характера. В них очень рано сказалось свое, особое восприятие мира. Это был стиль «ажур», которому в течение всей жизни не изменил художник, развивая его и совершенствуя. Еще во время первого посещения квартиры Бродского на меня произвел огромное впечатление пейзаж «Сквозь ветви», написанный в 1907 году 23-летним студентом академии. Бродский тогда еще не встречался с полюбившимися ему произведениями Питера Брейгеля, оказавшими в дальнейшем заметное влияние на манеру художника.

...Как случилось, что в душе скромного мальчика из небольшой деревушки Софиевки, что под Бердянском, вдруг оказались драгоценные зерна истинного таланта?

Ведь ничего не было. Ни среды благотворной, ни музеев, ни выставок, ни вездесущего ныне радио, а призвание определилось очень рано. Еще десятилетним мальчиком Исаак мечтает об игре на скрипке. Из 5 копеек, выдаваемых отцом на сласти, откладывает понемногу в копилку. Наконец в его руках маленькая скрипочка, на которой он разучивает несложные пьесы. Музыка — вторая страсть Бродского, и это глубоко отразится в его живописном творчестве.

Лучшие пейзажи мастера отличает именно музыкальность. Мягкая певучесть линий, задумчивость, иногда грустная, порой просветленная.

Пейзаж «Сквозь ветви» уже несет в себе все приметы стиля «ажур». Это уже Исаак Бродский со всеми характерными особенностями его манеры в пейзаже, с его душой, «задумчивой и ясной», с гаммой сдержанной, не крикливой.

Кружевная вязь ветвей — один из излюбленных мотивов художника, повторяемый неоднократно в различных вариантах. Тонкие силуэты стволов создают своеобразный ритм, уводят нас опять в смежную, «музыкальную» область искусства. Сквозь эти ветви открываются широкие водные просторы с потерявшимися где-то у горизонта крышами человеческих жилищ. Тихо и пустынно на этой земле.

«Мне грустно и легко;
Печаль моя светла»,

хочется сказать словами Пушкина, погружаясь в созерцание этой картины, и даже хочется увидеть одинокую фигуру поэта, медленно идущего по берегу озера, тем более что мотив пейзажа напоминает окрестности Михайловского. Впрочем, студент академии Бродский там не был, и нужды нет отыскивать в натуре этот уголок земли.

Все дело в ассоциациях, в том эмоциональном, поэтическом начале, которое вызывает настроение у зрителя. В этом как раз заключается та работа, что делает мертвый, неодушевленный предмет произведением искусства, вечно живым, неумирающим спутником человека.

Человек и природа — тема многих произведений Бродского. Уже в конкурсной программе — портрете жены начинает художник работу над этой темой, развивая ее в последующих картинах итальянского периода — «Италия» и «Сказка».

М. Горький, познакомившись с И. Бродским в 1910 году, писал ему в одном из писем:

«В творчестве Вашем для меня самая ценная и близкая мне черта — Ваша ясность, пестрые как жизнь краски и тихая эта любовь к жизни, понятой или чувствуемой Вами, как «вечная сказка».

В Италии, где Бродский провел три года, совершенствуясь в искусстве, его согревало тепло дружбы М. Горького. Это была счастливая пора творческого накала, упорного труда.

О столь благоприятной обстановке для развития таланта можно только мечтать. Видно, художник понимал и ценил это счастье. Этим ощущением полны не только картины «Сказка» и «Италия», написанные почти на глазах у Горького, но также портреты и пейзажи тех лет.

В 1915 году Бродский пишет очень своеобразный пейзаж — интерьер «Опавшие листья».

...Кто-то распахнул дверь, и поток ярких солнечных лучей позолотил дощатую перегородку веранды, заиграл яркими бликами на полу. Вместе с этим солнцем легкий ветерок занес и ворох золотых листьев, разбросав их по полу в живописном беспорядке. В саду светло, золотым ковром покрыта земля. Обнаженные деревья плетут кружевной узор на фоне осеннего неба. Ни души не видно, но я чувствую, что здесь кто-то есть, и, наверное, это женщина. Может быть, она бродит сейчас по опустевшим аллеям сада, и мне слышится даже шуршание опавших листьев у нее под ногами. А может, то ветер их шевелит, а она стоит на крыльце, здесь, за этой тонкой дощатой перегородкой, стоит и вспоминает о том, как весело здесь было еще совсем недавно. И я чувствую, что ей немного грустно. Мне передается это настроение. Я чувствую, как уходит жизнь минута за минутой, начинаю думать о том, что скоро опадут и последние листья, уйдет этот свет, погаснет сверкание золота. Свинцовые тучи придут с севера, нависнут тяжелым пологом над обнаженными ветвями, пойдет «осенний мелкий дождичек» и долго, долго не перестанет...

Только настоящее, большое искусство способно уводить нас в свой мир и рождать ощущения, о которых мы, может быть, даже и не подозревали. В подлинном поэтическом произведении мы всегда читаем «подтекст» и видим не просто изображение предметов, а что-то стоящее за ними. Такие полотна рождаются не каждый день даже у самого талантливого художника, поэтому-то нам особенно дороги встречи с этими редкими, рожденными в счастливую минуту созданиями человеческого духа. На больших персональных выставках И. Бродского мы не раз испытывали радость таких встреч.

Однако в слове о творчестве Бродского должны звучать не только поэтические струны.

Вся его сравнительно недолгая жизнь (он умер в 55 лет) протекала в бурную пору. 1917 год перевернул течение всей творческой жизни художника. Как и Маяковский, с которым он был в дружеских отношениях, несмотря на различия характеров и взглядов на искусство, он мог сказать о себе: «Революцией мобилизованный и призванный».

Изменилось все: тематика произведений и художественный язык. Мастер ищет более простые, ясные средства выражения, понятные самым широким массам трудящихся.

Перед лицом совершавшихся великих событий художник почувствовал, что он обязан выполнить свой долг перед потомками и оставить художественные документы о событиях и людях великой эпохи. Поражает энергия и необычайная работоспособность Бродского в те годы. Около двухсот натурных зарисовок деятелей Коминтерна создал мастер, многие из которых поражают ясностью характеристик и по-энгровски безупречной линией. Рисунки были сделаны к картине «Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна». В те годы это полотно Бродского явилось крупным событием в художественной жизни страны. Помню, сколько было споров, осуждений, восторгов.

Целеустремленно и настойчиво художник продолжает осуществление этой своей исторической миссии, создавая цикл картин-документов и огромную серию портретов. Но и в этот период он обращается порою к лирическим песням своей молодости.

Тут снова вспоминает он свой стиль «ажур», развивая и совершенствуя его. Пейзаж «Ворота» вновь возвращает нас к автору «Опавших листьев» и других лирических холстов художника, но в несколько ином качестве. Он проще и строже, в нем менее заметны приметы стиля «ажур». Но, как всегда, хочется уйти в этот мир не картинно-прекрасный, а совсем будничный, ничем, казалось бы, не привлекательный, а все-таки зовущий. Хочется войти в эти ворота, посмотреть, чем там заняты мальчишки, присевшие на корточки у самой дороги. Пойти дальше по плотному, спрессованному весенним солнцем снегу куда-то в поле, где небо и солнце заставят забыть эти давно не крашенные ворота и тысячу всяких житейских забот и тревог.

Работа над пейзажем не прерывается живописцем до конца дней. Как незабываемая первая любовь, она согревает сердце бойца и гражданина.

Бродский был непримиримым борцом против всякого рода крикливого псевдоноваторства в искусстве, против ниспровергателей ценного и доброго под лозунгом того, что оно «устарело». И, несмотря на кажущуюся мягкость характера, он никогда не сдавал своих позиций.

Выступая перед нами, студентами Академии художеств, в 1938 году, он говорил: «Я всю жизнь боролся с формалистами и был жестоко ненавидим ими за это. Но к этой борьбе я привык... Я всегда буду вести упорную борьбу со всеми пачкунами в живописи».

Художник всю жизнь боролся за высокую профессиональную культуру, за любовное, строгое отношение к искусству, за создание непреходящих духовных ценностей.

Всю деятельность свою он понимал как служение народу и был человеком большой душевной широты и щедрости. Стоит вспомнить хотя бы о том, как он поступил с огромной коллекцией картин. Около двухсот пятидесяти полотен было подарено им родному городу Бердянску. Эти вещи послужили основанием для художественного музея. Приблизительно столько же передано в Днепропетровский художественный музей, а остальные экспонируются теперь в музее-квартире.

В архивах И. Е. Репина в «Пенатах» было найдено неотправленное письмо к неизвестному, который просил, видимо, великого художника высказать свое мнение об Исааке Израилевиче Бродском. Вот несколько строк из этого письма:

«О Бродском написать легко: надо быть только в хорошем настроении. Потому что и его характер и произведения, в которые он вкладывает столько любви и красоты, всегда журчат чистым источником ключевой воды. Этот родник чистого искусства зеркально отражает в себе все, на чем душа симпатичного художника остановила свой глубокий взор.

Особенность творчества Бродского — тонкость и изящество линий. Это свойство редкое и драгоценное. Оно говорит о глубокой любви к искусству и той скрытой красоте, которую не всякий художник постигает в натуре.

Это первое: видеть и полюбить; а за сим следует второе, недосягаемое всякому,— воспроизвести... Глубина и тонкость этого предмета необычайно трудна. Самое малое количество художников увлекается этим — истинным мерилом страсти к искусству. О, сколько надо положить здесь горячего труда — ответственного, точного искуса! В наше время — нелепых исканий нарочитой безграмотности, антихудожественной грубости, даже не может быть понятен истинный культ искусства».

Джеффри Даттон (родился в 1924 году) — один из интереснейших поэтов современной Австралии, автор нескольких книг стихов, лауреат премии Грейс Левен.

Как и многим другим австралийским поэтам, ему свойственна любовь к родной земле и к тем, кто на ней трудится.

Прежде всего он тонкий лирик, мастер дымчатой акварели. Нужно обладать удивительным поэтическим зрением, чтобы увидеть «среди обмороженных кустов камелии один полуоткрытый бутон красного цвета, который никто никогда не заморозит», и тихо добавить, что это был глаз пробуждающейся малиновки. Нужно обладать огромной нежностью, чтобы сказать о влюбленных: «Чем больше они желают друг друга, тем медленней они должны идти». Нужно обладать большой грустной мудростью, чтобы сказать о смерти: «Эта таинственная иностранка, которая говорит на нашем языке слишком совершенно для того, чтобы понимать его как собственный...»

Однако полутона не единственное поэтическое оружие Даттона. Часто, когда что-то вызывает в нем гнев или сарказм, поэт становится беспощаден: «Игрушки академиков — полированные черепа поэтов». Ядовитой иронией пронизано стихотворение «Состояние Англии сегодня». Жаждой бунта против установившихся канонов буржуазной морали наполнено стихотворение «Жалоба бульдозеров».

Творческий путь Даттона характерен для многих представителей западной интеллигенции, не удовлетворенных современным состоянием общества и ищущих выхода. Даттон является основателем молодого издательства «Сан Букс», вокруг которого группируются многие прогрессивные литературные силы Австралии. Это издательство намерено осуществлять самую тесную связь с советскими писателями.

Сейчас Джеффри Даттон приезжает к нам по приглашению Союза писателей. Ну что же, для людей с открытым сердцем открыты и наши сердца.

Евг. ЕВТУШЕНКО

P. S. Выражаю глубокую благодарность К. Аксеновой, А. Ефремову, О. Кругерской, помогавшим мне при переводе стихов Джеффри Даттона.

Цветы и ярость

Джеффри ДАТТОН

Рисунки А. Брусиловского

ТАНЦЫ НА СКЛАДЕ ШЕРСТИ

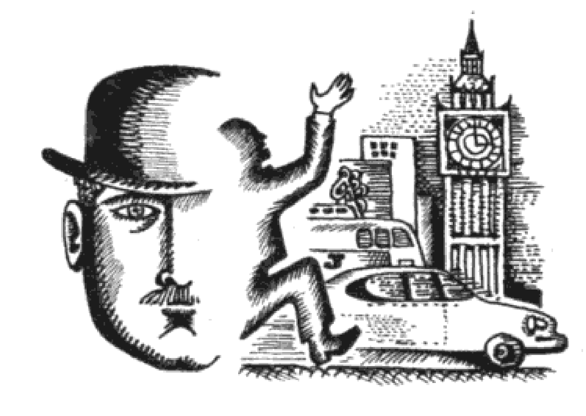
Пыль, стряхнутая наземь с их сапог,
красна, как осень на дождливом юге,
где вмяты листья ржавые в песок,
где корни винограда без натуги
влезают в землю, как рука в рукав,
где всюду пыль такая же кружится,
цепляясь над волнáми диких трав
за сапоги такие же и джинсы.

У воздуха движения тяжки
от запаха устойчивого шерсти.
Расселись, будто зрители, мешки
и танцы смотрят смирно, честь по чести.
Окрашивает лампа в желтый тон
пропахшие все той же шерстью сваи.
Танцуют тени под аккордеон,
на дряхлых стенах грозно вызревая.
Танцуют джигу, польку... Что творит
аккордеон! Как звезды, он бесплатен.
И черным сердцем осени горит
цветок пустыни на поблекшем платье.

С ребенком в правой жилистой руке
и с кружкой пива пенистого в левой
на этих стенах, сваях, потолке
танцует инвалид как ошалелый.
А пиво шепчет: «Я тебя свалю!» —
а он: «Еще поборемся друг с дружкой!» —
и ногу деревянную свою
вполне уравновешивает кружкой.

Звенит бутылка оземь... Ну и пусть!
И повар, пиву темному покорен,
мучительно в постель находит путь,
как в скалах щель находит дикий корень.

Уж за полночь... Домой пора идти.
Перед луною лампы все бледнеют,
и пьяные трезвеют по пути,
а трезвые от воздуха пьянеют.
И лаской, пожалуй, женщин всех
их обнимает преданно природа.
Стихают танцы, музыка и смех —
лишь времена таинственные года
играют от зари и до зари,
как будто бы меха аккордеона,
сжимаемые горестно, до стона,
в морщинистых сухих руках земли.
Они играют без каких-то плат
для всех людей, униженных и сирых,
и для кустов солончаково-серых
на этой почве, красной, как закат.



СОСТОЯНИЕ АНГЛИИ СЕГОДНЯ

Так много румяных политиков,
так много статистиков бледных,
так много зловредных нытиков,
так много пилюль безвредных —
я никогда не видел.

Так много дворцов прекрасных,
полных легенд нерассказанных,
но в трещинах очень опасных,
хотя и умело замазанных,—
я никогда не видел.

Так много художников чахнущих,
так много контор процветающих,
так много поклонников чокнутых,
при музыке просто тающих,—
я никогда не видел.

Так много здоровьем пышущих,
таких, кто совсем не сердиты,
так много писателей, пишущих,
как будто гермафродиты,—
я никогда не видел.

Так много дряхлых ворчателей,
так много ворчателей юных,
так много газетных читателей,—
так мало читателей умных —
я никогда не видел.

Так много анкетной тины,
так много бурных оваций,
так много святой дисциплины
в том, чтоб всегда сдаваться,—
я никогда не видел.

Так много (грустно признаться!)
подачек и оптом и в розницу,
что даже порой вся нация
похожа на бедную родственницу,—
я никогда не видел.

Такую любовь к балетам,
к футболу, к политике, к соусам,
такую любовь к болезням,
но уточняю — к собственным,—
я никогда не видел.

Такого презренья к богатству,
и в то же время так много
попыток его домогаться
украдкой от ближних и бога —
я никогда не видел.

Такую притворную славу,
хотя пребыванье в позоре
есть общая слава, по праву,
и лейбористов и тори,—
я никогда не видел.

Так много людей, осуждающих
войну, если верить спичам,
а в общем, ее разжигающих
при помощи старых спичек,—
я никогда не видел.

Кто там спокойствием хвалится,
советуя без опасенья,
что если здание валится,
то у стены — спасенье?
Пожалуйста, не говорите.

Кто говорит благочинно,
что серое небо ясно,
что благороден мужчина,
а женщина так прекрасна?
Пожалуйста, не говорите.

ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

Когда по парку в зарослях бутылок
блуждают мародерами коты,
и в чей-то рваный, брошенный ботинок
дождь слезы льет с беззвездной высоты,
когда свекрови заняты пасьянсом,
сонливые — сопением во сне,
а пьяницы — своим обычным пьянством,—
то пусть любовь опять придет ко мне.

Когда стога уже мышей не прячут —
лишь слышен шорох ящериц и змей,
когда, как бабы старые, судачат
политиканы всяческих мастей,
когда чеканю звонкую монету
в колодце ночи на угрюмом дне,
ну, а ведра для той монеты нету,—
то пусть любовь опять придет ко мне.

Но лишь когда бутылок и жестянок
не будет в старом парке у запруд,
когда у манекенов-истуканов
на подбородках волосы взойдут,
когда взлетит ботинок рваный к звездам,
когда коты залают при луне,
тогда тебя вернуть не будет поздно,
тогда любовь опять придет ко мне.

ЖАЛОБА БУЛЬДОЗЕРОВ

Бульдозеры вздыбились, грозно ощерясь,
с тоскою собачьей в электроглазах
и прыгнули к морю зовущему
через
деревья, и скалы, и собственный страх.
Затихло шоссе, и затихли ущелья,
солдатский поселок печально затих,
и только из волн, где машины исчезли,
всходила железная жалоба их:
«Трава, успокойся
и солнцу откройся.
Мимоза, не бойся,
шиповник, не бойся —
ведь больше не гибнуть ветвям и бутонам,
чтоб «форды» неслись по дорогам бетонным.
На мертвых телах
орхидей и фиалок
не будет стоянок
«рено» и «фиатов»!
Пусть люди встают,
как холмы или скалы,
собой защищая природу от стали,
но пусть это будут такие холмы,
чтоб их никогда не разрушили мы!
А мы еще чуточку поозоруем:
мы кверху всю землю сбульдозеруем!
Пусть все —
от богатых до бедных — взметется.
Пусть тот, кто вовек не смеялся,—
смеется,
А тот, кто ни разу не плакал,—
пусть плачет.
Пусть конь — поползет,
черепаха — заскачет.
Пусть все полетит вертикально и шало:
от горизонтального радости мало!
Мы вывернем,
доброе дело содеяв,
секреты святых
и секреты злодеев!
Пусть юбки монашек
им лица закроют
и грешникам нечто, быть может, откроют.
Пусть дрожь неразумности
разумом будет,
а разум на пенсии малость побудет.
Пусть вселится в каждого клерка из банка
бунтующих бесов беспечная банда!

Все тюрьмы,
суды,
министерства мы сроем,
а людям взамен вечеринку устроим.
На ней
(вот веселенький будет компот!)
никто не умрет,
пока жить не начнет.
...Увы,
а кому это, собственно, надо?
Асфальтам,
задуманным для променада
серийных машин,
и серийных тупиц,
и для монументов сомнительных лиц?
Но все-таки этому будет хана!
«Всю правильность к черту!»—
кричим мы со дна.
Но все-таки —
мы предрекаем из моря —
когда-нибудь станет кривым все прямое,
когда-нибудь станет кривое —
прямым,
и мы на земле еще всласть погремим.
А если не так —
существует вода,
и вы не увидите нас никогда».

Перевел Евг. Евтушенко.

Пограничный пост в провинции Свай-Риенг. Вдали южновьетнамская «стратегическая деревня».

ТРЕВОЖНАЯ ГРАНИЦА

РЕПОРТАЖ ИЗ КАМБОДЖИ

Константин ЯКИМОВИЧ

Фото автора.

Командиры пограничных постов в провинции Свай-Риенг.

— Минут через десять начнется! — сказал сержант Чан Ми.

Мы на одном из пограничных пунктов в камбоджийской провинции Свай-Риенг. Наблюдательный пост хорошо замаскирован, впереди в 150—200 метрах — южновьетнамская деревня. По дороге к ней тянется вереница крестьян. С корзинами за плечами, с вязанками хвороста, с мотыгами спешат они, пугливо озираясь по сторонам.

— Поля у границы им запрещают обрабатывать,— поясняет сержант.— Крестьяне отыскали клочки земли далеко от деревни, и чтобы добраться туда, у них уходит почти полдня.

Вдали в облаке пыли появились мотоциклисты. Крестьяне, не успевшие дойти до деревни, побросали свой груз и кинулись ничком на землю. Солдаты, не слезая с мотоциклов, расшвыривали ногами хворост, переворачивали корзины

и, не найдя ничего опасного, стали пинать ногами кого-то из крестьян. Постреляв в воздух, они разрешили людям встать и собрать свое добро. Все это происходило возле так называемой стратегической деревни — американского варианта концлагеря для вьетнамцев. Тех, кто не успевает вернуться в деревню засветло, считают партизанами и расстреливают на месте.

Красноватая пыль, поднятая мотоциклистами, медленно оседала, словно ржавчиной покрывая придорожный кустарник и заросшие травой рисовые поля.

В этой деревне остались только старики, женщины да малые дети. Все работоспособные мужчины и подростки угнаны. Солдаты измываются над крестьянами, насилуют, грабят. Люди не в силах бороться с голодом и болезнями. Кладбище, расположенное по другую сторону колючей проволоки, скоро будет занимать больше места, чем деревня.

В районе этого поста очень часты провокации американцев и южновьетнамских солдат против Камбоджи. За последние два месяца их было свыше тридцати.

Губернатор провинции Свай-Риенг У Тон Ха, совершавший вместе с нами поездку в пограничный район, говорит:

— Американцы, видимо, рассчитывают посеять среди нашего народа панику, страх. Но разве можно запугать и покорить народ, который защищает свою свободу!

Когда ставка на капитуляцию Камбоджи провалилась, агрессоры начали распускать слухи, будто Камбоджа укрывает на своей территории южновьетнамских партизан, снабжает их оружием и что якобы через эту страну в Южный Вьетнам проникают отряды северовьетнамцев.

Граница провинции Свай-Риенг с Южным Вьетнамом тянется на 250 километров. Добрую половину этого пути мы проехали по проселочным дорогам и прошли пешком по тропинкам. Мы посетили пограничные посты и деревни, а также несколько пограничных застав в соседней провинции Такео. И нигде не встретили иностранных войск.

Недалеко от пункта Трас на северо-востоке провинции мы услышали артиллерийскую канонаду. Звук доносился с южновьетнамской стороны. Черные клубы разрывов поднимались над лесом. Деревня, куда мы подъехали, уцелела случайно. Сейчас она была почти пуста. Ее жители вместе с камбоджийскими воинами ушли в район обстрела тушить пожар, спасать посевы риса.

По дороге на пограничный пост мы нагнали старого буддийского монаха. Было видно, что идти ему нелегко. Но он шел под палящим солнцем с непокрытой бритой головой, высокий, степенный и невозмутимо спокойный. Солдаты, увидев старца, приветствовали его с большим почтением, усадили в тени деревьев. Сус Срей — так звали монаха — возглавляет буддийскую общину этого района. В прошлом году, во время налета американской авиации, этот храм был поврежден. Погибли ученики Сус Срея. Он сам был контужен, стал плохо слышать.

— Храм мы восстановили,— сказал бонза.— Но кто возместит потери, которые понесли наши сердца?

Сус Срей известен среди буддийского духовенства за пределами провинции. Недавно его пригласили на высокий пост в Пном-Пене. Он поблагодарил и отказался: «Я буду со своими земляками на границе до тех пор, пока из Индокитая не уйдут американцы».

Вокруг бонзы собиралось все больше и больше людей. Многие из крестьян были с лопатами, топорами и автоматами. В пограничных районах вооружен весь народ. Созданы добровольные дружины, солдаты обучают крестьян военному делу. Сегодня они тушили лесной пожар, восстанавливали земляные перемычки на рисовых полях, чтобы не ушла вода, ни на минуту не оставляя оружия.

— Вчера американцы передали по радио сообщение, что на камбоджийской территории в нашем районе они разгромили с воздуха шесть батальонов северовьетнамцев,— рассказывал собравшимся бонза.— Я был там, куда они сбросили свои бомбы. Американцы правы. Там действительно шесть... высоких пальм!

Позже к нам присоединился полковник Неан Им, командующий военным округом. Он побывал на месте провокационного налета, тщательно осмотрел весь район, беседовал с пограничниками и крестьянами.

— Мы детально расследуем каждую провокацию,— сказал полковник.— Сообщаем о них в Международную комиссию. Я убежден, что наступит день, когда агрессоры будут привлечены к самой строгой ответственности.

Некоторое время назад в Свай-Риенге был пойман кхмер, который распускал злобные слухи, пытался сеять панику среди населения. Он оказался предателем, бежавшим из страны. В Южном Вьетнаме его приголубили американцы. У них он прошел бандитскую выучку и тайно пересек границу.

— У американцев в Южном Вьетнаме организована целая сеть баз и диверсионных центров,— рассказывает полковник.— Посмотрите вот на эту карту.

На большой карте красными кружками отмечены места провокаций американцев и южновьетнамских войск. На территории Южного Вьетнама черными кружками — базы, откуда агрессоры совершают нападения. Так, например, крупные американские базы, находящиеся в непосредственной близости от этой камбоджийской провинции, расположены в южновьетнамских районах Тай Нин, Со Ба Чиен, Го Дя Уха. Агрессоры подкармливают там предателей кхмерского народа из организации «Кхмер Серей», готовят их для диверсий.

— Напрасны надежды агрессоров,— комментирует свой рассказ полковник.— В борьбе с врагами участвует все население не только в пограничных зонах, но и в тылу нашей страны. Ни один провокатор и предатель не избежит возмездия.

В этом пограничном районе есть лесничество. Тысячи гектаров ценных пород деревьев, озера, большой заповедник находятся под охраной государства. Во главе всего хозяйства стоит Прак Мен Мон.

Мы заехали в одну из сторожек лесника. У Прака большая семья, пятеро детей. Энергичный, наблюдательный, он один из лучших помощников пограничников.

— Почти все звери ушли из наших лесов,— говорит он.— Налеты, бомбежки, ядовитые газы распугали их. Но появились другие звери — двуногие. Им, перешедшим к нам через границу, пощады не даем...

Лесник с помощью крестьян выследил в лесах не один десяток лазутчиков.

С северо-востока провинции мы поехали вдоль границы на юг.

Узкая проселочная дорога вывела нас на асфальтированное шоссе. По нему мы добрались до пограничного городка Бавет, в 65 километрах от Сайгона.

У пограничной заставы шоссе заросло травой. Таможня, которая прежде была самым оживленным местом, сейчас безлюдна. Вдоль границы на небольшой высоте пролетел самолет. По обыкновению, он был без опознавательных знаков: это американский разведчик.

По обе стороны границы местность ровная, открытая. В прошлом году американские самолеты пытались было обстреливать крестьян на полях, сбрасывать на созревшие рисовые посевы бочки с горючей жидкостью. И воины и крестьяне дали агрессорам решительный отпор. Один из самолетов был сбит. С тех пор самолеты не решаются здесь совершать налеты.

Земля, одинаково плодородная, неузнаваема по ту сторону границы. Она заросла дикими травами, ее тело перерезали траншеи. Всюду обломки бетонных плит, ржавые бочки из-под горючего. И над всем этим запустением стаи крикливых ворон...

— Наш народ хорошо понимает, что несут с собой империалисты,— сказал в беседе с нами Председатель Совета Министров Камбоджи принц Нородом Кантол.— Мы не хотим рабства, не хотим угнетения.

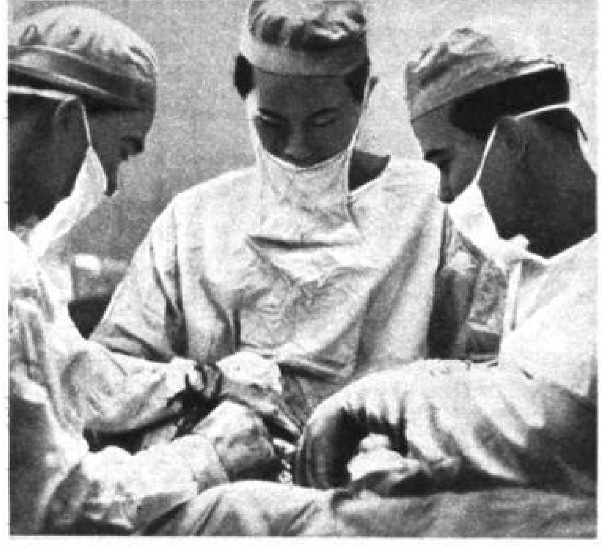
Прошедшие десять лет,— говорил нам Нородом Кантол,— показали, что наш народ способен на многое. Сейчас мы хотим только одного — мира.

Сложен и труден путь Камбоджи. Маленькая страна постоянно подвергается политическому, военному и экономическому нажиму империалистов. На западе против нее совершает провокации Таиланд, подстрекаемый американцами. На востоке — южновьетнамские марионетки. Участились и провокации на севере, со стороны Лаоса, где американцы осуществляют вооруженную интервенцию. Все эти годы империалисты не ослабляют и экономического давления на страну.

Председатель Совета Министров Камбоджи Нородом Кантол, передавая большой привет и наилучшие пожелания советскому народу, сказал:

— Мы ведем борьбу за независимость по многим направлениям. Но фронт у нас один — антиимпериалистический. И в этой борьбе у нас есть верные друзья. В первую очередь наш большой и бескорыстный друг — Советский Союз.

Одно из зданий госпиталя Кхмеро-Советской дружбы, построенного в Пном-Пене при помощи советских специалистов. В этом крупнейшем медицинском учреждении страны работают и советские медики.



Операцию ведет Хон Па, один из 30 молодых врачей, окончивших медицинский факультет в Пном-Пене. Два года он был учеником советского хирурга Олега Александрова. Теперь Хон Па работает самостоятельно.

БАЛТИЙЦЫ — ЧЕРНОМОРЦАМ

На нашем снимке комсомольцы-судосборщики Адмиралтейского завода в Ленинграде В. Чекменев, Н. Руденко и Н. Сердюк. Чем отличились эти парни? Хорошей работой на сборке танкера «Комсомолец Кубани». Танкер могучий, его водоизмещение — 62,5 тысячи тонн. Молодежь Адмиралтейского взяла шефство над строительством танкера и обещала сдать его морякам Черноморья в конце нынешнего года.

Фото И. Баранова (ТАСС).

РАЗНОЕ ●●● РАЗНОЕ

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Недавно сотрудники «Огонька» побывали в гостях у жителей одного из самых восточных пунктов нашей страны — бухты Наталии, расположенной на севере Камчатки, на побережье Берингова моря. Здесь состоялась читательская конференция. Специальные корреспонденты журнала Н. Козловский и Ю. Рытов рассказали оленеводам о работе редакции, о наиболее интересных своих поездках по стране. На конференции много говорилось о проблемах дальнейшего освоения Камчатки — одной из богатейших и перспективных областей нашей Родины.

Корреспонденты «Огонька» сообщили участникам конференции, что в самом скором времени журнал подробно расскажет о жизни и людях Камчатки.

■

ГДЕ ТЫ, САША?

В конце сентября 1941 года я приехал в дивизию, которая сдерживала натиск фашистских танков и пехоты, рвавшихся к Ленинграду. Обстановка на фронте была крайне напряженной. На земле и в воздухе шли жесточайшие бои.

Комиссар полка посоветовал побывать у разведчиков. Через два часа на окраине небольшой деревеньки в полуразрушенной избе я нашел командира полковой разведки старшину Д. П. Петрова — в недавнем прошлом ленинградского музыканта. Мы сидели у прикрытого хвоей костра на берегу Волхова. В котелке бурлила похлебка. Было тихо. И вдруг где-то рядом зашуршала трава. Старшина поднял карабин, но тут же опустил его.

— Это наш Сашок, разведчик, сирота...

К костру подошел мальчонка в потрепанном овчинном зипунишке. На поясе — трофейный штык, за поясом — граната.

— Я уже беспокоиться стал,— сказал командир.

Он оглядел паренька с ног до головы, положил руку ему на плечо и спросил:

— А где же корова? Что-нибудь случилось?

Саша с трудом снял тяжеленные сапоги.

— Фрицы не поверили, что я пасу корову. Забрали ее, а мне пригрозили автоматом.

Мальчик помолчал немного, а потом как бы сам себе сказал:

— Ладно, еще достану корову...

Утром старшина Петров, Саша, другие разведчики и я пошли в Новые Кириши. Высокая железнодорожная насыпь, через которую нам предстояло перебраться, простреливалась снайперами. Саша короткими перебежками первым добрался до рельсов и крикнул:

— Быстрей!..

В штабе полка мне много рассказали о Саше Попове. Ему двенадцать лет. Отец погиб. Мать умерла. Сирота увязался за воинской частью, отходившей к Ленинграду, и попросил оставить его с бойцами на правах боевого помощника разведчиков. Отважный паренек много раз переходил линию фронта, «пас» там коров, а назад приносил ценнейшие сведения.

Перед отъездом из полка я сфотографировал старшину Дмитрия Петрова и Сашу. Из Москвы послал им фотографии и получил ответ.

...Прошло двадцать пять лет. Я снова гляжу на этот снимок. Нет в живых старшины Дмитрия Петрова — он погиб смертью героя в морозный декабрьский день сорок первого года.

А где же Саша? В марте 1942 года юный разведчик был тяжело ранен и направлен в госпиталь. Как сложилась его дальнейшая судьба, где он?

Александр УСТИНОВ,
бывший военный корреспондент «Правды»

Дмитрий Павлович Петров и Саша Попов.

■

«ЗЕЛЕНЫЙ ДРУГ»

«Зеленый друг», как в шутку назвали его узбекские геологи, ничего общего не имеет ни с фауной, ни с флорой.

Глауконит — минерал зеленого цвета. Редчайшее месторождение этого полезного ископаемого, открытого близ Ташкента, исчисляется десятью миллионами тонн. Ценнейшее удобрение, прекрасный краситель, структурообразователь тяжелых почв, хранящий влагу на песчаных полях,— вот далеко не весь перечень полезных свойств глауконита. В составе минерала около 8 процентов окиси калия, необходимого для питания растений, большое количество микроэлементов. Ученые доказали, что применение «зеленого друга» в качестве удобрения на хлопковых полях повышает урожайность культуры от 5 до 10 процентов. Это даст совхозам и колхозам республики дополнительный доход. Замечательные результаты получены и на картофельных полях. Картофель, «питавшийся» глауконитом, повысил урожайность только что не в половину. Разработки месторождения глауконита не потребуют больших затрат и сложных механизмов. Порода, содержащая до 90 процентов этого минерала, добывается обыкновенными экскаваторами карьерным способом.

Отложения глауконита возникли в глубинах морей в древние эпохи. Поэтому «зеленый друг» — помощник геологов в поисках многих полезных ископаемых.

Ю. СБИТНЕВ, собкор «Огонька»

■

ОБОГНАЛ «СТАРИЧКОВ»

Он еще очень молод. Ему лишь семь лет, а в росте он обогнал всех «старичков». Саратовский завод технического стекла — самое крупное предприятие такого рода в СССР. Первый цех проката стекла пущен в 1958 году. С тех пор ежегодно вводится по два совершенно новых производства: полированного, оконного и автомобильного стекла, стемалита, стекловолокнистых материалов, стеклопакетов, стеклянных блоков. И ведь что удивительно. Раньше в Саратовской области никогда не было стекольного производства. Следовательно, кадров тоже не было. Помогли друзья из Гусь-Хрустального, Горького и других мест. Теперь при заводе свой техникум и техническое училище, которые вполне удовлетворяют нужды производства в специалистах. А нужды эти растут. В 1967—1968 годах будет введено производство витринного неполированного стекла по новому способу. Сейчас в стране существуют только две стекловаренные печи, работающие по этому принципу: в Литве и во Львове. К концу этого года в Саратове будет выпущена первая партия цветных стеклоблоков. Их будут делать путем варки цветного стекла.

На стене висит карта мира. Из Саратова через материки, океаны и моря тянутся по ней стрелки к Аргентине и Ирану, к Болгарии и США, к Афганистану и Англии, к Кубе и ГДР. В 16 стран мира идут изделия из саратовского стекла. Мне сказали, что скоро на карте появятся новые стрелки.

Ю. ЛУШИН

■

ИМЕНИ ГЕРОЯ

— Вот тут они лезли особенно яростно,— рассказывает пограничникам Иосиф Петрович Августинович, вспоминая первый день войны, 22 июня 1941 года.— А застава держалась до последнего бойца, до последнего патрона.

Иосиф Петрович жил тогда там же, где и теперь,— неподалеку от границы. В тот далекий день он был свидетелем неравного боя с гитлеровцами воинов заставы, которой командовал лейтенант Виктор Усов. На пограничников, вооруженных лишь стрелковым оружием, обрушилась артиллерия, минометы, танки, но никто из них не дрогнул.

Те, кто служит на заставе сегодня, свято берегут традиции мужества и патриотизма. Воспитывать молодых воинов помогает и старый крестьянин Иосиф Августинович. Ведь сам он был не просто свидетелем сражения. Когда застава пала, Августинович и его жена нашли невдалеке от места боя ребенка — дочь политрука заставы Олю Шарипову. Они спасли и вырастили девочку. Сейчас Ольга Александровна, жена пограничника, мать двоих детей, живет в Бресте. Супруги Августиновичи награждены медалями «За отличие в охране государственной границы СССР». А застава носит имя Героя Советского Союза лейтенанта Усова.

А. ЩЕРБАКОВ

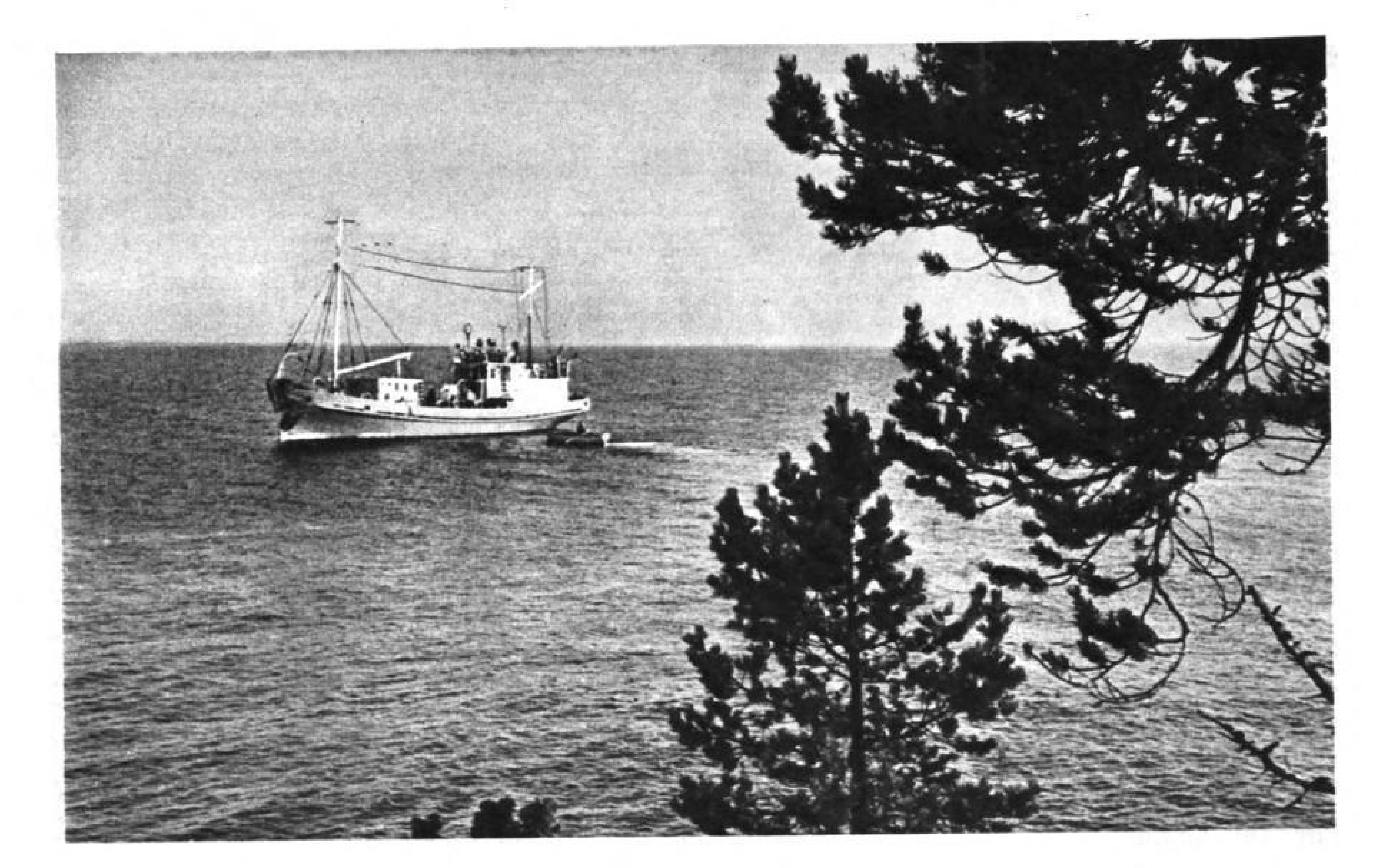
Фото А. Мызникова

Западная граница.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Галины САНЬКО.

ОНЕГО



Суйсарским мальчишкам тоже интересно, как микробиолог Дина Александрова проводит анализы онежской воды.

Сегодня в рейс на «Лимнее» вместе с начальником экспедиции, доктором биологических наук И. И. Николаевым и гидрологом Т. И. Малининой идет их гость и коллега профессор Минского университета Г. Г. Винберг (в центре).

И в дождь работа не прекращается.

В ЗАЩИТУ ПРИРОДЫ

Оно лежало вокруг — серебристое, словно рыбья чешуя, огромное, изменчивое. Иногда оно становилось сереньким и блеклым, как северное небо. Мелкий дождик выбивал на его поверхности тысячи кратеров. Потом опять появлялось солнце, ясное, обновленное, будто ходило напиться, и тогда озеро делалось синим и глубоким и становилось еще прекраснее.

Однако разговор, который шел о нем, об Онежском озере, на палубе научно-исследовательского судна «Лимнея», был невеселым.

— Еще недавно в Кондопожской губе водился лосось, сиг, а сейчас остался лишь сорный ерш,— говорил доктор биологических наук Иван Иванович Николаев,— промышленные предприятия загрязняют воду сверх всякой меры. Не лучше обстоит дело и в Петрозаводском заливе.

Наша поездка—обычный рабочий рейс научно-исследовательской экспедиции. На «Лимнее» находятся биологи, химики, гидрологи, географы — сотрудники Лаборатории озероведения Ленинградского университета. Они наперебой рассказывают о значении Онежского озера, о древнем Онего. Только, пожалуй, американские Великие озера могут состязаться с ним в транспортном отношении. Онего — это ценные породы рыб, это огромное море пресной воды, мягкой и вкусной, это энергетика северного края, это тысячи кубометров леса, покачивающиеся на его волнах во время сплава, это полные дикой красоты пляжи, курорты с выходом целебных источников.

Жизнь озера сложна. Солнечная радиация, например, влияет на химический состав воды. С химизмом связана жизнь водорослей. А на основе водорослей развиваются мельчайшие животные организмы — пища для рыб. И что самое главное — без знания законов, по которым развивается озеро, невозможно не только представить себе его прошлое и будущее (что тоже немаловажно), а даже сейчас, сегодня трудно разумно пользоваться огромным богатством, данным нам природой. Не зная водного баланса или степени зарастания озера, не построишь электростанцию. Без карты течений трудно наметить наиболее выгодные районы лова рыбы. А изучение температурного режима озера помогает рассчитать на электронных машинах, когда оно вскроется ото льда.

Недавно сотрудники экспедиции докладывали о своей работе в Госплане Карелии. Показали составленную ими карту течений. «Так вот почему тут, сколько ни старайся, ничего не поймаешь, а там, наоборот, всегда есть рыба!» — воскликнул один практик, глядя на карту.

Составление карт, описание строения дна, изучение химического состава воды требуют постоянных, каждодневных исследований, наблюдений, проб, в любую погоду, зимой и летом, в дождь и шторм.

...Озеро — предмет исследований ученых — спокойно лежало за кормой. Мимо проходили пассажирские и грузовые суда, проносились маленькие катера и «Метеоры», облепленные туристами; медленно тянулись берега, скалистые, поросшие мхом. На скалы взбирались ели, как воины отважной армии в черно-зеленых остроконечных шлемах. Иногда они расступались, и в просвете были видны корпуса новостроек или строгие,

молчаливые церковки, построенные столетия назад.

«Лимнея» вздрогнула и остановилась. Знакомый по репродукциям, фотографиям, рисункам силуэт двадцатидвуглавой деревянной церкви Преображения в Кижах застыл на месте. Тут, в Великой губе, напротив острова Кижи, пересекаются линии одного из ста квадратов, на которые разбили ученые Онежское озеро.

Я видела ее, маленькую карту, снятую на кальку. Такая карта есть почти у каждого сотрудника экспедиции. В месте, где мы сейчас остановились, стоит цифра «45». Сорок пятая станция. Одна из ста.

Крутятся лебедки. На вздрагивающих от напряжения стальных тросах сползают в воду батометры. Морские вертушки, напоминающие флюгера, измеряют направление и скорость течений. Эхолот непрерывно пишет глубину. Как белые парашюты, плавно опускаются с борта сетки для ловли планктона. Одни приборы измеряют солнечную радиацию, другие — температуру воды и воздуха, третьи берут со дна колонки грунта.

«Помните, что в озере, кроме воды, есть еще и донные отложения»,— сделал шутливую надпись на оттиске подаренной мне статьи кандидат географических наук Николай Иванович Семенович.

Донные отложения — летопись озера. Геологическая поэма. Тут скрыты свидетельства не только истории самого озера, его животного мира, но и атмосферы над ним, растительности по его берегам. Пыльца растений (а ведь кажется, достаточно дуновения, чтобы уничтожить ее) хранится на дне озера тысячелетия. Ученые узнают, что было в этом месте в ледниковый период, как мхи и лишайники сменились соснами, елями, березами, растущими сейчас по берегам. Я смотрю на колонку грунта, над которой мудрит научный сотрудник Наталья Давыдова, и не могу поверить, что нижняя часть колонки была дном озера десять тысяч лет тому назад.

Пробы, пробы, пробы... Чтобы составить карту донных отложений, надо взять колонки минимум в пятистах точках озера. И не одну колонку. А чтобы определить химический состав воды на разных глубинах и ее прозрачность, за один рейс берут до ста восьмидесяти проб.

Вода из латунных батометров по тоненьким резиновым шлангам стекает в пластмассовые бутылки. На каждой — номер. (Это чтобы точно знать, когда, где и на какой глубине взята проба.) Из последнего батометра все дружно пьют. Я тоже. Вода с глубины восемьдесят метров холодная, прозрачная, почти дистиллированная.

Существует таблица, где степень химической чистоты воды определяется цифрами. Дистиллированная вода—цифра 1, вода Байкала идет под номером 4, вода Онежского озера—2 — наиболее близкая к дистиллированной.

Но я ходила с лимнологами в рейсы, видела результаты анализов, читала отчеты и все больше убеждалась, что, если отношение к Онежскому озеру останется прежним, вода в этом пресном море навсегда потеряет свои великолепные качества.

— Как-то я брал пробу воды в Петрозаводском заливе,— рассказывал мне заместитель начальника экспедиции Виктор Румянцев.— С берега подул ветер, и в глубь озера вытянулся и медленно пополз серо-коричневый грязный язык. Чего тут только не было! Нефть, опилки, копоть... Без всяких приборов видно. И что совсем грустно, всегда есть в пробах воды, взятых вблизи Петрозаводска, болезнетворные бактерии.

Не надо представлять себе ученых, занимающихся изучением озер и ратующих за чистоту вод, этакими консерваторами, выступающими против промышленного развития. Все дело в том, **что** строить, **как** строить и **где** строить. Сейчас экспедиция делает очень важную и интересную договорную работу. Ученые пытаются заглянуть в будущее, рассчитать, что произойдет в Повенецком заливе, если вступят в строй еще только запланированные предприятия. Как распространятся, например, загрязненные воды от будущего канифольного завода, перевалочной базы, порта? Повлияет ли это на запасы рыбы? Вызовет ли изменения химического состава воды? Так научные исследования помогут выбрать места для будущих строек. Ведь профилактика заболеваний подчас оказывается даже важнее, чем их лечение.

Во время разговоров о судьбах озера кто-то из ученых напомнил слова Энгельса, которые все мы, когда учились в институтах, записывали в конспекты, цитировали на экзаменах и зачетах. «Итак на каждом шагу факты напоминают нам о том,— писал Энгельс в «Диалектике природы»,— что мы отнюдь не властвуем над природой, так как завоеватель властвует над чужим народом... наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять».

Познавать законы... Директора заводов, которые сбрасывают в реки и озера отравленные воды, совсем не хотят погубить в них все живое. Они просто не знают законов, по которым живет озеро или река. Действительно, что случится с Онежским озером, с его акваторией в десять тысяч квадратных километров, если туда сливать буквально капли загрязненных вод? На первый взгляд ничего. Так и поступали в Кондопожской губе, где находятся целлюлозные и другие заводы. На их опыт ссылались даже сторонники пуска целлюлозных комбинатов на Байкале. Озеро-де стойт. Ничего с ним не случилось. А заводы работают давно.

Сейчас онежская экспедиция провела исследования, и открылась печальная картина. Загрязненные воды из Кондопожской губы не распространяются равномерно на всю площадь озера. Течение несет их вдоль берегов прямо к местам нереста сига и лосося. Можно ли удивляться, что тут навсегда пропали ценные породы рыбы? А зимой воды распространяются очень далеко и доходят вплоть до острова Суйсари.

Сотрудники экспедиции рассказывали мне, с каким вниманием стали к ним сейчас прислушиваться в Карелии, как помогают в работе. И все-таки иногда случаются вопиющие вещи.

По плану реконструкции Петрозаводска предполагается перенести некоторые промышленные предприятия за черту города. Где лучше их расположить? Одним из таких районов, думалось, станут Пинь-губа и Ял-губа. Ученые изучили систему течений, ветров, температуру воды, ее химический состав и пришли к выводу, что строительство предприятий, в том числе и нефтебазы, тут вполне возможно. К югу же от Петрозаводска переносить предприятия не рекомендуется.

Выводы были сделаны, напечатаны, приняты к сведению и... забыты. Своими глазами я видела, как в десяти километрах от города, в Вигай-Наволоке, идет строительство нефтебазы. Уже начал работать бульдозер, прогнав с места раскопок петрозаводских археологов. Руководитель работ археолог Григорий Александрович Панкрушев пошел в последний раз взглянуть на раскоп.

— Древние люди были умнее нас,— сказал он.— В этом живописном месте, на песчаном берегу Онего, они ставили свои стоянки. И тысячу лет назад и три тысячи, и вот последний раскопанный нами слой рассказывает, что была тут стоянка и пять тысяч лет назад. А тогда ведь не было этого великолепного соснового бора. Жаль, не приедешь теперь отдохнуть сюда из города...— И прибавил: — Тут бы курорт надо, а не нефтебазу.

— Все дело в том,— говорили мне потом лимнологи,— что именно здесь никак нельзя строить нефтебазу. Если в Ял-губе или в Пинь-губе загрязненная нефтью вода попала бы только в поверхностный слой и Ивановские острова, как естественная преграда, задержали бы ее, то от Вигай-Наволока она пойдет как раз к Петрозаводску. Онежское озеро северное, холодное. Органические процессы в нем замедленны, самоочищение воды ничтожно, поэтому нефть и мазут будут годами носиться по поверхности залива. Но об этом не думают строящие организации. Они думают, что в Вигай-Наволок ведет хорошая дорога, недалеко город,— словом, удобное место.

...Сорок пятая станция прошла. Можно в путь до тридцать восьмой, где будет новая остановка. Опять все наблюдения начнутся сначала. К тридцать восьмой подойдем ночью. А пока еще вечер, пока можно отдохнуть, поесть по очереди в тесном салоне!

У лимнологов, как у всякой уважающей себя профессии, есть свой гимн. Автор — молодой микробиолог Дина Александрова. Гимн поется под гитару. На «Лимнее» нет другого инструмента.

Светлых звезд торопливые взоры
Золотую ласкают волну,
Мы с тобой изучаем озера,
Покоряем озер глубину...

Работа сейчас есть только у химиков. Научный сотрудник Галина Расплетина возится с пробирками. Некоторые анализы на содержание в воде кислорода и углекислого газа необходимо провести немедленно.

Только ясное небо над нами,
Только ветер шумит за кормой,
Мы с тобой подружились с волнами
И, конечно, на «ты» с тишиной...

Сейчас этот куплет, может быть, поют и те, кого нет на судне. Возможно, они ужинают у костра или разбивают на ночь палатку на пустынном скалистом берегу. Для полного представления о жизни озера ученым надо исследовать поведение и состав воды у берегов, рост водорослей, а также водный режим на месте впадения в озеро рек. Поэтому ранним утром отправилась в рейс на машине заведующая химической лабораторией Наталья Федоровна Соловьева. Уже больше недели не видели на базе красной лодки из стеклопластика кандидата географических наук Игоря Распопова. К берегу на судне не подойдешь, вот и приходится измерения и анализы делать с легонькой лодки. И не всегда Онего милостиво к своим исследователям. Красная лодка Распопова не раз попадала в шторм с дождем и градом, и на скалы ее швыряло так, что мотор разлетался буквально в щепки, и огромной волной захлестывало. И бывало, что по неделям уныло мокли исследователи на пустынном берегу и не могли добраться до базы в Суйсари: волны не пускали лодку через озеро, выкидывая на берег.

В Суйсари работает и брат Игоря, геофизик Олег. У них лаборатории расположены по-соседственному, в одном домике. Но братья не видятся по месяцам. Если один на базе,— другой в рейсе, и наоборот. Только записочки пишут друг другу с просьбой подготовить приборы. Однако в день рождения Игоря братья сговорились увидеться. Олег даже шампанское приготовил. А Игорь явился лишь через неделю, когда Олега на базе уже не было. Ничего не поделаешь — шторм.

...На базу в Суйсари «Лимнея» вернулась к трем часам ночи. Стояла тишина, полная запахов скошенного сена и света далеких звезд. Онего мирно вздыхало, что-то бормотало и добродушно ворчало на нас, не дающих ему спать.

АФРИКА — КОНТИНЕНТ ТВОРЦОВ

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора и Л. Бородулина.

Африканское искусство...

Непроста его судьба. Оно существовало века. Танцы, исполненные необычайной силы и впитавшие таинство людского бытия на этой земле, музыка, с ее завораживающими, почти колдовскими ритмами, скульптура, раскрывающая человеческие помыслы и человеческую душу своими особыми средствами, то откровенно-грубо, то тонкой пластической игрой материала,— все это жило вместе с Африкой, вплеталось в существование африканца, знало свои подъемы и спады, развивалось своими путями, рождало великих мастеров. И все это оставалось веками неведомым для остального мира, словно на Африку смотрели слепые. Да они и впрямь были слепы — все эти капитаны невольничьих кораблей, негоцианты, торговавшие живым товаром, полковники и генералы, утверждавшие власть метрополий на африканской земле. Они знали лишь одно искусство — грабить и убивать.

Перелистайте книги Генри Мортона Стэнли, журналиста, путешественника и ярого колонизатора, преподнесшего бельгийскому королю Леопольду лакомый кусок — Конго. В них есть немало интересных страниц, описывающих Африку. Но напрасно искать в толстых фолиантах, принадлежащих перу Стэнли, страницы, где бы говорилось об африканском искусстве. Разве оно могло существовать для Стэнли в Африке, которую он «открывал» и «приобщал к цивилизации»!

Даже честные и добросовестные исследователи этого континента, встречаясь с искусством африканских народов, интересовались им главным образом как этнографы и оставляли в стороне его эстетическую ценность.

Поистине трагичным был путь африканского искусства за пределы континента. Жаркие ритмы музыки уплывали за океан на кораблях вместе с закованными в цепи рабами. В 1897 году английская артиллерия превратила в развалины город Бенин: Великобритания расширяла свои владения в низовьях реки Нигера. Солдаты ее величества вернулись на родину, привезя в ранцах награбленное добро, среди которого были показавшиеся им забавными бронзовые фигурки. Так Европа узнала о знаменитой бронзе Бенина. Уникальный памятник африканской культуры — величественные сооружения Зимбабве в Южной Родезии — стал известен европейцам после того, как в междуречье Лимпопо и Замбези хлынули потоком авантюристы, искавшие золото; среди них был и один из «отцов империализма», Сесиль Родс. Слава об этих сооружениях распространялась по миру, а между тем хищные золотоискатели довершали дело разрушения этих памятников, начатое природой.

Впрочем, теперь это история, и сейчас уже более полувека ученые и искусствоведы разных стран заняты серьезным исследованием искусства Африки. Оно признано, от него отброшено уничтожительное определение—«примитивное искусство».

Правда, бывает и такое: в городе Пуэнт-Нуаре, в Республике Конго (Браззавиль), я както разговаривал с чиновником-французом. Беседа шла очень мило, чиновник сделал несколько комплиментов русской литературе, назвал имена Чехова и Тургенева, а потом речь зашла о месте Африки в мировой цивилизации. Я заговорил об африканском искусстве. В глазах чиновника появилось удивление. А когда я сказал, что это искусство, «открытое» на рубеже двух веков, оказало влияние на его соотечественников-художников, по его лицу разлился скепсис. А между тем он прожил в Африке, выполняя свою чиновничью работу, более десяти лет, и у него хватило бы времени понять здесь многое. И дело заключалось вовсе не в том, что он оставался чужим под этим небом.

В той же стране, в самом Браззавиле, я был в национальной художественной школе Пото-Пото (так называется один из африканских районов города), которую создал и несколько лет возглавлял французский художник Пьер Лодс. Эта школа собрала под своей крышей (в буквальном смысле этого слова, потому что художники Пото-Пото работают под большой травяной крышей, поставленной на столбы) талантливых людей, и француз, не навязывая иноземных методов и концепций, помог этим людям найти в творчестве свои пути, начало которых лежит в народном искусстве. Сейчас художники в Пото-Пото сами управляют делами своей школы, сохранив уважение и признательность к «мэтру», как они называют Лодса. Работы их получили известность далеко за пределами своей страны. Два художника из этой школы выставили свои картины на экспозиции современного искусства Африки в Дакаре, и один из них — Филипп Оуэсса — получил первую премию.

Может быть, чиновник из Пуэнт-Нуара и был не очень подходящим собеседником для дискуссии об африканском искусстве. Но любопытным. Его скепсис имел своим источником старую, но не отжившую, к сожалению, систему взглядов, которую выработала эпоха колониализма. О, конечно, в наши времена эта система претерпела изменение. Ее выразители теперь даже говорят об участии Африки в мировом развитии. Они согласны, чтобы Африка внесла в него вклад — своими алмазами и золотом, ураном и железом. Но самостоятельное творчество африканских народов, будь то в искусстве или в политике,— это для них уже слишком, это просто не вмещается в их головы. Ведь что тогда останется от системы?!

Да, профессора в разных странах изучают проблемы африканского искусства. Да, творения африканских художников признаны. В Париже сейчас дельцы, занимающиеся торговлей произведениями искусства Африки, покупают и продают их по ценам, которые и не снились солдатам, продававшим «экзотику», чтобы выпить бутылку рома в кабачке. Недавно за одну из бенинских масок в Париже было заплачено двести пятьдесят тысяч новых франков — самая большая цена, которую когда-либо платили за произведение африканского искусства. Недавняя экспозиция африканского искусства в столице Сенегала Дакаре была застрахована на сумму в десять с половиной миллионов новых франков.

Но суть не в этих цифрах. Искусство Африки — выражение самосознания ее народов. И эту его ценность нельзя определить никакой суммой денежных знаков. В многочисленных оффисах западных компаний, пустивших корни в африканской земле, в кабинетах различных советников с Запада, существующих при многих местных правительствах, сидят чиновники, подобные моему собеседнику из Пуэнт-Нуара. И с его идеологией. И африканское искусство противостоит им, как утверждение на право и способность Африки к самостоятельному творчеству. Не случайно первый фестиваль афро-негритянского искусства, который проходил в этом году в Дакаре, состоялся тогда, когда колониализм на этом континенте потерпел крупнейшие поражения, когда освободительное движение в Африке открыло ее народам новые пути в будущее.

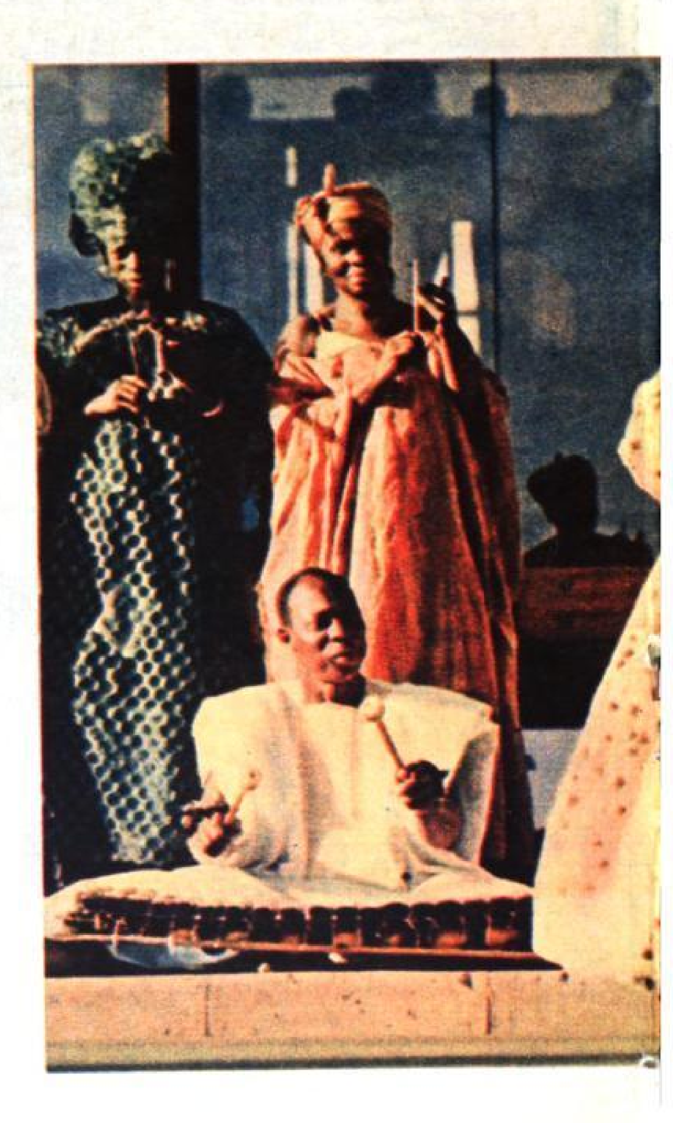
Те, кто во время фестиваля был в Дакаре, шли и ехали прежде всего к заливу Сумбедиун, где на желтом песке рыбаки исстари сушат свои расписные остроносые лодки и где недавно почти у самого океана выросло современное здание музея «Динамик». Там была открыта выставка традиционного искусства Африки, та самая, которая была застрахована в десять с половиной миллионов франков.

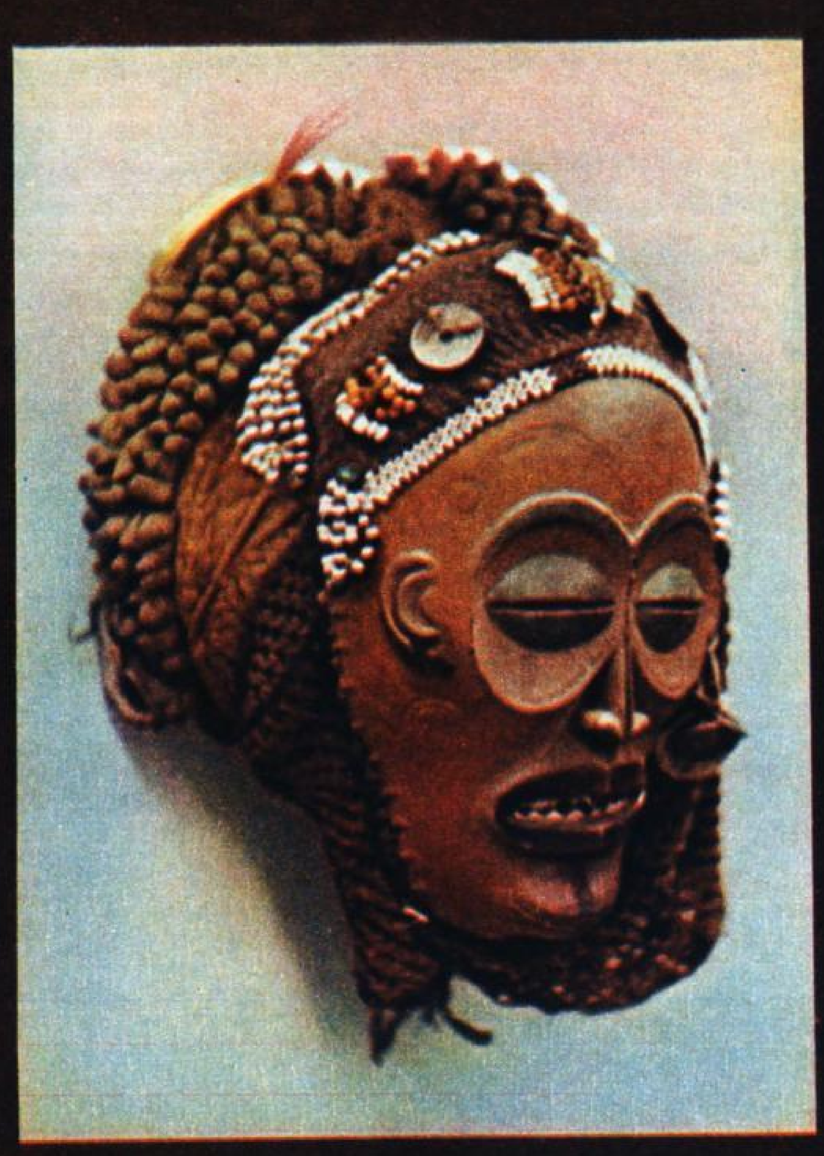
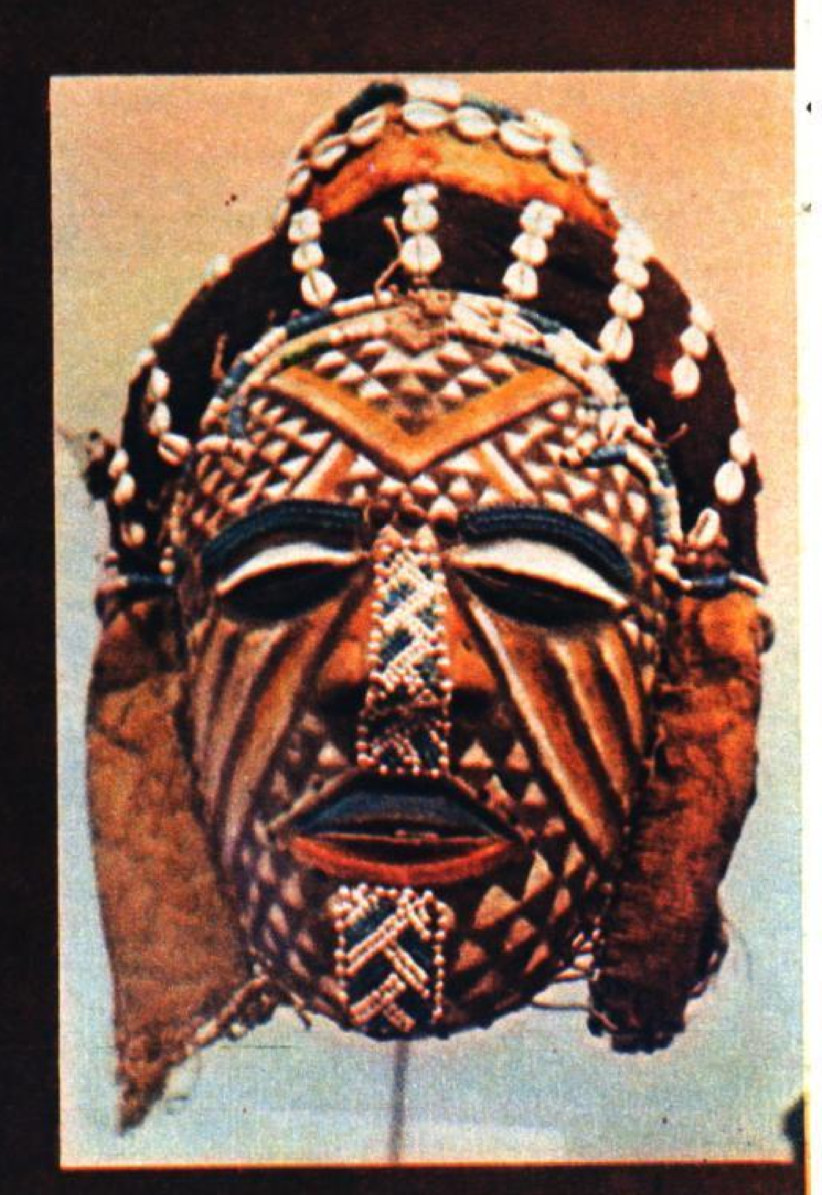
Да, это было действительно ценнейшее собрание произведений африканского искусства, уникальное, потому что нигде и никогда еще не было собрано вместе столько шедевров. Больше половины из них впервые после многих лет ненадолго вернулись на родину. Их маршруты в музей на берегу Атлантики повторяли наоборот старые колониальные дороги: ритуальная конголезская маска из Бельгии, деревянная фигурка женщины, сделанная в Камеруне, из ФРГ, бронзовый бенинский рельеф из Великобритании, маски Западной Африки — из парижского музея искусства Африки и Океании, который раньше назывался Колониальным музеем...

«Наши страны,— пишет один из африканцев — исследователей искусства своего континента,— были ареной борьбы трех мощных сил — христианства, колониализма и ислама. В этой борьбе эти силы стихийно боролись с подлинной африканской культурой». Можно спорить о точности этих слов, о закономерности, например, противопоставления колониализма и христианства, которые были союзни-

Эти вкладки посвящены африканскому искусству, главным образом искусству Западной Африки. Пусть фотографии, помещенные здесь, помогут читателю почувствовать зажигательные ритмы африканского танца, услышать африканские мелодии.

Артисты и зрители.



ками, а не противниками. Но эти силы действительно нанесли огромный ущерб африканскому искусству. В пламени колониальных войн гибли ценнейшие творения африканского гения, уникальные произведения искусства были вывезены с африканской земли. Миссионеры, во имя христовой славы боровшиеся с местными религиями, уничтожали «фетиши», подобные тем, что были выставлены в экспозиции музея «Динамик». Мусульманство с его запретами сковывало таланты африканцев.

И все же африканское искусство не сгинуло, не исчезло бесследно. И в самих африканских странах есть немало произведений искусства, которые теперь хранятся как национальное достояние.

Трудно описывать то, что было выставлено на стендах музея «Динамик». Слова могут лишь бледно передать силу экспрессии, богатство фантазии, тонкое понимание формы, которое присуще ритуальным маскам, культовым фигурам, предметам, служившим украшениями. Африканские скульпторы то лаконично и строго передавали суть изображаемого, то тщательно и подробно отделывали свои творения, скрупулезно отмечая каждую деталь, то давали волю своему воображению, и из-под их рук выходили творения, передающие образы африканских мифов, изображения божеств или персонажи ритуальных танцев.

В африканском искусстве есть еще белые пятна. Каталог выставки не всегда мог точно объяснить, чему именно служило творение африканского художника. Но безусловно то, что африканец создавал свои произведения в тесной связи с окружавшим его, с обычаями и представлениями своего народа. Не случайно в основе африканского искусства лежит изображение человека.

Традиционное искусство Африки не подтверждает теории, утверждающей «особые» черты африканского мировоззрения, мистическую таинственность души черных народов, что провозглашает так называемый «негритюд».

История не сохранила имен ваятелей, создавших это богатство. Мы никогда не узнаем подробности жизни тех, кто творил красоту в глухой деревушке на окраине тропического леса или в шумном средневековом африканском городе. Но эти люди сквозь века доказывают своими произведениями, что народы Африки в не меньшей степени, чем другие народы, одарены богатой способностью к творчеству. В этом, а не в некоем таинственном «послании» африканского гения к миру состоит подлинное и важное значение выставки традиционного африканского искусства.

И это еще раз подтверждают произведения современных африканских художников. Выставка их работ в Дакаре собрала лучшее, что было создано африканцами за последние годы. Она показала, что искусство Африки вступило в новую фазу своего развития.

Но выставка была пестрой по жанрам и по стилям. На ней были представлены и произведения профессиональных художников и работы прикладного, ремесленного характера.

Африканского художника иногда захлестывает декоративность, порой видно, что традиции словно мешают заговорить художнику со зрителем просто и понятно. В иных случаях полный отказ от традиций уводит художника с родной почвы. Все это отражает и поиск и степени влияния на художника различных школ внутри Африки и за ее пределами.

Но все же главной чертой этой выставки было то, что она неопровержимо свидетельствовала о сохранении лучших традиций африканского искусства прошлого и вместе с тем показывала современность мышления африканского художника.

Здесь были представлены и тонкий и яркий Афеворк Текле из Эфиопии, и малиец Бубакар Кейта, и египтянин Сайед Абдель Рассул, и конголезцы из Пото-Пото.

О мастерстве афронегритянских художников сегодняшних дней можно говорить без всяких скидок. Лучших мастеров Африки волнуют большие проблемы.

Искусство буквально пронизывает жизнь африканца. Оно и в орнаментах, которым разрисовывают домашнюю утварь, и в ярких одеждах «кенте», которые носят в Гане, и в украшениях женщин, и, конечно, в танце. Искусству танца в Африке должно быть по праву отведено особое место.

Я вспоминаю встречи с танцем. Почти всегда они были случайны. В гвинейской деревне однажды вечером я увидел танец женихов и невест. При свете костра из соломы, под зажигательные звуки тамтамов молодые парни и девушки в танце рассказывали извечную историю любви. В нем были и стремительные движения юношей, и лукавство девушек, и ощущение радости. В Мали мне удалось наблюдать танец, который исполняли лучшие артисты окрестных деревень в честь лучших работников народной стройки. В Браззавиле, около аэропорта, я видел, как, не переставая, в течение двух часов молодежь отдавалась радости танца. Это было незабываемое зрелище, какой-то фантастический спектакль, увлекавший, заставлявший волноваться, захлестывавший тебя звуками и движениями.

Среди тех танцевальных ансамблей, которые были представлены в Дакаре, некоторые были созданы буквально за несколько дней до выступления. Ансамбль Республики Чад, например, был сформирован за три недели.

Но в Африке есть и другие ансамбли, по-настоящему профессиональные, существующие постоянно. К таким принадлежал ансамбль Республики Мали, показавший одну из лучших, если не лучшую программу танцев на фестивале.

В Дакаре я встретился с руководителем ансамбля Сьерра-Леоне Джоном Акаром. Он возглавляет свою труппу уже более трех лет и создал ее сам. За эти годы ансамбль по праву получил признание и на родине и за границей. Вот что рассказал мне Джон Акар о его истории.

В Сьерра-Леоне живут различные племена — менде, темне, локко, сусу, фула и еще немало других. Когда Джон решил создать танцевальный ансамбль — правительство поддержало идею,— он отправился в глухие районы страны, чтобы найти лучших исполнителей и отобрать лучшие танцы. Шесть недель он путешествовал из деревни в деревню. В Африке танцуют обычно вечерами, после захода солнца, когда кончаются деревенские заботы и наступает относительная прохлада. Шесть недель каждый вечер Джон сидел у костров и смотрел искусников танца. Эти «просмотры» часто затягивались далеко за полночь. Из двадцати тысяч людей, которых он видел, Джон отобрал сто пятьдесят человек, представлявших пятнадцать племен, населяющих Сьерра-Леоне. Для этих ста пятидесяти человек правительство предоставило полицейский лагерь вблизи столицы страны Фритауна. Он и стал «балетной школой».

В этой школе Джон Акар отобрал еще раз сорок лучших, которые составили ансамбль. Его артисты показывают интересные танцы, и ценность их заключается в том, что руководитель сохранил обаяние подлинности народного искусства и одновременно художественно осмыслил их, отобрал все ценное и оригинальное, что было в каждом из долгих танцев.

Африка сегодняшних дней — это поле борьбы. На ее земле происходит великая ломка старых порядков, остатков темного, колониального прошлого. Жизненность и мощь африканского искусства в этой борьбе на стороне прогрессивных сил континента.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО АФРИКИ

ПЕРВЫЙ РЯД. Керамика школы Пото-Пото из Конго (Браззавиль) — современное искусство; габонская фигура из камня — современное искусство; маска из Конго — (Браззавиль) — традиционное искусство.
ВТОРОЙ РЯД. Две традиционные африканские маски. Первая изображает молодую девушку (Ангола). Вторая представляет собой изображение одного из героев эпоса народа кубы (Конго со столицей в Киншаса).
ТРЕТИЙ РЯД. Образец традиционного искусства народа бамилеке (Камерун); картина нигерийского художника Джонсона «Грузчик»; современная деревянная скульптура из Конго (Киншаса).

ДУШЕВНОЕ ЛЕКАРСТВО

Не так давно в Коктебеле Мария Степановна Волошина показала мне книгу профессора К. И. Платонова «Слово как физиологический и лечебный фактор». Это солидный том по психотерапии: исследованы многие теоретические и практические проблемы психотерапии на основе учения И. П. Павлова. Речь идет и о значении устного слова лечащего врача. Приведено замечательное высказывание В. М. Бехтерева: «Если больному после разговора с врачом не становится легче, то это не врач». Книга К. И. Платонова вышла у нас уже третьим изданием и переведена на иностранные языки.

И в этой связи я вспомнил именно то, о чем сейчас расскажу.

В моем архиве сохранилось несколько состарившихся уже от времени страниц — нечто вроде протокола большого литературного вечера, проведенного тридцать лет тому назад, 22 марта 1936 года, в Баландинском туберкулезном санатории.

Вечер был посвящен книге Николая Островского «Как закалялась сталь». Страницы, которые у меня сохранились, прислал в свое время в «Комсомольскую правду» Л. Словохотов, командированный в Баланду из Саратова «для проведения нескольких вечеров культурно-массовой работы». Материал этот не могли тогда использовать в газете. Страницы «Комсомолки» заполнили материалы о комсомольских съездах: республиканских и X Всесоюзном. А потом информация утратила, как говорили, свое «оперативное значение», устарела.

Но устарела ли она?

«...Медленно легла на поля тихая вешняя ночь. С талого снега по опушке леса, по низам и долинам его матовой пеленой поднялся туман, удручающий обычно самочувствие туберкулезников. А в это время в бывшем имении графа Шереметьева, в недавно выстроенном светлом и просторном здании Баландинского туберкулезного санатория начался литературный вечер»,— писал корреспондент.

Теперь предоставим слово некоторым из ораторов, которых мы вынуждены называть только по фамилиям, так как их инициалы не обозначены.

«— Товарищи! — говорил Лиджиев (комсомолец, калмык).— Павел Корчагин поднял дух во мне, больном человеке».

Лиджиева сменил участник гражданской войны агроном Бондаренко.

«— Книгу «Как закалялась сталь» я прочел здесь. Она на меня так повлияла, что я решил во что бы то ни стало выздороветь. А сильное желание — уже многое.

— Да,— подтвердил Кульнев (тоже работник сельского хозяйства),— Островский учит и нас, больных, не падать духом».

Рабочий, комсомолец Таранов сказал о том же по-своему:

«— Книга Островского внушила мне мысль, что и больной должен быть мужественным».

Выступила студентка пединститута комсомолка Левина:

«— Павел Корчагин учит нас борьбе за дело революции; везде и при любых обстоятельствах».

За Левиной — Иванова (комсомольский работник и преподаватель):

«— Врачи и окружающие меня люди всегда напоминали мне о моей тяжелой болезни. Островский же дал мне возможность забыть о ней. Его книга оказалась для меня самым эффективным лекарством: она изменила мою психологию. Я поняла, что навстречу режиму лечения должно происходить мое самодвижение, самовоспитание воли, должна идти моя работа над собой».

Ее поддержал Пастухов (тоже комсомольский работник):

«— Я считал себя уже погибшим. Но вот обдумал прочитанное и пришел к убеждению, что рано хоронить себя. Я еще нужен и могу работать даже с еще большей энергией, чем прежде».

Все выступавшие, а их было много, сошлись на том, что слово Островского обладает чудодейственной целебной силой.

Услышав все это, Л. Словохотов предлагал:

«А что, если наряду с рентгеном, физиотерапией, покоем, питанием использовать и лечение книгой? Она может перевести эмоциональное состояние больного с одного регистра на другой, дать устойчивость нервного тонуса. Ведь еще 5 тысяч лет назад над входом в библиотеку повелителя Египта красовалась надпись: «Душевное лекарство».

Справедливо! Не правда ли?

Состарившиеся от времени страницы не утратили, как видим, своей актуальности и заслуживают того, чтобы предать их гласности. Они представляют интерес и для историка литературы, и для психолога-ученого, и для ежедневно действующей армии врачей.

Семен ТРЕГУБ

Вскоре Матвей опять вроде бы поскучнел, стал отдаляться. И не вообще от людей, а от Веры он стал отдаляться, и она это сразу же остро почувствовала.

Настал выходной, когда он ушел в лес, не пригласив ее на воскресную уху, не позвал посидеть у их родничка...

Весь день Вера возилась по хозяйству, дулась на весь белый свет, рычала на мужиков: все стало немило, все было не по ней. А когда начало смеркаться, схватила рыбную корзину и, не звана, не прошена, отправилась на нижнюю заводь.

Матвей Егорович встретил ее приветливо. Угостил вареной стерлядью, потом они пили чай, на этот раз уже с брусникой; горьковато, кисленько, а пьешь — не напьешься.

Матвей помалкивал, а Вере, как на грех, не терпелось поговорить. Посоветоваться бы, обсудить сообща очень важный для нее вопрос. Но если человек молчит, как пень, не будешь же из него каждое слово силком вытягивать.

Веру начало клонить в сон. Пора, видимо, и честь знать. Она поднялась от костра, потянулась за корзиной, но тут и Матвей вроде очнулся от дремоты.

— Подожди, Вера, сядь...— попросил он и, когда Вера опустилась на свое место, спросил, не поднимая на нее глаз:

— Чего этот Останкин около тебя крутится? О чем вы с ним все говорите?

— Сватает он меня...— помолчав, отозвалась Вера.— Я сама давно уж хотела с вами посоветоваться. Вдовый он. Жена у него была очень хорошая, он рассказывает о ней и плачет. Двух девочек ему оставила: Ниночке шесть лет, а Танюшке еще и трех нету. Он мне фото показывал. Хорошие такие девчушки, худенькие, большеглазенькие. Живут у тетки из милости.

Вера вздохнула и помолчала.

— Я бы, Матвей Егорович, пошла, так мне этих девочек жалко, но очень уж я мечтала, как договор кончится, к Ивану Назаровичу поехать. Плохо ему. Он хоть и не зовет меня, а ждет, я знаю. И потом я так думаю: Останкин для своих девочек найдет добрую женщину, а Иван Назарович... Ну кому он нужен старый, больной?

Матвей молчал.

— А ведь это он жениха-то мне наворожил! — фыркнула Вера.— Помните? Заведет, бывало: «Эх, Верка, Верка! Не знаешь ты себе цены... Я, может, через то и алкоголиком был, что не нашел себе доброй бабы... Чего ж ты мне лет тридцать назад не встретилась?» Я засмеюсь. «Это вам, Иван Назарович, теперь так кажется, когда вам шестьдесят. А в тридцать-то лет вы бы мимо прошли и не заметили, что я женщина».

Матвей молчал.

— Эх, Верка, Верка! — вздохнула Вера.— Наворожили жениха, а Верка теперь и ломай голову, на что решиться.

— Не пойму я,— хмуро сказал Матвей и, надломив прутик, швырнул обломки в огонь.— Зачем тебе чужие дети понадобились? Ты что, своих народить не способна, что ли?

— Ребенка родить — больших способностей не требуется,— невесело усмехнулась Вера.— А вот как перед ним потом оправдываться?.. Разве такой, как я, можно детей иметь? А вдруг он в меня зародится? Еще не так страшно, если мальчонка, а если девочка? Чтобы потом мучилась весь век да кляла меня?

Матвей смотрел на Веру дикими глазами, но она ничего не замечала. Вслух об этом она говорила впервые.

Странно было и как-то удивительно легко. Есть же, оказывается, на свете человек, которому можно это все рассказать.

— Вы знаете, я с шести лет и до двенадцати в одном детском доме воспитывалась, под Полтавой. Заведующая наша Лариса Леонидовна красавица была и очень во всем красоту ценила, особенно в детях. Наш детдом был передовой. Всегда у нас гости... Шефы разные, комиссии, а в праздники обязательно начальство разное приезжало. Самодеятельность у нас была замечательная. Построят детей в зале, дети поют, танцуют, стихи разные рассказывают, нарядные все, красивые, как цветы. У гостей даже слезы на глазах: так все красиво. Ну, а которые дети очень уж невидные, те в это время дежурят: по кухне, по прачечной или на скотном дворе. Я сначала никак понять не могла, маленькая была, глупая, почему меня уводят. А потом поняла... И ничего, привыкла... Увижу, что гостей ждут, и уже сама мигом на кухню или в прачечную. А летом меня всегда на подсобном держали: хозяйство было богатое, скота, птицы много. Я к двенадцати годам заправской птичницей стала. Если бы не школа, я бы круглый год на подсобном жила. Школу я не любила, книги читать с первого класса втянулась, а школу очень не любила. Все время на людях... ни кухни, ни прачечной нету, укрыться негде...

Маленькая я на ласку жадная была: приласкает кто меня мимоходом, я, как собачонка, следом бежать готова. А потом отшатнуло меня от людей. Я тогда все в зеркало гляделась. Встану перед зеркалом: почему же я не такая, как другие девочки? В кого я такая противная получилась? Я же ничего о себе не знаю. Я подкидыш. Может быть, она и не виновата передо мной... мама-то моя. Может быть, она умерла, когда я родилась... и совсем не она меня подкидывать-то носила...

Лично я все равно этого не понимаю. Я бы от своего ребенка никогда не отказалась. Даже не знаю, как бы я им дорожила!.. И нисколько я за позор не считаю, если у дивчины ребенок родится. Я бы ни на минуточку даже не задумалась, родила бы себе маленького и воспитала. Вы знаете, сколько я таких книг перечитала, чтобы правильно ребенка воспитывать... Если бы не боялась, что родится такой, как я... Подрастет, начнет понимать и скажет: какое же ты имела право?..

— Слушай, ну что ты мелешь?! — сердито перебил ее Матвей.— Зачем ты выдумываешь чепуху всякую? Внушила себе черт те что... Слушать тошно!

— Ой, Матвей Егорович! Что вы головой трясете? Чего вы смотрите на меня, как на дурочку какую? Вы красивый, вам такого даже не понять... И чего вы сердитесь? Это же сто лет назад было, когда я еще девчонкой была. Очень мне тогда плохо было. Нет ничего хуже, когда никого не любишь и ничему хорошему верить не хочешь. Люди к тебе с добром, а ты от них за угол.

Никогда я не забуду, как в эвакуации люди с нами последним куском делились. И потом, когда я из детдома в люди пошла... Рудакова тетя Лиза, уборщицей работала, бедность, трое детей, от мужа «похоронка»... Узнала, что я в коридоре в мужском общежитии перебиваюсь, пришла, увела к себе. Я у нее полгода жила, пока в общежитии место хорошее дали. Или Антонина Воропаева — конопатчица, грубиянка, матерщинница... Как-то я при ней уронила на ногу себе болванку и выругалась нехорошо. Она подошла и ладошкой по губам мне: «Не смей,— говорит,— чтоб никто и никогда больше этого от тебя не слышал...» А сама даже побледнела, и губы у нее трясутся...

Да разве перескажешь все! Очень много я тогда думала. Стала к жизни присматриваться, к людям. Меньше стала романам верить. Ну, пусть я некрасивая, но ведь не урод же я, не калека, не дура. Здоровье у меня хорошее, силой бог не обидел, а если некрасивая... Так не давиться же теперь из-за этого? И люди не виноваты, что я такая уродилась. И еще тогда меня одна мысль мучила: почему так получается? Другому человеку, например, все дано: и здоровье, и ум, и образование, и красота, а жить ему плохо. Очень мне хотелось докопаться, чего людям нужно, чтобы быть... это, ну, как его... счастливыми, что ли?

— Ну и докопалась? — Матвей отвернулся, чтобы спрятать невольную улыбку.

— И докопалась!—вызывающе ответила Вера.— Первое — это должны люди сделать так, чтобы никогда больше не было войны. Человек должен жить спокойно, а какая же это жизнь, если человек знает, что сейчас вот все хорошо, и вдруг начнется какая-нибудь заваруха, и все его труды, все старания — все к черту, в яму, в огонь.

И потом я так считаю, очень озлобляются люди от бедности, особенно молодые, а также многосемейные, когда приходится каждую копеечку высчитывать, чтобы как-то до получки дотянуть. А хуже всего для человека — это обида, несправедливое отношение вообще, когда что-нибудь не по правде делается...

— Да-а-а-а...— протянул Матвей и криво усмехнулся.— Губа-то у тебя, оказывается, не дура. Не малого захотела: войны отменить, нужду человеческую изничтожить... да чтоб люди друг друга не боялись, верили бы один другому. Этак-то, конечно, каждому можно хорошим быть...

— А как, по-вашему, Матвей Егорович,— помолчав, спросила Вера, бросив беглый взгляд на его потемневшее лицо.— Как вы думаете, Аркашка Баженов — плохой человек или хороший?.. Пьяница... матерщинник... в заключении был за хулиганство...

Вера собиралась перечислить еще несколько Аркашкиных грехов, но, увидев, как недоуменно поползли вверх у Матвея брови, не выдержала и фыркнула:

— В прошлое воскресенье, когда орсовские с товарами приезжали с продажей... привезли они пальто зимнее женское. Хорошее такое пальтишко: сукно коричневое и воротничок такой славненький, настоящий «под котик»... Я покупать и не собиралась. Просто стою смотрю... И вот подходит Аркадий, стал за моей спиной и говорит мне прямо в ухо: «Может, у тебя деньжат не хватает? Возьми у меня. Все равно зря лежат. Бери, а то назло пропью...»

Я говорю: «Ты матери пошли лишнюю сотню»,— а он вынул из бумажника квитанцию на перевод на пятьсот рублей: «Об

Мария ХАЛФИНА

Рисунки Игоря БЛИОХА.

Окончание. См. «Огонек» №№ 35—38.

этом,— говорит,— не беспокойся, сделано!» У него мать не родная, мачеха, отец умер, она с двоими ребятишками осталась. Аркашка жалеет ее...

Вера помолчала, подбросила в костер сухих сучьев.

— У Гребнева Семена жена острым ревматизмом заболела... Надо было ее прямо из больницы на курорт отправлять, грязями лечить, а семья у него большая, подбился он деньгами... Надо не меньше тысячи. Получил он письмо, ходит сам не свой, переживает... А вечером Аркадий приносит ему семьсот рублей... Семен Григорьевич у него даже и не просил...

— И откуда ты все это знаешь?— усмехнулся Матвей.— Что у кого стряслось, кто чем страдает?.. Деньги-то у Аркадия ты тогда взяла?

— Да нет, зачем же? Я ему соврала, что пальто у меня есть хорошее, у подруги будто оставлено. А деньги у меня и свои есть, только я их коплю на случай, если к Ивану Назаровичу соберусь. А вы, Матвей Егорович, почему себе ничего не покупаете, у вас ведь заработки неплохие?

— А может быть, я тоже к Ивану Назаровичу собираюсь. Вот вставлю себе зубы железные, дождусь, когда ты свой срок отбудешь...

— Ой, Матвей Егорович!..— Вера недоверчиво снизу вверх смотрела в невозмутимо-спокойное лицо Матвея и вдруг всплеснула руками.— Господи! Вот бы хорошо-то! А Иван-то Назарович, да он просто обмер бы от радости!.. Вы знаете, Матвей Егорович, у них там село большое, МТС хорошая, механиков же везде не хватает. Вас там просто на руках будут носить; квартиру дадут приличную, может, совсем неподалеку от Ивана-назарычевой хаты. Женитесь вы на хорошей женщине...

— Спасибо за план, Вера Андреевна, а может быть, мне эти... ваши хорошие женщины не требуются?.. Может быть, я свою руку и сердце тебе предложить хочу?.. Так ведь, кажется, в романах герои изъясняются?

— Да ну вас, Матвей Егорович!— досадливо отмахнулась Вера.— Я вам серьезно говорю, а вы... Ну какие могут быть шутки?..

— Почему ты думаешь, что шутки?

— А потому, что Иван Назарович вам

ко и родни, что Иван Назарович... да вы. Неужели я, по-вашему, такая уж глупая, или настолько уж я эгоистка, чтобы могла я жизнь вам испортить?..

Она встала, схватила корзину с рыбой, выпрямилась перед ним, худая, нескладная, сердитая.

— Очень я вас прошу, если вы меня хоть чуточку как человека уважаете, никогда больше мне про это не говорите... И не ходите сейчас за мной: я одна дойду.

Так вот и ходили бы они, возможно, еще долгое время вокруг да около своей нескладной любви, если бы не помогло им несчастье.

К сентябрю бригада отошла от зимовья уже на порядочное расстояние. Чтобы не тратить лесорубам времени на ходьбу, Вера надумала носить им обед в лес, на деляну.

По ее заказу дед Лазарев, мастер на все руки, соорудил удобное коромысло и к двум ведрам подогнал из оцинкованного железа плотные крышки.

Чашки, ложки, хлеб, всякую солонину к обеду мужики утром уносили в лес сами, а Верино дело было доставить ведро свежих щей и полведра каши или рыбы жареной на второе. Чай кипятили на месте.

Во вторник, шестнадцатого сентября — дата эта навек стала заветной для Веры,— дотащившись с обедом до деляны, она покричала мужиков обедать и присела у костра передохнуть. Очень уж она в тот день чувствовала себя усталой и разбитой.

Мужики долго не шли, не слышали, видимо, Вериного сигнала. Везде в лесу завывали пилы, вот где-то невдалеке грохнулась оземь поваленная лесорубом сосна.

Забравшись на пень, Вера увидела, что человек пять-шесть мужиков с кольями толпятся под огромной сосной. Спрыгнув с пня, Вера не спеша пошла взглянуть, что там у них не поладилось, и заодно покликать на обед остальных.

Подойдя ближе, Вера увидела, что трое — Аркадий, Андрюха-Лебедка и Григорий Семенович — уперлись в ствол капризной сосны толстенными кольями... Сосна стояла неподвижно. За колья взялись еще трое; они не видели Веру, а когда увидели, было уже поздно.

— Берегись!— дико заорал Аркашка.

...тая
...зесть

глупости всякие в уши надул, вы и повторяете, как маленький...

— Это какие же глупости он мне в уши надул?

— А такие, что вы передо мной вроде в долгу... что обязаны вы теперь со мной както расплачиваться... А вы собой нисколько не дорожите... вам все равно... Я знаю, вы человек добрый, жалостливый. Вы и вправду можете жениться из благодарности... из жалости...

— Какая жалость?! С ума ты сошла... Дай же мне сказать!

— Ничего не нужно говорить! Матвей Егорович, у меня во всем белом свете толь-

Вера шарахнулась в сторону. Она еще успела услышать треск могучих сучьев и шум веток, со свистом рассекших за ее спиной воздух, и, падая, почувствовала, как ударилась о ее грудь вздыбленная грохотом земля.

Ее положили на спину. Лицо у нее было серое; из уголка темных, неплотно сомкнутых губ сочилась струйка крови.

Ей казалось, что сознание не покидало ее ни на минуту. Боли не было. Она все слышала и все понимала.

— Дядь Ефи-и-им! Беда-а! Верку лесиной убило-о-о!..— орал Андрюха, а тайга откликалась стонущим эхом: «И-и-о!»

Она слышала по-бабьи тонкий, плачущий голос Григория Степановича. Слышала, как страшно, поскрипывая зубами, навзрыд матерился Аркадий, подкладывая ей под голову чью-то телогрейку.

Потом она услышала чей-то тихий, испуганный возглас: «Бежит!»—и почему-то сразу поняла, что это он бежит, Матвей Егорович. Он стоял подле нее на коленях, и она увидела его лицо. Ужас и отчаяние. И боль. Такая боль... казалось, сейчас он запрокинет голову и, хрустнув зубами, завоет страшно, по-волчьи...

— Вера, ты меня слышишь?! Вер, ты слышишь меня?!— Он суетливо хватал ее за плечи, за холодные, серые руки и все вытирал и вытирал ладонью сочившуюся из ее рта кровь.

Она все слышала и понимала, но тело было мертвое и уже неподвластное ей: и ноги, и руки, и лицо... Но вдруг она почувствовала, ощутила свои веки, живые, горячие веки... И когда он склонился к ее мертвому лицу, он увидел живые глаза.

Она медленно опустила веки и плотно сжала их, словно кивнула. Потом так же медленно подняла и сквозь пелену слез сказала ему сияющим взглядом:

— Слышу. Я живая, не бойся!..

И тогда он сжал в ладонях ее голову и, стоя на коленях, стал целовать эту страшную, драгоценную, неподвижную маску и живые, плачущие глаза.

— В больнице я почти три месяца пролежала: паралич у меня был, не столько от ушиба, сколько от испуга. Полностью без движения и без языка я была всего около недели, а потом начала помаленьку отходить.

Вера приподнялась на локте и осторожно заглянула мне в лицо.

— Не усыпила я вас? Не надоела? Хотя и нет в моей истории ничего тайного, а не думала я, что смогу когда-нибудь ее рассказать. Ну, дальше-то уже и рассказывать почти что нечего.

Матвей как привез меня на Центральный в больницу, на Дальний уже не возвратился. И мне тоже больше там побывать не пришлось: начался рекостав, и опять отрезало наш Дальний от мира на всю зиму.

Пока катер ходил, мужики наши почти все у меня в больнице перебывали с передачами; такие передачи носили, что мы всей палатой поедать не успевали.

Ну, а к этому времени я о них уже могла не заботиться: ко многим жены приехали, и без меня было теперь кому их накормить и обстирать.

Зубоскал Аркашка письма мне писал, одно до сих пор сохранилось...

Вера засмеялась и медленно по памяти прочитала: «Разлюбезная ты наша мамашенька! Поилица-кормилица Вера Андреевна! Женского полку теперь у нас много: заимели себе в штат повариху с поваренкой, уборщицу и еще специальную прачку. Весь штат робит, не покладая рук, но без тебя мы все равно, как сироты горькие: голодные-холодные, не мыты, не бриты, не чесаны, не обтесаны... А без отца Матвея уже забыли, как рыбьим духом пахнет...»

Пока я без движения лежала, на Матвея смотреть было жутко. А как начала поправляться, и он ожил.

Приходит как-то в больницу ко мне, я тогда уже ходить начинала. Взглянула я на него — и чуть меня вновь паралич не хватил. Зубы он в тот день вставил и бороду свою дремучую сбрил. Я его и не узнала, до того показался он мне молодым да красивым...

Очень я тогда все же переживала... Стеснялась... особенно женщин. Все мне чудилось, что смотрят на нас люди и удивляются: как эта страхолюдина исхитрилась такого короля заарканить?

К Ивану Назаровичу приехали мы уже по зимнему пути. Домишко у него пятистеночек, старенький — комнатка и кухня. Окошки махонькие, потолки низкие, полы старые, не крашены, а в кухне полати и печка русская чуть не пол-избы занимает.

О том, что меня лесиной убивало, я Ивану Назаровичу не стала писать, а как подошло время к выписке из больницы, отписала, что приболела, и по состоянию здоровья отпускают меня из леспромхоза, и скоро я к нему приеду на жительство.

И о том, что с Матвеем у нас сладилось, тоже не стали мы ему писать. Я тогда, знаете, жила вроде как во сне. Вот, кажется, проснусь сейчас, и опять нет у меня ничего...

Приехали мы к Ивану Назаровичу поздним вечером, под самый Новый год.

Добирались от города на попутных машинах. Это теперь сюда шоссе проложили, и автобус из города по два раза в день ходит, а тогда мы целый день на выезде проторчали.

Иван Назарович мне в письмах все до подробности расписал, как его хату найти. Нам никого и спрашивать не пришлось. Хотя и темно уже было, а как мост переехали, я сразу нашу хатынку узнала и велела шоферу заворачивать.

Матвей мне говорит: «Смотри-ка, не спится нашему деду...» А у Ивана Назаровича свет в окошке теплится, и дым из трубы валит столбом.

Ночь была морозная, промерзли мы жутко.

Выгрузили мы свои пожитки, поднимаемся на крылечко, двери ни в сенках, ни в избе не заложены... Иван Назарович сидит перед топкой на низенькой скамеечке, в руках у него полешко березовое.

Пол, видать, помыт недавно, стол скатерочкой домотканой старенькой покрыт, а над столом лампешка керосиновая горит.

Увидал он меня, всплеснулся весь от радости, поднялся, полешко в руке держит. Я чемодан бросила, шагнула, а он ни с места, стоит и смотрит.

Свету от той лампешки чуть, у порогато совсем потемки. Матвей засмеялся, я отступила в сторону, они и схватились. Хлопают друг друга по спинам, откачнутся — поглядят друг дружке в глаза и опять схватятся.

Пока они тискались, я разделась, чемоданы и постель в горенку занесла.

Иван Назарович говорит: «Полсажня дров спалил, шестой день баню топлю, жду...»

Поздоровался со мной по ручке, оглядел со всех сторон, видать, ничего, доволен остался.

— Давай,— говорит,— мила дочь, разбирайся наскоро и вали в баню. Потом мы с Матвеем Егоровичем пойдем, а тебе пельмени варить. Пельменей у меня в кладовке полмешка наморожено, на все святки хватит...

Пришла я из бани, у Ивана Назаровича уже все готово. На столе пельменей мороженых полное решето; на плите в чугунке вода закипает; самовар под трубой посвистывает, голос подает.

Проводила я мужиков в баню, стала посреди избы, закрыла глаза и стою, как дурочка какая, честное слово. Вот даже и не знаю, как вам свои тогдашние чувства объяснить. Была я всю жизнь вроде как в дороге, то в вагоне, то на вокзале, то в чужой квартире, сбоку припека, среди чужих людей. И все это не мое, все временное, не настоящее. А тут открываю я глаза и сама себе не верю: я же домой приехала! Мой это дом, и все здесь мое, и плохое и хорошее. Все мое, настоящее, на всю жизнь...

Пришли мои из бани, я пельмени горячие подаю, а Матвей достает из чемодана поллитра вишневой настойки, а сам на Ивана Назаровича косится. Иван Назарович призахмурился, то на меня посмотрит, то на Матвея, то на поллитровку. Матвей засмеялся, стукнул бутылкой о стол.

И хватило нам пол-литра и прибытие наше обмыть и Новый год с честью встретить, да еще и по рюмочке на утро осталось. Дед наш такой радостный, такой довольный сидит за столом и словно он подслушал мысли мои. «Ну,— говорит,— ребята, вот вы и к своему дому прибились!»

А после второй рюмки совсем он веселенький стал, обнял меня за плечо и песню запел, любимую свою, «По Муромской дорожке», я подхватила подголоском, а тут и Матвей вступил. Так-то вот втроем и отпраздновали мы начало нашей семейной жизни.

По первости мы оба поступили в МТС слесарями. Матвея сразу в механики сватали, но он не пошел, пока не обучился в сельхозмашинах разбираться.

А я, как Славку понесла, ушла в колхоз птичницей. Совхоз-то у нас позднее образовался, а до того были здесь везде колхозы.

Птицеферма наша плохонькая была, самая в районе захудалая. Много нам пришлось горя хватить и труда приложить, пока вывели мы ее в доходные. Это теперь мы в почете, а тогда на людях нам даже и назваться было стыдно.

Матвею тоже не легче было. МТС наша шестнадцать колхозов обслуживала. Техника в те годы была вся изношенная, побитая, новых машин давали скупо, запчастей не хватало. Старых, опытных механизаторов война унесла, надо было кадры готовить на ходу. Года не минуло, попал наш Матвей Егорович в преподаватели. Так и пошло. Днем машины латает, ремонтирует, вечером с ребятами-трактористами занимается, а ночью сидит к завтрашнему уроку готовится.

А у меня свои заботы: то крыша в старом курятнике окончательно заваливаться начинает, то на цыплят хвороба нападет — слезами изойдешь, как начнут они головки откидывать, а то несушки на голодном пайке забастовку объявят, Корма-то для них с боем в правлении выдирать приходилось.

Ну все же, хоть и очень трудно на первых порах было, а работа у нас у обоих хорошо шла. Ребятишки нас не очень связывали. Дед на них надышаться не мог. Пока маленькие были, он и в ясли сам снесет и на ферму ко мне притащит грудью покормить. Вообще пока дедушка живой был, мы с детьми и горя не знали.

А как уж он гордился, когда кому-нибудь из нас премия выходила или какая другая награда. Каждый раз, бывало, заявится с внуками в клуб, усядется в первом ряду. Славку рядом на скамейку посадит, Викульку на коленях у него. Важный такой сидит, нарядный, гордый. И в газетах ни одной самой маленькой заметочки про нас не пропустит или портрета нашего: вырежет и приберет. И ребят приучал. У Славки и сейчас альбом особый ведется, там и дедушкины вырезки старые наклеены, пригодились для семейной нашей истории.

А нам с Матвеем батя наш Иван Назарович строго внушал. «Дети,— говорит,— должны видеть, как их отца и мать люди уважают, как их за полезный труд народ чествует. Тогда будут они во всем родителям подражать».

Много мы от нашего деда полезного почерпнули. И не помри он раньше времени, и по сей день жили бы в старой хате. Как схоронили мы его, словно живую душу из милой нашей хаты вынесли. Больше всех Славик убивался. Девять лет ему было, а он, словно взрослый, тосковал.

Дети до самой дедовой смерти не знали, что он нам не родной. Когда Матвей привез меня с сыном из родильного, дед вышел на крыльцо, принял Славика из Матвеевых рук и сам внес в дом. Тогда Матвей и назвал его в первый раз батей.

А людям в диковину было. Очень люди нашим семейством интересовались. На Матвея глаза пялили, ахали, вздыхали над ним. А мне не за себя было обидно, а за него, что жалеют его люди... и не верит никто, что он со мной долго жить будет.

Сначала, как мы сюда приехали, ему сколько раз, прямо чуть не при мне, разных невест сватали, особенно пока мы не расписались. Потом присмотрелись к нашей жизни и отступились.

Зато бабенки некоторые стали ко мне подсыпаться. Очень уж надо было им у меня выведать: чем я и как Матвея Егоровича присушивала, какие такие есть средства, чтобы мог мужчина так жену полюбить... да еще некрасивую.

Первый год жили мы с ним нерасписанные. Не хотела я его связывать... И развода у него не было. Он справки навел, узнал, что жена его Лидия замуж вышла и уехала с мужем в неизвестном направлении. Выходит, это она сама жизнь свою с Матвеем порушила и, как жена, между мной и им уже никогда не станет.

А мне больше ничего и не нужно было Не хотела я, чтобы этим проклятым разводом напоминать ему старое.

И какой же это все-таки дурной закон. Ну вот не пожилось людям, разъехались они, тем более что детьми не связаны. Завели люди новые семьи, детей народили. И кому это нужно двум семьям жизнь отравлять? Разве это справедливо, чтобы отец не мог собственное дитя на свою фамилию записать?

Забеременела я Славкой. Тут уж Матвей никаких больше резонов слушать не стал. В паспорте у него отметки о браке не было. Взял он меня под ручку, повел в сельсовет и так вот, неразведенным двоеженцем, и зарегистрировался со мной.

Хуже всего я переживала, когда Славку носила; места себе не находила. Сна лишилась. Дед другой раз прямо криком на меня закричит. «Сгубишь,— кричит,— ребенка, дура! Разве это мыслимо себя так истязать, когда дитя носишь!»

А я до того дошла — молиться стала, честное слово вам даю. Ни в какого бога никогда не верила, а тут иду полем на ферму и убеждаю его, уговариваю: «Господи, сделай так, чтобы дитя в отца родилось, не допусти, чтобы оно несчастное через меня было...»

В родильном принесли мне его в первый раз кормить. Акушерка Елена Капитоновна, добрая душа, догадалась, что со мной творится, сама Славика принесла и говорит: «Ну, мать, не сына ты родила, а с Матвея Егоровича копию сняла! Надо же так суметь в отца уродить!»

А я все еще не верю: боюсь в личико его посмотреть. Потом все же набралась духу... Господи! Не поверите, думаю, сердце у меня от радости на кусочки разорвется. Красненький он еще, смешной, а личико у него такое аккуратненькое, такое гарнесенькое! Глазочки мутные еще, а уже видать, синие — отцовы... И реснички темненькие, и волосики на голове темненькие...

Вера со всхлипом вздохнула.

— Вот сами судите, до чего я тогда псих была, если и сейчас, через пятнадцать лет, не могу вспомнить спокойно.— Она помолчала, стерла косынкой пот со лба.

— Ну, второй раз носила я уже спокойнее. Почему-то ждали мы еще одного парнишку. Дед Иван имя ему заранее нарек — Виктор.

Ну вот, ждали Виктора, а досталась нам Виктория. Наши все радовались очень, что девочка получилась. А я присмотрелась к девочке и вижу: не совсем оно ладно. Первый — чистая папина копия. Второй — уже середина наполовину. А третий вполне может маминой копией получиться.

Вот я сама себе и сказала: все, Вера Андреевна! На этом точка. Два раза пронесло — твое счастье! А еще раз нечего судьбу искушать.

А переживать я еще все-таки долго переживала.

Раз, под старый Новый год, дед говорит: «Давайте загадывайте каждый свое заветное желание. Как спать ложиться, подушку три раза переверни, ляжь на брюхо, лицом в подушку и тоже до трех раз желание свое скажи».

Посмеялись мы, а ночью Матвей спрашивает:

— Какое же ты заветное желание загадала?

Я говорю:

— А чтобы чудо случилось: встала бы я утром стройная, красивая... Ну пусть не очень красивая... но все же...

А он засмеялся тихонько и говорит:

— Вот дуреха! Я же разлюбил бы тебя тогда...

— Почему?— спрашиваю.

— Так ведь это уже не ты была бы. А мне, кроме тебя, никого не надо...

А один раз он мне так сказал:

— Не попади бы я в плен, пришел бы с фронта — грудь в орденах, от всех почет и уважение. Папаша спесью еще больше бы надулся, на людей-то вроде с крыши небоскреба смотрел бы. Законная моя, Лидия Васильевна, всем предовольна, полностью ублаготворена. Родила бы она мне сына... Третьяка... мордастого, как братец Семен. Подумать только: так вот мог бы я при ней и прожить всю жизнь и ведь считал бы, что с женой живу...

Вера прислушалась и вдруг просияла, засмеялась:

— Победа наша мчится! — И, увидев мое недоумение, пояснила: — «Виктория» — это, если по-русски, означает «Победа». Вот Славка ее и дразнит. «Наша, — говорит, — Победа в одну сотую лошадиной силы...»

Стукнула калитка. Виктория с маху шлепнулась на одеяло, растянулась рядом с матерью, но тут же села и озабоченно спросила:

— А вы так и лежите не евши? Ну, я так и знала. Я у девочек поела, а сейчас опять, как собачонка, голодная.

— Мы, донюшка, пирогов обещанных ждали, не хотели уж аппетита портить... — кротко сообщила Вера.

— Пока пирогов дождетесь, помрете с голоду...

Она умчалась в дом, и через пять минут перед нами раскинулась скатерть-самобранка. Малосольные огурцы, источающие аромат чеснока и смородинного листа; великолепные рубиновые помидоры, молодая, отварная с солью картошка, лучок зеленый — и вся эта роскошь запивалась холодным, колючим домашним кваском.

— Народ здесь у нас хороший, работящий, дружный... — рассказывала Вера, с хрустом надкусывая огурец. — Совхоз богатый, самый рентабельный в крае. Труд у нас ценить умеют; работай только от души — обижен не будешь... Ну, а посплетничать, косточки друг другу перемыть, от этого мы, конечно, не откажемся. А уж наши с Матюшей косточки самые, наверное, чистенькие, мытые-перемытые...

Люди телевизор покупают, а мы холодильник да пылесос. Одежды приличной не имеем, а Славке баян купили самый дорогой, концертный... Ну как нас не судить?.. Другой алкоголик столько денег не пропьет, сколько мы на книги да на подписку тратим...

И еще многим кажется дико, что четвертый год уже каждое лето ездим мы в отпуск отдыхать. На курортах ни Матвей, ни я сроду не бывали. Здоровье еще пока, дай бог не сглазить, доброе; лечиться не надо, а берем мы каждое лето туристские путевки. Первый год по Крыму лазили, в море купались; на второе лето в Ленинград ездили с остановкой в Москве. В прошлом году захотелось нам побывать на Братской ГЭС. По Енисею на пароходе до самого Ледовитого океана доходили. А нынче купили путевки в Молдавию — на виноград. Деньжонок пока маловато, а все же мечтаем мы с Матвеем в Чехословакии побывать, очень он этот народ хвалит...

— С ребятами ездите? — спросила я.

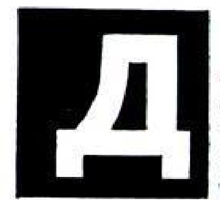
— Нет, что вы! Какой же отдых с детьми? Да и рано еще им. У них вся жизнь впереди. Они не то что на море или в Ленинград — они в свое время и на Луну запросто летать будут... А наша жизнь на закат идет... И должны мы наверстать хотя частичку того, в чем нам в молодости отказано было...

Викулька унесла скатерть-самобранку в дом и, прибежав, юркнула к матери под бочок. Потерлась лбом о ее подбородок, повозилась еще немножко, удобнее примащиваясь на материнском плече, дремотно помурлыкала и засопела.

— Готова моя Победа... горючее кончилось... — уже сама в полусне пробормотала Вера.

Я собралась было посмеяться над ней, но в этот момент ветер надул надо мной зеленые паруса, и ладья моя, плавно покачиваясь, отчалила вслед за Верой и Викулькой.

В. ВИКТОРОВ



Для тех, кто любит легкую атлетику, для тех, кто привык считать сборную команду СССР одной из сильнейших в мире, ее провал на недавно закончившемся будапештском чемпионате Европы оказался полнейшей неожиданностью и принес большие огорчения.

— Как же так? — спрашивают поклонники королевы спорта. Ведь после неудач, постигших наших бегунов, прыгунов и метателей в Токио на XVIII Олимпийских играх, они не раз достигали отличных результатов во встречах с самыми сильными соперниками.

Надо сказать, что растерянность испытывали в Будапеште и мы, журналисты, свидетели триумфального выступления советских легкоатлетов на предыдущем чемпионате Европы в Белграде, откуда было увезено на родину тринадцать золотых медалей. Правда, за четыре года, отделяющие Белград от Будапешта, наша команда значительно обновилась, но ведь это естественный процесс смены поколений. И разве, имея за плечами большой опыт, накопленный за эти годы тренерами и их питомцами, не должна была команда стать еще сильнее? Почему же она не стала? Где корни этого спада — в самой сборной или за ее пределами?

Словом, немало сложных вопросов задавали мы себе, сидя на трибуне «Непштадиона».

Но вот Будапешт позади. Перелистываешь блокноты, листочки судейских протоколов, страницы ежедневно издававшихся программ чемпионата и незаметно оказываешься в полной власти маленьких деспотов — цифр. К рекордам мировым, олимпийским, европейским, установленным в разные годы до Будапешта, на следующий же день после очередного финала прибавлялись результаты, показанные победителями чемпионата, и такой цифровой поток могли преодолеть лишь члены братства цифролюбов, любители легкоатлетической статистики.

Объединенные в международную ассоциацию статистики убеждены, что с помощью цифр можно чуть ли не заранее, еще до начала борьбы определить победителей. В самом деле, если учесть, что результат чехословацкого дискобола Людвика Данека—66 метров 7 сантиметров (мировой рекорд!), а второй по силе метатель из ГДР Детлеф Торит отстает от него больше чем на 2 метра, то разве не ясно, кто должен стать чемпионом Европы? Или взять прыжки в высоту. Среди 29 прыгунов, съехавшихся в Будапешт, лучший результат в сезоне имел советский спортсмен Валерий Скворцов — 2 метра 21 сантиметр, второй по классу — поляк Эдвард Черник проигрывал ему 5 сантиметров, а француз Жак Мадюбо прыгнул еще на один сантиметр ниже. Кто же должен получить золотую медаль? Разве это не задача для первоклассников? А какой может быть исход в беге на 10 тысяч метров, если Гастон Рулантс, обладатель европейского рекорда (28 минут 10,6 секунды), атлет, находящийся на вершине своей славы, не имеет пока себе равных в Европе? Но, увы, в современном спорте все большее значение приобретают факторы, которые с помощью одной лишь математической логики не исследуешь. Мы имеем в виду психологию, эмоции, настроение спортсменов. И притом не только отдельных спортсменов, но и целых команд.

И надо сказать, что в Будапеште не меньше поражений, чем их кумиры — спортсмены, потерпели самые испытанные прогнозисты. Сколько раз их расчеты терпели полный крах! Да, цифры, пусть и полученные с помощью самых совершенных измерительных приборов, не позволяют нам ответить на многие волнующие вопросы. И мы это поняли еще до начала чемпионата, посетив в олимпийской деревне нашу команду.

Уже тогда мы заметили состояние какого-то равнодушия, апатии, и это не скрывалось, об этом говорилось открыто, без стеснений. Но откуда же эти столь несвойственные нашим спортсменам и тренерам настроения? Вот первый вопрос, возникший перед нами еще до стартов. И мы постарались найти на него ответ не в перечне прежних достижений команды, а в ее сегодняшних заботах. Руководители Федерации легкой атлетики и сборной команды страны не смогли оперативно и быстро перестроить календарь соревнований, мобилизовать команду без пауз на подготовку к важнейшему выступлению сезона в Будапеште. Да, это их вина. Но есть и еще одна причина, в которой руководители легкой атлетики не являются главными виновниками. Нет у нас учебно-тренировочных баз для подготовки сборной. Давно об этом говорится, но и по сей день каждый раз подготовка к новому выступлению связана с большими организационными сложностями. На сей раз не удалось найти удобное место для тренировок, и команда сперва кочевала по московским гостиницам, затем сменила их на гостиницу ужгородскую. Разлаживались тренировки, таяли накопленные в начале сезона силы.

Эти обстоятельства нельзя не принимать во внимание, но, конечно, не они являются главной причиной будапештской неудачи. Уже первый день чемпионата доказал, что это так. Несмотря на золотую медаль, завоеванную Надеждой Чижовой, молодой толкательницей ядра, ученицей нашего известного тренера Виктора Алексеева; несмотря на серебро и бронзу, добытую нашими скороходами Владимиром Голубничим и Николаем Смагой; несмотря на успех нашего новичка Леонида Микитенко, занявшего третье место в беге на 10 километров, впереди Рулантса и многих других знаменитых бегунов, нас не покидала тревога. И причиной этого были бесцветные, ничего хорошего не сулящие выступления наших бегунов в предварительных забегах на 100, 400 и 1500 метров у мужчин и 400 метров — у женщин.

Может быть, в свете этих тревожных симптомов вспомнилось нам, что четыре года назад в Белграде была у нас в беге на 10 тысяч метров не бронзовая, а золотая медаль и что теперь с результатом, показанным на предыдущем чемпионате Болотниковым — 28 минут 54 секунды, можно было бы занять только восьмое место. Да, далеко ушла за эти четыре года легкая атлетика, мастерство и тренеров и спортсменов. Многое изменилось за это время, и, к сожалению, не в нашу пользу. Раньше мы, уступая в спринте, имели хотя бы твердые позиции в беге на длинные дистанции, но времена Куца и Болотникова отошли в область истории. И все же смелый порыв Леонида Микитенко, сибирского паренька, которого и в сборную-то не хотели брать, дает нам право надеяться, что скоро он будет занимать не третьи, а первые места. Как не хватало того вдохновенного подъема, с которым боролся Микитенко, многим другим нашим спортсменам!

С горечью вспоминается поражение Игоря

Тер-Ованесяна. До последней, шестой попытки Тер-Ованесян лидировал с результатом, показанным им во время первого прыжка, а затем британский прыгун в длину Линн Дэвис достиг, казалось бы, невозможного. Но ведь именно так же Дэвис уже однажды победил Тер-Ованесяна в Токио. Почему же в Будапеште не чувствовалось у нашего спортсмена боевой страсти, стремления улучшать и улучшать свой результат?

Почему Валерий Скворцов, побеждавший весь сезон, для которого результат 2 метра 12 сантиметров стал уже обыденным, внезапно пропустил вперед двух малоизвестных французских спортсменов, которые стоят на много ступеней ниже того, кого мы считали преемником Брумеля? Но Валерий Брумель отличался не только умением прыгать в высоту, но и умением высоко держать голову в самые трудные моменты (вспомним его неудачи перед отъездом в Токио и блестящую победу на олимпиаде). А Скворцов, лидируя до высоты 2 метра 9 сантиметров, сразу раскис, когда планку подняли еще на три сантиметра выше и французу удалось преодолеть ее с первой попытки.

Почему Геннадий Близнецов, бравший не раз уже пятиметровый рубеж, поднявший потолок всесоюзного рекорда до 5 метров 14 сантиметров, не смог выполнить квалификационную норму и получил три «баранки» на высоте 4 метра 40 сантиметров? Намок под дождем и перестал гнуться его фибергласовый шест? Возможно. Но прежде всего согнулся сам спортсмен.

Почему серебряный призер Токийской олимпиады десятиборец Рейн Аун с первых же стартов начал проигрывать спортсмену из ФРГ Вернеру фон Мольтке и без борьбы отдал ему золотую медаль, оставшись на пятом месте? Как тут не вспомнить его предшественника Василия Кузнецова, трехкратного чемпиона Европы, который в Белграде до конца бился с Мольтке и победил его буквально на последних метрах? Не хватает Ауну волевой мощи Кузнецова. Впрочем, разве только одному Ауну? К сожалению, этот дефект наблюдается у многих молодых легкоатлетов. Вот и приходится все чаще в бесстрастную летопись цифр вносить поправки на эмоции спортсменов.

Конечно, такого рода поправки к цифрам вынуждены были делать в Будапеште не только мы, но и многие наши коллеги из других стран. Думается, что всех удивили неудачи таких двух бесспорных фаворитов, как метатель диска Данек, занявший всего лишь пятое место, и Рулантс, который после своей сокрушительной неудачи на дистанции 10 тысяч метров, где он финишировал лишь восьмым, проиграл и свою коронную дистанцию — 3 тысячи метров с препятствиями — двум нашим спортсменам Виктору Кудинскому и дебютанту сборной Анатолию Курьяну.

Но не будем утешать себя чужими неудачами и вернемся к своим собственным. Как уже знает наш читатель, эти неудачи прежде всего связаны с бегом, и они особенно стали ясны, когда взял слово любимец и баловень королевы спорта — спринт. Королева любит быстроногих — ведь в самой основе легкой атлетики лежит быстрота. Теперь в Будапеште мы имели полную возможность убедиться в том, что наше отставание в беге, о котором не раз писалось и на страницах журнала «Огонек» и других изданий, все больше нарастает. Вот в этом-то одна из главных причин поражения в Будапеште.

Уже первый день чемпионата был озарен мастерством польских спринтеров, а в последующие дни они продолжали свой победный полет (иначе их манеру бега не назовешь) и собрали богатый урожай золотых медалей. Достаточно вспомнить, что польские бегуньи получили золотые и серебряные медали на дистанции 100 и 200 метров, а польские бегуны также заняли первые два места в беге на 400 метров, второе место на 200 метров и победили в беге на 100 метров. А уже под занавес наши польские друзья присоединили к своим трофеям еще и золотые медали в эстафетах 4 × 100 метров у женщин и 4 × 400 метров у мужчин.

Можно смело утверждать, что сейчас имена Ирены Киршенштейн и Евы Клобуковской, Веслава Маняка, Станислава Грендзинского стоят наравне с самыми прославленными именами негритянских спринтеров США. А мы, наслаждаясь их бегом на будапештском стадионе, вспоминали другой стадион, в Артеке. Там на международных соревнованиях по пионерскому четырехборью мы видели, как бегают четырнадцатилетние польские ребята. И тогда нам стало понятно, почему появились клобуковские и грендзинские. Они появились потому, что в Польше спринтом начинают заниматься по-настоящему и притом с огромным желанием еще в школе.

Большое значение имеют последние постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта, в частности о развитии ведущих видов спорта, в том числе легкой атлетики, в школах. Велика будет роль этих постановлений для массового развития легкой атлетики среди ребят, а стало быть, и для укрепления сборной команды страны.

Нам нужны преподаватели, которые были бы влюблены в легкую атлетику, а таких у нас пока немного. Но почему бы нашим тренерам не поучиться у наших друзей, польских тренеров, воспитавших таких прекрасных бегунов? А мы могли бы, в свою очередь, помочь им в подготовке спортсменов, выступающих в других видах легкой атлетики. И тут надо сказать, что в неудачу, постигшую нашу команду на чемпионате Европы в Будапеште, внесли свою немалую лепту наши тренеры, которые, видимо, почили на лаврах, перестали интересоваться опытом своих зарубежных коллег и в конце концов отстали.

Во всех областях науки и культуры идет плодотворный обмен знаниями между нашими специалистами и друзьями из социалистических стран, и только в спорте этого почему-то нет.

Трудно пришлось нашей команде, но она в последние дни все же собрала силы, чтобы преодолеть растерянность. Нашлись спортсмены, которые показали, как надо бороться за победу. Вторично стал чемпионом Европы в метании копья Янис Лусис, Ромуальд Клим в борьбе с чемпионом Европы 1962 года Дьюлой Живоцки победил в метании молота, проявила огромное самообладание Таисия Ченчик, став чемпионкой Европы по прыжкам в высоту. Уверенно выступила молодая пятиборка Валентина Тихомирова и, наконец, добился своей великолепной победы над Рулантсом Виктор Кудинский.

В итоге всех этих усилий наша команда значительно улучшила свои позиции и, по неофициальным командным подсчетам, которые всегда ведет пресса; по результатам шести участников вышла на первое место. Как же надо расценивать теперь выступления советских легкоатлетов в Будапеште? Может быть, они не так уж плохи?

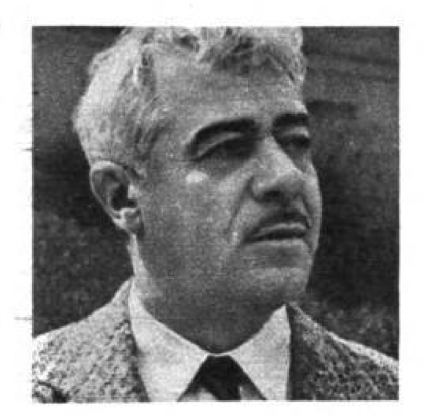
Сейчас, уже издалека окидывая взглядом прошедшие соревнования, я думаю, что их все же надо признать неудачными. Конечно, нашлись цифролюбы, которые попытались прикрыться, как щитом, неофициальными очками. Для них эти очки стали поистине розовыми, и это-то и опасно. Нет, не будем обманывать себя, ведь нам надо готовиться к новым встречам с сильнейшими легкоатлетами мира и на Кубок Европы в Москве и на олимпиаде в Мехико.

Будем помнить, что по всем полученным медалям в Будапеште наша команда заняла лишь второе место, а по золотым — третье.

Будем помнить, что из тринадцати беговых номеров, разыгранных у мужчин, мы были первыми лишь в одном и что наши женщины не получили по бегу ни одной золотой медали.

Оставим подсчеты командных очков цифролюбам и скажем: для того, чтобы наша сборная побеждала, ее надо все время пополнять молодыми, сильными легкоатлетами, выращенными в школах. Для того, чтобы наша сборная побеждала, спортсменам нужны учебные базы, а тренеры не могут почивать на лаврах и должны беспрерывно совершенствовать свое мастерство, не стесняясь учиться у тех, кто их превзошел. Только тогда цифры спортивных результатов, помноженные на высокий спортивный дух и отличную организацию, дадут в итоге полновесную победу.

Будапешт — Москва.



ЭТО В ЖИЗНИ. ЭТО В ПЕСНЕ...

Есть у меня одно далекое детское воспоминание — в двадцатые годы к нам в Луганск приехал Маяковский. Мы старались не пропустить ни одного выступления поэта, повторяли все его остроты, ожидали его у входа в редакцию «Луганская правда» и у гостиницы. Вот тогда-то на одном из своих вечеров Маяковский обратился к слушателям: «А сейчас я хочу познакомить вас с талантливым молодым поэтом Семеном Кирсановым». И затем не вышел, а вырвался на сцену молодой Кирсанов. Когда он читал свои стихи, впечатление было такое, что вокруг него сыпались искры, что-то вспыхивало, и взрывалось, и, кажется, даже пахло порохом. Он читал «Бой быков» и «Мою автобиографию». Все это было звонко, стремительно, молодо. И надо было видеть, как смотрел Маяковский из угла сцены, любуясь и радуясь,— так, наверное, старинные мастера-художники или скульпторы гордились своими выучениками и подмастерьями. А потом мне попала в руки книжечка «Слово предоставляется». Даже само издание ее — продолговатый, узкий формат, ярко-желтая, броская обложка, разнообразие шрифтов — все предупреждало о том, что вы имеете дело с поэтом необычным, не похожим на других. «Разговор с Дмитрием Фурмановым», «Ярмарочная» — я и сегодня эти стихи прочту на память.

Я бы назвал стихи Кирсанова настоящими смелыми опытами, расширяющими возможности нашей поэзии, обогащающими ее новыми художественными средствами, освобождающими неограниченную энергию, таящуюся в каждом слове, как в атомном ядре. Поиск нового — в крови у поэта. То он, уподобясь мичуринцу, старается скрестить слово со словом и по-детски радуется, когда такие гибриды у него получаются и начинают плодоносить, то изобретает новые падежи, не ограничиваясь шестью уже известными, то занимается пантарифмой — рифмуя не только окончания строк, но и целые строки между собою, то увлекается поэтическими перевертнями, которые можно читать и прямо и навыворот. То он хочет перевоплотиться в других авторов и пишет целые циклы стихов от лица незнакомых нам, якобы существующих на свете поэтов. Игра это? Может быть, и игра. Но идет она от силы поэта, от умения в совершенстве владеть своим искусством.

Когда-то давно к Кирсанову прилипла характеристика «циркач стиха», кстати сказать, данная в шутку самим себе поэтом в одной из его первых книг. А ведь это Кирсанов сумел в годы Отечественной войны обновить и поставить на вооружение форму народного раешника и найти для этого образ бывалого, умного солдата Фомы Смыслова. Я помню маленькие листовки с «Заветным словом Фомы Смыслова», выпускаемые огромными тиражами Политуправлением нашей армии и облетавшие все фронты. И ведь перу этого поэта принадлежат такие вещи, как трагическая «Твоя поэма», или интересная книга «Лирики», или сверкающее всеми цветами, как палехская шкатулка, «Сказание про царя Макса-Емельяна».

У каждого художника есть стихи, как бы утверждающие кредо поэта, его веру, его взгляд на поэзию. Есть такие стихи и у Кирсанова. Он рассказывает о хирурге, делающем рискованную операцию, осторожно держащем в руках оживающее человеческое сердце:

Понял я, что нет на свете
 выше, чем такое,
чем держать другое сердце
 нежною рукою.
И пускай мое от боли
 сердце разорвется —
это в жизни, это в песне
 творчеством зовется.

Трудно что-либо добавить к такой характеристике места поэзии в жизни человека. Говорю это не по-юбилейному — поэту исполнилось 60 лет,— а потому, что так думаю всегда: насколько скучнее было бы в поэзии, если бы не было в ней Семена Кирсанова с его задиристостью, его вечными поисками и неожиданными открытиями.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Зента на войне.

ПОРТРЕТ СЕСТРЫ

З. ХИРЕН

Все началось с портрета. Впервые я его увидел в Риге, за Двиной, в маленьком домике на тихой улице Бездилигу, что значит «ласточка». Кроме него, в комнате было много и других картин, ими были завешаны стены от потолка до пола. Портрет висел напротив окна: на картине подмосковный тусклый зимний день. Снег, черный от разрывов снарядов и мин, оборванные телеграфные провода, печи, оставшиеся от сгоревших домов. По разбитой военной дороге шагает девушка с большой санитарной сумкой через плечо. Большие светлые глаза, озабоченное лицо.

Сюда, в этот домик, я попал не один, а с Милдой Кандате. Она вызвалась поехать со мной после работы к родителям Зенты Озолс, сказала, что давно собиралась к ним, и достала из ящика письменного стола сверток с новеньким женским платком:

— Это, знаете, я для матери Зенты все берегу, а вот до сих пор не отвезла. Они ведь не в Риге живут, а в Кегумсе, это за городом Огре, там, где ГЭС. Если не возражаете, давайте сперва заедем к Велте, старшей сестре Зенты.

Там и увидел я этот портрет.

— Это Зента,— сказала Милда.— Разве я вам не говорила, что сестра у нее художница?

С Милдой Кандате познакомились мы в Институте истории партии при ЦК КП Латвии. Она там работает. В те дни я искал одного латышского потомственного революционера. Сотрудница института предложила стенограмму военных лет, добавив, что, возможно, там я найду кое-что для себя. И действительно, из речи комсомолки Зенты Озолс выяснилось, что она знала нужного мне человека. Там же упоминалась санинструктор Милда Кандате. Я спросил, нельзя ли повидаться с Озолс.

— Погибла на войне,— ответили мне.

— А с Кандате?— спросил я.

— С Милдой? Пожалуйста, поднимитесь на второй этаж.

Милда многое рассказала о Зенте:

— А знаете, все началось с дневника. Зента вела на войне дневник, а когда она погибла и Ригу освободили от фашистов, товарищи привезли дневник матери. Та прочитала его и сказала, что в нем осталась душа дочери. Там упоминались многие подруги и товарищи Зенты, и мать все эти годы старалась их разыскать, познакомиться с ними, чтобы получить представление о том, кто окружал на войне дочь. «Я вас знаю,— сказала мне мать Зенты, когда мы встретились,— моя дочь пишет о вас в дневнике».

И вот сейчас мы приехали вместе к сестре Зенты. Велты дома не оказалось. Некоторое время мы постояли у портрета.

— Знаете,— вздохнула Милда,— конечно, художника ни в чем не упрекнешь, он стремился передать решительность девушки, но, по-честному говоря, Зента даже в самые тяжелые моменты оставалась озорной, веселой девочкой и не любила на себя напускать такую вот серьезность. У меня до сих пор в ушах звенит ее веселый, восторженный голос: «Знаете, девочки, куда мы прибыли? Мы в Наро-Фоминске! Будем защищать Москву!..»

Я уже знал со слов Милды, сколько препятствий преодолела Зента, добиваясь отправки на фронт. В Риге уже на третий день войны она записалась добровольцем. Ее фотографию опубликовали в газете «Циня». Но в военкомате в последнюю минуту сказали: «Поедут на фронт только парни, девушек не возьмем». Потом ее усадили в эшелон, и она чуть ли не месяц странствовала. Все думали, что едут на фронт, а привезли в чувашскую деревушку. Она не успокоилась, добивалась зачисления в действующую армию. Ей всюду отказывали. Но вот однажды она встретила латышских солдат. Подошли, спрашивают, чего она плачет. Рассказала. И тогда один из них шепнул, чтобы подождала его. Вскоре он вернулся с шинелью и пилоткой. Накинул на Зенту шинель, нахлобучил ей на голову пилотку, сказал: «Беги! Прямо в штаб!» Не то часовой был предупрежден этими ребятами, не то в самом деле принял ее за здешнюю, но Зента прошмыгнула на территорию полка. Так началась ее боевая жизнь. Там и познакомилась с ней Милда.

* * *

К родителям Зенты в Кегумс приехали затемно. Мать, Берта Карловна, увидев фронтовую подругу дочери, обрадовалась. Отец, Юлий Карлович, старый человек, ему за 75, стал торопливо рассказывать о том, как сельские школьники помогают им на зиму заготавливать дрова, ухаживать за огородом, а то просто забегут справиться о здоровье, да и 5-я средняя рижская школа, в которой училась Зента, помнит о стариках. Он достал из ящика письма, бережно разгладил каждое и предложил нам прочитать:

— Это все пишут наши теперешние дети, их у нас сотни.

Берта Карловна куда-то вышла. Вскоре она вернулась с небольшой стопкой мелко исписанных листочков. Это были письма, которые Зента писала на фронте своему знакомому, воевавшему где-то неподалеку от нее. Милда читала вслух по-латышски и переводила фразу за фразой:

— «Хожу в ватных красноармейских шароварах и гимнастерке. Тебе, наверное, было бы смешно увидеть меня в таком наряде, а я привыкла и не могу представить себя в платье и блузке. Дивизия — мой дом, но иногда, когда выберется свободная минутка, сяду на снег, вспоминаю школу, наших девчонок, вот бы, думаю, они удивились...»

«...4-го декабря наша дивизия совершила большой переход. Сотни километров прошагали мы. Конечно, и меня никто не возил на автомобиле, шла своими ногами, веселая, довольная, потому что знала: теперь я такой же красноармеец, как и все».

В этом месте Милда остановилась и вспомнила, как обычно Зента получала в аптеке медикаменты, бинты, индивидуальные пакеты. Начальник аптеки уже знал: как только появится Зента, надо бросать все дела. Зента не терпела медлительности. Бывало, врач скажет ей: «Зента, посиди отдохни, бинты никуда не убегут от тебя». Она и слышать не хочет, сожмет руку в кулак. «Да, это верно,— ответит она,— мне больше ничего не остается делать, как сидеть тут у вас и ждать, конечно же, раненым тоже ничего другого не остается, как ждать там, на поле боя, меня... Но вот беда: немцы почему-то ждать не хотят...» «Да успокойся же,— говорил ей военврач,— у нас в аптеке все имеется, ничего для тебя не пожалеем, полную сумку набьем...» «Да, у вас все в аптеке имеется,— передразнила она,— лишь один «медикамент» в дефиците: расторопность!»

Однажды позвонили военврачу Гаринколю и сказали: «Отдайте Зенту». «Что-что?»— не понял он. Ему повторили: «Зента назначена военным корреспондентом редакции дивизионной газеты «Латышский стрелок».

Позднее врач сознался: хотелось кричать, спорить, протестовать... Как же такого санинструктора отпустить? Но мелькнула и другая мысль. Зента ведь очень молоденькая, лезет в огонь, уже несколько раз находили осколки в ее ушанке, весь ватник изодран осколками, просто чудом девушка уцелела, а так ведь не вечно будет. В редакции все-таки работа менее опасная. Осколки реже задевать будут, а то ведь случай был, Зента кинулась раненых спасать, а в окопе еще немцы... Взвесив все, врач отрапортовал, что приказ о Зенте будет исполнен, ее откомандируют в «Латышский стрелок».

— «...Есть еще новость,— продолжала переводить Милда,— из санинструкторов меня перевели в корреспонденты. Ты слышал когда-нибудь такое слово? Ты знаешь, в чем заключается эта работа? Скажу тебе прямо: дело очень и очень интересное. Надо ходить по ротам и знакомить всех с тем, что произошло. Я-то знаю многое. Через мои руки прошло столько раненых, а каждый что-нибудь да и сообщит. Вот я и рассказываю о положении на фронте, а попутно собираю материал для газеты. Это еще интересней: спрашиваешь, а тебе отвечают, и ты все записываешь...»

«...Сейчас сильный ветер и метель. Сегодня я прошла пешком немного, километров двадцать пять, не больше. Теперь я уже вернулась в редакцию, сидим вместе с редактором возле печурки и составляем макет газеты».

...Судя по письмам, Зента, несмотря на свой небольшой корреспондентский стаж, понимала свои обязанности на фронте не хуже бывалых военных журналистов. Мы всегда считали, что корреспондент должен не только собирать материал, не только писать, но и рассказывать солдатам, с которыми встречается, известные ему новости. Уж коли пробрался на передний край, поделись с бойцами всем, что знаешь. Так действовала и Зента. Но, конечно, хотелось увидеть, что писала она.

Забегая немного вперед, скажу: позднее разыскал я и комплект дивизионной газеты и сотрудников редакции. Склонившись над пожелтевшими страницами газеты «Латышский стрелок», они переводили для меня абзац за абзацем. Печаталась Зента часто. Рассказали мне, как она не хотела переходить в редакцию, считая

Бродский. ПСКОВ. Этюд. 1913 г.

И. Бродский. РАННЯЯ ВЕСНА. 1926 г.

СКВОЗЬ ВЕТВИ. 1907 г.

это изменой по отношению к своим стрелкам и минометчикам.

В дивизионной редакции трудилось тогда немало известных латышских писателей, но солдатскую жизнь Зента знала лучше многих. Она, что называется, каждый день своими ногами проверяла обстановку на фронте. Пока доберется до роты, пока доберется до редакции, изучит каждое деревце, каждый бугорок, прикинет, на чьей стороне тактическое преимущество. Ведь ей обо всем этом придется писать. Сперва писатели отнеслись к Зенте иронически, а потом стали с ней советоваться, охотно помогали да и за помощью обращались.

* * *

...Милда продолжает переводить. Давно за окном посинело. Тусклый свет настольной лампочки освещает листок арифметической тетрадки, густо исписанный фиолетовым карандашом. Напротив Милды — крупное печальное лицо матери Зенты. Рядом— нервное, с впалыми щеками лицо отца. Со стены на нас глядит Зента. Это один из вариантов портрета... Зента продолжает шагать и шагать по унылой фронтовой дороге. Вспоминаю о снимке в газете «Циня», опубликованном на третий день войны, когда она «записалась» на фронт. Позднее встретил я того самого корреспондента, который о ней написал в те дни и сфотографировал ее. И должно же произойти такое совпадение! Встретился он с Зентой уже на войне, причем поменялись ролями. На фронте этот журналист стал комсоргом, а Зента в то время была корреспондентом дивизионки и пришла его интервьюировать. «Мир тесен»,— рассмеялась она при встрече.

Я не спрашиваю о дневнике. Втайне надеюсь, что вот-вот он появится. Я слышу, как Милда о чем-то шепчется с Бертой Карловной, и та вновь уходит в соседнюю комнату, и вот уже тетрадь, о которой я так много слышал, лежит на столе. Со стены продолжает глядеть на нас автор дневника, и я почему-то вспоминаю давным-давно прочитанные у Брюсова слова, что значение писателя определяется количеством его произведений, оставшихся в рукописи. Я слушаю. Автор все время писал с натуры. Спасал раненых, переносил их в безопасное место и тут же спешил занести в тетрадь, что его удивило и потрясло. А удивляло многое. Понимаю, Зента не писатель, не поэт, она школьница, оказавшаяся на войне. Но чем больше я слушаю перевод строк, «оставшихся в рукописи», тем больше убеждаюсь, что был в этой девушке скрыт и талант литератора. Иногда кажется, что она торопилась передать все свои чувства, опасалась, что не придется увидеть тех близких ей людей, кому хотелось рассказать обо всем пережитом.

Милда читает и читает:

— «...Днем наших минометчиков перебросили поближе к переднему краю. Я пошла вместе с ними. Не могла спокойно усидеть в землянке. Впереди глубокий овраг, пробираемся через кустарник, и вдруг вижу Милдыню, обрадовалась, да и она тоже. Гусаров со своими бойцами расположился рядом с заминированным полем. Это на случай, если немцы станут наступать с правого фланга. До начала атаки остались минуты. Уже слышна артподготовка. Я, Милда и Шура, хорошая девочка, сидим в овраге и показываем друг другу домашние фотокарточки... Все давно подготовлено. Теперь все ждут условного знака для начала атаки. Вот в вечерней тьме среди зарниц вспыхнула белая ракета. Время около семи часов вечера. Еще одна ракета. Это значит приготовиться. Необычная напряженность господствует во всей долине. Вот и третья ракета. Она еще не успела потухнуть в синем нашем небе, а по оврагу уже раздалось «ура». Красноармейцы поднимаются из окопов, несутся вперед. Им надо пробежать голое поле, которое немцы сильно простреливают. Край оврага начинает осыпаться от взрывов. Девочки и я быстро прячем домашние свои фотокарточки и бежим подбирать первых раненых. Сильный огонь бежать не дает, надо ползти по-пластунски. Продолжаем пробираться к раненым. Вот один из них, хочу ему помочь, и он понимает, как это тяжело сделать, его надо перевернуть, а сильная боль не позволяет, и к тому же он очень тяжелый. Раненый поглядывает на меня и старается сам приподняться, но в это время над головой начинают свистеть пули, и я прижимаю его рукой к земле.

...Присела немного вздремнуть. Холодно. Усталость одолела, и к утру заснула, прижавшись щекой к песчаной стенке окопа. Проснулась от сильного шума. Открыла глаза, вижу: противоположный берег реки весь в огне. ...Новая беда: надо вести все время огонь, а в автоматы набился песок, и они не стреляют. «Держитесь, мальчики!»— кричим мы, трое девочек, и отправляемся подбирать винтовки убитых. Собрали, принесли, а заодно нашли мешки, затоптанные в грязь, в них оказались патроны и хлеб. У нас не осталось командиров, командование взял на себя старшина 6-й роты, и я радуюсь его энергии. Пока наши парни стреляют из винтовок, мы, девушки, чистим автоматы. Рядом с нами раненые, их некуда эвакуировать. Немцы ведут сильный огонь. Раненые, несмотря на боль, стараются нам помочь. Пока мы возимся с автоматами, они держат в руках уже вычищенные нами диски.

...Меня приняли кандидатом в члены партии».

* * *

Так было до 9 декабря 1942 года. Возвращаясь в редакцию, Зента упала, пораженная крошечным осколком мины. Перебило сонную артерию. Смерть наступила мгновенно. В газете рядом с корреспонденцией Зенты был напечатан некролог о ней. Добрый военный доктор, который предполагал, что в редакции Зенту ждет беззаботная жизнь, горько ошибся.

В той же газете я увидел под рубрикой «Счет Зенты» фамилии латышских снайперов, а рядом цифры. Бывшие сотрудники редакции мне сказали, что это снайперы, а среди них были и такие, которых Зента спасла от ран, а позднее, став корреспонденткой, она писала о снайперах в газете.

Когда кончилась война, фронтовики пришли в школу и рассказали, как их выпускница вела себя на войне. Тогда же возникла мысль о присвоении школе имени Зенты Озолс.

И вот стою перед высоким кирпичным зданием этой школы. Знаю, что по ступенькам этим в последний раз летом 1941 года сбегала после выпускного вечера девушка, о которой так много услышал я за эти дни, и по этим же ступенькам весной 1945 года сюда поднимались солдаты и офицеры, ее однополчане.

Изо дня в день встречаюсь я с подругами и товарищами Зенты. Ее бывшая классная руководительница Марта Яновна Зейде сказала мне:

— Зенте нравилась жизнь. Дада, так и запишите, ей всегда нравилась жизнь, вот это — главное, что надо о ней сказать. Я не могу представить ее себе равнодушной, неподвижной, всегда она куда-то стремилась, спешила, всегда была окружена подругами и товарищами. Она была первым математиком, и кому только не помогала решать задачки; делала это играючи, на ходу.

Показали березу, посаженную Зентой, и одна из подруг заметила:

— Зента все выбирала такое местечко, чтобы могла из окна класса наблюдать, как ее деревце растет. Хотите, поднимемся наверх и посидим на том месте, где стояла ее парта, и вы убедитесь, что она правильно выбрала место для березки, сейчас ветви этой березы почти закрывают окно...

Я смотрел на соучениц Зенты, прошлых и нынешних, и старался в каждой найти какую-нибудь черточку ее характера.

А когда уходил, в саду звенели ребячьи голоса, шла посадка молодых берез. Среди них гордо возвышалась береза, посаженная когда-то Зентой.

* * *

...К сожалению, с Велтой, написавшей портрет сестры, встреча была короткой. Велта в это время болела, лежала в больнице, и мы обменялись лишь двумя-тремя фразами. Она сообщила, что сразу же после выпускного вечера они с Зентой собрались домой в Кегумс, но в последнюю минуту Зента сказала, что останется на несколько дней в Риге. Пришли на вокзал перед самым отходом поезда. Зента крикнула: «Скажи маме, скоро буду дома!» И началась война. До 8 марта 1943 года мы ничего не знали о судьбе нашей девочки. В город вошли фашисты. И вот однажды с риском для жизни тетя Анна, сестра нашей матери, услышала по радио передачу на латышском языке из Москвы, и там сказали, что погибла отважная дочь латышского народа Зента Озолс. Тетя была не в силах сообщить об этом матери и сказала, что это должна сделать я. Я отправилась в Кегумс... А мать встречает меня в очень хорошем настроении, говорит, что видела сон, и Зента была веселая, все время гладила ее по щеке, повторяя: «Не волнуйся, мамочка, мне очень хорошо». Услышав это, Велта убежала.

— Вы спрашиваете, как писался портрет?—произнесла тихо Велта, маленькая худенькая женщина в больничном халате.— Его писали все фронтовые товарищи, которые пришли к нам в дом после войны и рассказали о сестре, а я просто внимательно слушала их. С кистью в руках.

Дмитрий СМИРНОВ

СОСЕД

Я помню: летом у крыльца
Всегда возились куры,
И мы, четыре сорванца,
В пыли копались бурой.

К нам выходил добряк сосед,
Лукаво улыбался.
Казалось, в мире громче нет
Его грудного баса.

Он вел в сарай нас, где дрова,
В такое царство сказок,
Что даже оторопь брала,
Охватывая сразу.

Нас приобщал к таким вещам,
Колдуя над тисками,
Что даже сказок мир нищал,
Казался пустяками.

Резцы, стамески и ножи
В руках его сверкали,
А пилы — будто бы ежи
Растянутые спали.

Он позволял богатства те
Потрогать осторожно —
И что висели на щите
И что на полке слóжены.

Давал рубанок подержать
И с видом озабоченным,
Ручонки лапищей прижав,
Учил, как стать рабочим.

Разгорячившись и вспотев,
Сверлили мы, строгали,
К руладам инструментов тех
Сердцами привыкали...

Когда склоняюсь в поздний час
Над стружкою-строкою,
Я ощущаю каждый раз
Рубанок под рукою.

* * *

Хватит, как всегда, в тебе нагрева,
Чтоб не овладела сердцем дрожь.
Видишь, над тобой вселенной
древо,
Лишь тряхни — польется звездный
дождь.

Крикни — полетит над миром эхо,
Отзовется в тысячах сердец
И вернется плачем, или смехом,
Или тихим вздохом, наконец.

Улыбнись — и миллион улыбок
Побежит по синеве морской...
Но ударит время снежной глыбой,
Если в счастье обретешь покой.

Кровь звенит — и колокол планеты
Отражает в вечность этот звон,
Но не звон торгашеской монеты
И не крик откаркавших ворон.

Хватит, как всегда, в тебе нагрева,
Чтоб не овладела сердцем дрожь.
Видишь, над тобой вселенной
древо —
Ты его без разума не трожь.

ХУДОЖНИК, ВЫРАЗИВШИЙ ВРЕМЯ

Когда тридцать лет назад молодой Черкасов сыграл заглавную роль в фильме «Депутат Балтики», мировая печать заговорила о нем как о «самом политическом» актере нашего времени.

Черкасов создал необычайно привлекательный образ старика профессора, у которого, говоря словами Маяковского, «в душе — ни одного седого волоса». Истоки душевной молодости своего героя актер увидел в соприкосновении с революцией, в стремлении самоотверженно служить революционному народу. Увидел и ввел нас в святая святых большого ученого: в мир его поисков, переживаний, размышлений. «Казалось бы, не слишком захватывающий сюжет о ботанике семидесяти пяти лет,— говорил на лондонском Конгрессе мира и дружбы с СССР А. Н. Толстой.— Но когда на полотне экрана перед вами бьется благородное человеческое сердце, когда мужество, честность, благородство и любовь к человечеству разворачиваются, как широкая сюита, когда у зрителя закипают слезы благодарности к этому высокому, юному душой старику ученому,— уверяю вас, никакие штыковые атаки и военные марши, никакая самая горячая перестрелка между гангстерами и полицейскими сыщиками не увлекут и не захватят вашу душу, как фильм, подобный «Депутату Балтики».

Образом профессора Полежаева Черкасов открыл галерею сценических и кинематографических портретов людей, коим было суждено стать главными героями его творчества. В этой галерее — образы Мичурина, Маяковского, Горького. И каждый из них отмечен творческим поиском актера, его своеобразной, неповторимой художнической индивидуальностью. А на закате своих дней Черкасов создал — сначала на сцене, а затем и в кино — образ академика Дронова, утверждая, что бессмертие человека заключается в его делах и что все, сделанное человеком на земле, остается людям. Как и Полежаев, Дронов — образ собирательный: в нем воплощены лучшие черты человека наших дней и дней завтрашних.

Стертые индивидуальности были органически чужды дарованию Черкасова. И в этом проявлялись не только особенности его таланта, но и страстная влюбленность выдающегося художника в жизнь, обостренное внимание к человеку и его духовному миру, вера в неисчерпаемые возможности народа, созидающего новое.

С неподдельным восторгом рассказывая об Эйзенштейне, Довженко, Петрове, Корчагиной-Александровской, Николай Константинович упорно мечтал сыграть роль Маяковского; он горячо отстаивал у себя в театре далеко не совершенную пьесу В. Катаняна «Они знали Маяковского» и добился своего. Узнав о том, что пьеса эта идет в Москве, в Студенческом театре, он приехал и сыграл ее с молодежью...

Черкасов был под стать своим героям. Своеобразнейший человечище! Художник исключительной остроты и покоряющего обаяния. Мастер в подлинном смысле слова, которому жизнь всегда открывалась в нерасторжимом сплаве смешного и возвышенного, трагического и комедийного, обыденного и героического. Неутомимый общественный деятель, объездивший едва ли не весь мир и много сделавший для дела мира, для счастья людей.

Не отыскать ни в нашей стране, ни за ее пределами человека, которому незнакомы были бы герои Черкасова. Они обладают непреходящей ценностью. Они живы; они всегда в строю. Они остались людям.

Еще не одно поколение будет учиться любить свою социалистическую отчизну у Николая Черкасова; учиться мужеству и патриотизму у «депутата Балтики» Полежаева, у полководца Александра Невского, у академика Дронова...

Юр. Зубков

ОБОЗРЕНИЕ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Выходя из кинотеатра, зритель обычно подводит итоги своим впечатлениям, кратко резюмирует их. Тут-то и возникает репутация фильма, рождается его добрая или худая слава. Причем и добрая слава — вопреки старинной пословице — тоже отнюдь на месте не лежит! Подобно славе худой, она молниеносно обегает все зрительские дорожки, и у касс кинотеатров выстраиваются длиннющие очереди. Однако еще задолго до премьеры сами кинематографисты почти наверняка могут сказать, как будет проходить экранная жизнь фильма — окажется ли она шумной и долгой или мелькнет и угаснет, не оставив по себе следа.

Умея предвидеть все это, кинематографисты, разумеется, не на гуще гадают. Будущие успехи, как и будущие неуспехи, фильма с самого начала заложены в сценарии, как бывают заложены уже в первых — сильных или слабых — ростках будущие побеги, цветы и плоды. Но как же важно, чтоб и попали они тоже в хорошие, надежные руки!..

В самом деле, для того, чтобы на свет появились такие фильмы, как «Гамлет», «Зачарованная Десна», «Председатель», «Война и мир», «Никто не хотел умирать», «Последний месяц осени», мастера кино сначала создавали добротные сценарии — творческую основу этих фильмов. При этом сценариям, написанным Г. Козинцевым, Ю. Солнцевой, С. Бондарчуком, В. Жалакявичюсом, как говорится, повезло: их и ставили режиссеры Г. Козинцев, Ю. Солнцева, С. Бондарчук, В. Жалакявичюс...

Но ведь и нагибинский «Председатель» тоже попал в умелые руки режиссера-постановщика А. Салтыкова. А «Последний месяц осени» — по сценарию, созданному молдавским писателем Ионом Друцэ,— поставил В. Дербенев. И оба эти фильма не просто сохранили мысль и поэзию образов, впервые родившихся такими светлыми и чистыми еще в писательском замысле, а получили свое новое — режиссерское — рождение. Постановщик словно переплавил их сызнова, теперь уже в собственном творческом сознании, присущем ему, режиссеру, самостоятельному художнику кино.

Это второе, вслед за сценарием наступающее, образное рождение фильма отнюдь не означает некоего механического перевода или пересказа того, что было написано в сценарии, в то, что будет увидено зрителем на движущейся киноленте. Язык сценария, если это язык поэзии, не перелагается на зримый язык кино с простотой и бездумностью переводной картинки.

Михаил Ульянов — и вероятно, только он один! — мог сыграть с такой силой заглавную роль в фильме «Председатель». Но ведь, кроме великолепной догадки о ярком типаже и общей выразительности М. Ульянова, режиссеру А. Салтыкову нужно было отыскать еще многое другое и среди тысяч возможных вариантов взять всего-навсего один. Единственно нужный. Способный выразить грубую, суровую, поэтическую правду жизни, окружающую героя. Увидеть вот эту самую, неприбранную, какую-то неухоженную избу, где живут брат председателя Семен и жена Семена, Доня. Надо было найти артистов Мордюкову и Лапикова, столь органичных в этих ролях, и показать их так, чтобы они еще сильней, еще ярче оттенили личность Председателя, не загораживая его и не мешая ему, а по-своему поддерживая этот характер во всех проявлениях. И, кроме того, показать Семена и Доню так, чтобы и сами они тоже своеобразно и пластично вписались в трудный быт, оттенив всю атмосферу нелегкой послевоенной жизни. Жизни в этой сырой, промозглой избе, в этой неприветливой деревне, которую придется им покинуть, когда столкнутся они с неуступчивой, напористой, требовательной силой Председателя.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ

«Последний месяц осени». Отец — Е. Лебедев, Мать — В. Сперантова.

Кадр из фильма «Первый учитель». В заглавной роли артист Болот Бейшеналиев.

«Тени забытых предков». Палагна — Т. Бестаева, Иван — И. Миколайчук.

КИНОРЕПУТАЦИИ...

Мысленный взор режиссера кино отбирает уже не только и не столько декорации — как это приходится делать режиссеру в театре,— а «куски» действительной жизни. В них он «одевает» свой фильм.

Режиссер ищет для фильма такое дерево, облако, дорогу, часть неба или дома, поселка или города, которые образно, поэтически сильно выразят художественную мысль, присущую сценарию, а не просто проиллюстрируют его подобно живым, красочным или, наоборот, черно-белым картинкам, снятым «модной» скрытой камерой.

Интересно, что зрителя этими картинками не обманешь. Даже самый «неподготовленный» зритель всегда с увлечением следит за движением мысли режиссера. И столь же безошибочно улавливает суррогат, поэтическую неправду, чувствует неумение режиссера найти зримый эквивалент тому, что трогало и волновало его, зрителя, когда он читал понравившуюся книгу либо смотрел взволновавший его спектакль, вроде «Совести», например, вовсе не удавшейся, увы, на экране...

Подобная зрительская чуткость проявляется не только по отношению к знакомому жизненному материалу в современном фильме, но и к материалу историческому, приключенческому, сказочному, к любой киноновелле, притче, легенде... Тут уж словно сердце сердцу весть подает. Оно ведь трепещет и у самого художника, когда он знает, что чудо случилось, что он сумел схватить искомое и выразить его, донести до людей, ради которых и велись эти упорные поиски чуда.

С первых кадров рождает ощущение такого чуда прелестный фильм «Город мастеров», поставленный В. Бычковым на Белорусской студии по пьесе Тамары Габбе. А на студии имени Довженко столь же поразительного эффекта добивается Сергей Параджанов, возвращая людям в «Тенях забытых предков» — фильме, поставленном по одноименной повести М. Коцюбинского,—целомудренную чистоту гуцульщины, ее трогательные обычаи, нравы, человеческие отношения. Карпаты звучат в картине Параджанова, как песня. А бережно созданную народом красоту хочется сберечь в памяти как редчайшую драгоценность. Великолепная же картина «Новый Нечистый из Преисподней», созданная на «Таллинфильме» по произведению эстонского классика А. Таммсааре, рождает совершенно противоположное настроение. Вместе с героем-батраком зритель бунтует против угнетения человека человеком, против засилья хищничества и своекорыстия. И все в фильме поддерживает этот неистовый бунт, все усиливает давящее, тягостное настроение: унылые каменистые равнины, которые должен бедный человек, надрываясь и мучаясь, превратить в плодородные земли, чтобы они рожали хлеб, не для него — для других, хитрых и ловких.

Режиссеры-постановщики Ю. Мююр и Г. Кромонос показывают, что нечеловеческий труд превращает и человека в Нечистого — подобие самого черта и землю его в Преисподнюю — подобие ада. Но зритель догадывается и о том, что бунтующий Нечистый становится действительно последним Нечистым из Преисподней, что вслед за его бунтом наступит желанное освобождение и для людей и для земли. И все это ощутимо живет в подтексте: и во внешнем облике актера Э. Салулахта, играющего заглавную роль, и в облике земли и леса, облаков и камней, в корявых руках Нечистого, нежно обнимающего своих детей и любимую женщину, в жестоком пламени пожарища, уничтожающего поместье...

Иное, доброе пламя трепещет на экране, пламя родного очага, веселого костра, где заботливые материнские руки пекут картофель либо подогревают лепешки, когда неспешный голос И. Смоктуновского начинает рассказывать нам о том, что случится в фильме «Последний месяц осени».

Собственно говоря, почти ничего особенного не случается в этой на редкость доброй и лиричной картине, созданной режиссером В. Дербеневым по сценарию Иона Друцэ на студии «Молдовафильм». Состарились отец с матерью, хочется им почаще видеть сыновей и дочку. Ну, Маринка, та еще сама навестит родителей, прибежит из соседней деревни, принесет старику любимое его угощение — соленый арбуз. А вот к сыновьям придется, видно, самому ехать... И вот уже укладывает Мать — В. Сперантова пряники, отборные яблоки и орехи в дорожную корзинку, собирает гостинцы детям и внукам... И Отец — Е. Лебедев, совсем было собравшийся помирать, пускается в далекий путь, ко всем детям по очереди.

Дети очень разные. Сын-тракторист прост и весел; в его доме много детей, быстрая, разбитная и приветливая жена-украинка. Хлебосольные, гостеприимные люди, они живут с душой нараспашку... Средний сын, Антон,— это современный отшельник, лесник. Кажется, что он «заколдован» на веки вечные особым миром своих владений, и, видно, век вековать ему бобылем. Зато младший сын, безусый студент из техникума, начинающий поэт и волейболист, отчаянный ухажер, еще с седьмого класса задумал жениться! И отец доверчиво, со своеобразной стариковской галантностью знакомится с многочисленными поклонницами Серафима.

Сына-писателя, чьим голосом разговаривает с нами И. Смоктуновский, мы не видели: не застал его отец; придется писателю самому съездить к старикам. А отец, навестив детей, спешит домой: никто не переделает за него всех тех дел, которые там накопились!..

Очень точно играет Е. Лебедев, заставляя верить каждому движению и жесту героя. Удивительна его манера приглаживать реденькие белые волосы негнущимися, прямыми пальцами. Удивительна затрудненная и все еще быстрая походка старика, выдающая былую, молодецкую поступь... И все в фильме звучит в лад со звучанием главного образа, с поэтической мыслью Иона Друцэ о доброй силе народа, о светлой печали человека, знающего, что жизнь кончается и что жизнь бесконечна.

В поэзии жизнь не отмеривается порциями, не взвешивается на весах. Темные и светлые воды бытия, причудливо перевиваясь, то вби-

рают в себя трагизм, горе человеческих судеб, то несут людям радость живых свершений, перемен и надежд, совместных усилий и борьбы. Сколько же слов нужно, чтоб выразить все бесчисленные оттенки человеческих чувств и мыслей! А сколько зримых образов!..

Поэтому-то поэзия и не знает точного перевода ни на один язык, в том числе и на язык кино. А любой точный перевод — это всего лишь подстрочник.

Такой подстрочник, лишенный движущей, подспудной поэтической силы, напоминает, как мне кажется, картина «Друзья и годы», поставленная режиссером В. Соколовым на студии «Ленфильм».

Может показаться странным, что автором киносценария является сам же драматург Л. Зорин. Но и он далеко не первый, кого постигает в кино такая неудача, потеря первозданной силы главного героя.

Платов в фильме «Друзья и годы» почти не просматривается как герой, как человек, заслуживающий особого признания. Он «загорожен», заставлен, заслонен множеством лиц и событий — встреч, расставаний и новых встреч. Почти за три десятилетия у троих друзей и их возлюбленных накапливается такое обширное человеческое окружение, возникает столько всевозможных дополнительных историй, о которых создатели фильма почему-то обязательно хотят нам хоть вкратце напомнить, что в конце концов зритель забывает все связи, теряет все нити, путает все лица!.. Правда, А. Граве в роли Платова лиричен и мягок; и очень хороша, искренна Люда, исполненная неподдельного очарования, изящества натуры у молодой актрисы Наташи Величко, которую мы все так полюбили, увидев ее Асю в «Тишине»... И, конечно, нет вины актрисы в том, что ее Ася была крупней, видней, заметней. Тут ее беда. Глядя на Наташу Величко, Граве и многих еще актеров в картине «Друзья и годы», понимаешь, что режиссер старался не «упустить» ничего, а в результате упустил все. Фильм пестрит дотошным перечислением событий. Нет-нет среди них и возникнет яркий, запоминающийся эпизод, но тут же и исчезнет в утомительном, явно затянутом, «модно»-двухсерийном мелькании. При переводе пьесы на язык кино здесь исчезло нечто очень важное—свойственная ей нацеленность в завтрашний день. Унылый перечень взаимных болей и обид, связанных у друзей с временами культа личности, так и не оборачивается потрясением зрительской души, которое, на мой взгляд, свойственно почти целиком новой картине, поставленной Киргизской киностудией совместно с «Мосфильмом»,— «Первый учитель».

Режиссер этого фильма Андрей Кончаловский тоже не предлагает нам точного перевода повести Чингиза Айтматова. Более чем вольно и более чем свободно вторгается он в ткань повести, настойчиво и дерзко отбирая в ней только то, что его самого задело до самых дальних глубин души, потрясло как думающего и чувствующего художника, а не просто добросовестного исполнителя чужой творческой воли.

«Первый учитель» наверняка вызовет не меньшие споры, чем «Председатель», а может, и большие.

С фильмом и впрямь можно не соглашаться, можно ему возражать, можно даже возмущаться им, видя упорство и дерзость художника. Только зачем?! Качества эти в искусстве никогда еще не становились помехой. И хотя картину временами больно смотреть, больно физически, эта боль всегда бывает оправданна. Режиссер без вежливых умолчаний, резко и грубо сдирает с истории жизни красноармейца Дюйшена — первого наставника детей и взрослых в полудиком ауле, пришедшего сюда вместе с Советской властью,— все покровы внешней благопристойности. Эта история не для людей, пришедших в кино отдохнуть, развлечься... Спасение Дюйшеном его ученицы, его любимой девочки Алтынай от плотоядных объятий громадного, жирного бая происходит не в самые последние минуты, как обычно бывает в фильмах, а уже после того, как безжалостные эти минуты остались позади, необратимо миновали... Однако нас делают свидетелями их не для того, чтоб мы просто ужаснулись, а чтоб не забывали. Чтоб помнили и страшного бая и прекрасного Дюйшена. Потому что голодный, тощий, оборванный герой, которого показывает начинающий артист Б. Бейшеналиев,— это живой образ душевной силы народа, его неистребимого тяготения к новой жизни, к человечности.

Не жалея себя, неистово, до крови бьет и бьет Дюйшен по байскому укладу. И столкновение юного жизнепроходца со старым, устойчивым, неподдающимся бытом словно высекает в фильме целые снопы искр, рождая тот внутренний блеск, которым освещены изнутри даже самые тягостные эпизоды этого фильма. Следовательно, в нем господствует не натурализм, а особое, смелое видение жизни. Господствует смелость художника, который начисто отвергает прилизанную, модную гладкопись, легко подгоняемую на «современный» лад и пригодную для любой темы...

Повторяю, режиссер «своевольничает». Потому что пафос повести Чингиза Айтматова в мысли: тяжка будет наша вина, если мы забудем тех, кто сделал нас людьми!.. Андрея же Кончаловского волнует иное: вот как тяжко было завоевано право быть людьми,— будем же людьми всегда!.. Бесспорно, различие есть. Но истинная поэзия богата нюансами мысли и чувства...

Додумывает, поэтически домысливает свой же собственный сценарий, созданный им вместе с О. Агишевым, режиссер А. Хамраев, поставивший картину «Белые, белые аисты» на студии «Узбекфильм».

И здесь творческие открытия режиссера заметно обогащают, развивают сценарий, воплощают его образы выразительно и свежо, никому не подражая, никого не напоминая ни стилистикой, ни манерой изложения.

Но, конечно, самое сильное впечатление производит основа картины — ее жизненный материал.

Поначалу кажется, что светлые и темные воды жизни текут здесь сами по себе, словно пущенные наугад, без всяких творческих «шлюзов». Молодые и старые люди узбекского маленького селения, которое так и называется «Белые аисты», живут, умирают, ссорятся и мирятся, любят друг друга, женятся и разводятся — каждый сам по себе... Но разрозненные будто бы эпизоды эти легко, не мешая друг другу, плывут и плывут навстречу зрителю, соединяясь, связываясь, как облака, пока вдруг не происходит не очень точно объяснимое словами, но вполне отчетливо ощущаемое сцепление их в стройную, слаженную, объемную картину сегодняшней жизни народа с ее самобытными взаимоотношениями, где есть еще что-то от старых, давних времен, а в то же время торжествует, берет верх новое...

И снова невыдуманные, волнующие своей правдой коллизии. Любовь Каюма к Малике не сродни увлечению: с ней связано больше горя, чем радости, и для них самих и для всех их родных, близких... А как быть?.. И романтика, и юмор, и неподдельная патетика, а порой и трагические ноты звучат в картине. Образ больших белых птиц, каждую весну прилетающих на свое постоянное гнездовье, привыкших к людям и не пугающихся, даже когда в гневе и ревности люди кричат и сердятся друг на друга, будто дополняет, усиливает смысл всего происходящего. Попробуй выброси из картины эти добрые, простодушные кадры — и тончайшая пропорция нужных зрителю впечатлений, ассоциаций, давних воспоминаний непоправимо нарушится. Вместе с ними уйдет ощущение — нигде, впрочем, не сформулированное, но для нас очень важное,— что люди, пока они живут на земле, вечно будут устраивать, совершенствовать, переделывать свою жизнь по законам добра и красоты...

Щедрый нравственный «запас», вложенный художниками в эту картину, близко подходит к молдавскому «Последнему месяцу осени». Хотя все здесь так же непохоже, как непохожи друг на друга сами люди, сами судьбы, сами народы. Как непохожи писатели, создавшие сценарии, режиссеры, поставившие фильмы.

А ведь нам, зрителям, только того и надо. И наша зрительская радость становится обеспечением доброй славы еще одного нового фильма, его высокой репутации.

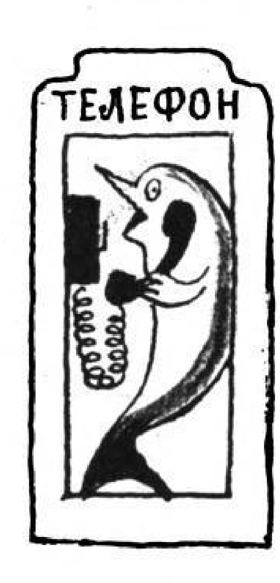
С МОТОРОМ ЗА ПЛЕЧАМИ

Эти моторолики, развивающие (конечно, по асфальту) скорость до 50 километров в час, сконструированы во Франции. Молодая туристка отправилась на них в путешествие по Европе.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ДЕЛЬФИНЫ ГОВОРЯТ ПО ТЕЛЕФОНУ

Недавно состоялся поистине уникальный телефонный разговор двух дельфинов, один из которых находился в Атлантическом, а другой — в Тихом океане. Исследователи предоставили испытуемым специальные подводные телефоны, в аппаратах которых целиком умещались головы дельфинов. В течение длительного времени дельфины поочередно «обменивались мнениями». Звуки, которые они издавали, записывались на магнитофоны. Отмечено, что, когда один «говорил», другой внимательно его слушал. Экспериментаторы считают, что собеседники, один из которых был во Флориде, а другой на Гавайских островах, хорошо понимали друг друга и что, следовательно, «язык» у них общий.



БОРЬБА В ОЗЕРЕ

Что прожорливость недаром считалась одним из семи смертных грехов, доказывает следующий случай. Моя сослуживица Ганна Г. купалась в озере (Чехословакия). Ее внимание привлекли всплески, доносившиеся откуда-то издалека. Она стала искать и заметила, что шум происходит на месте, где вода бурлит и на поверхность в радуге брызг всплывают какие-то тела. Не было сомнения: там велась борьба.

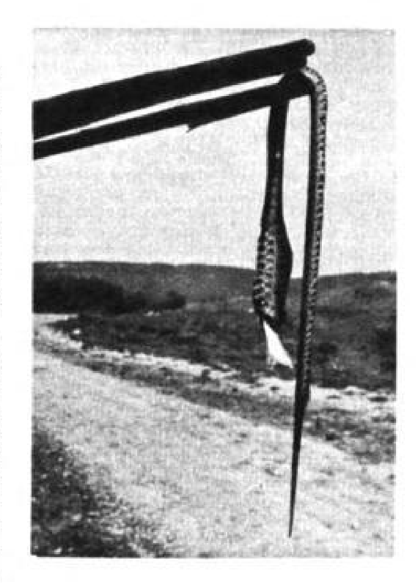
Когда все утихло, над водой остался предмет, похожий на изогнутый шланг. Ганна поплыла к месту происшествия. На берег она вернулась с заснятыми на фотокарточке борцами. Прожорливый уж напал на крупную щуку. Он победил, но за разбой заплатил жизнью.

Щуку, вынутую его утробы, изжарили к ужину и оценили по достоинству.

Думаю, что такой курьезный снимок заслуживает вашего внимания.

Ольга Назаревич

Прага.



ЛЮБОПЫТСТВО НЕ ВСЕГДА ПОРОК...

Оператор, снимающий в Лондоне картину «Чай вчетвером», отлично использовал неодолимое любопытство, овладевшее шимпанзе Растусом, играющим одну из главных ролей в фильме. Растус заинтересовался, почему это оператор не отрывает глаз от камеры, и решил сам поближе заглянуть в эту «жужжалку»... Так появились в фильме кадры, снять которые со столь близкого расстояния специально, наверное, никогда бы не удалось.

КОРОТКО И ЯСНО

Во французском журнале «Л'Интермедьер форен», обслуживающем мир артистов, появилось такое объявление: «Требуется мотоциклист для «колеса смерти». Работа кратковременная, но хорошо оплачиваемая...»

ГЛАВА 8

МЯТЕЖ ФАКТОВ

Сотрудники прокуратуры, знающие аккуратность Николая Петровича Куликова, сегодня могли с уверенностью сказать: наш старший следователь чем-то взволнован. Шутка ли, галстук повязан наспех, да так, что из-под узелка виднеется запонка. Всегда безукоризненный зачес, тщательно прикрывающий небольшую лысинку, отсутствует, и коварный безволосый пятачок откровенно красуется на самом затылке. В общем, все не так, как всегда.

Сосредоточенный, хмурый Николай Петрович широким шагом отмахал расстояние от своего кабинета до кабинета прокурора, постучал и, услыхав «войдите», открыл дверь. Прокурор, пристроившись в углу дивана, листал очередной номер бюллетеня Верховного суда.

Он с удивлением оглядел Куликова.

— Николай Петрович, вам нездоровится?— Как и все сотрудники, прокурор привык видеть своего старшего следователя неизменно подтянутым.— Что случилось?

— Весьма существенное, Сергей Сергеевич, весьма.— Куликов положил на середину стола принесенную папку и стал развязывать тесьму.— Ваш старший следователь на этот раз не учел святого правила: тот, кто хочет обвинять, не должен торопиться.

— Золотые слова!— улыбнулся прокурор.— Но я бы предпочел с утра слушать не монолог кающегося грешника, а вести разговор по существу. Вы имеете в виду мухинское дело?

— Да, Сергей Сергеевич, мухинское, вернее, зотовское. Дело в том, что фактическая проверка показаний Зотова не дала положительных результатов.

Это заявление не легко далось Куликову. Последние двадцать четыре часа, только и занимаясь анализом и сопоставлением всех материалов расследования, он сделал такой трудный для себя вывод и сейчас пришел к начальнику доложить о своем просчете.

— Садитесь, Николай Петрович,— перебил прокурор и показал на место за столом.— Выкладывайте не спеша все, что вам стало известно. Все «за» и «против», а то этот галоп мне что-то не по душе. Я слушаю.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—38.

...Удивительное дело, очная ставка Андрея Зотова с Мариной Мухиной вместо того, чтобы закрепить уверенность следователя в правоте своей схемы, вконец разрушила ее. Казалось, должно было быть наоборот: Марина настойчиво и неистово обвиняла, Андрей под тяжестью улик сознался. Что же еще?!

С первой до последней минуты пребывания Зотова и Мухиной в его кабинете он не отводил от юноши глаз. Куликов подметил вспыхнувший румянец на лице Андрея, заблестевшие глаза, услышал и мысленно зафиксировал любовные, мягкие интонации в голосе при обращении к Марине. От внимания следователя не ускользнуло и то, что Андрей в эти минуты как бы забыл о себе. Он видел только Марину, тянулся к ней, говорил для нее, искал в ней поддержку, сочувствие, хотел услышать ласковое слово.

«...Понимаешь, Маринка, черт знает в чем меня обвиняют. Это даже смешно подумать...»

Нет, эта неуклюжая, вырвавшаяся у юноши фраза не была игрой. Она была сказана искренне, более того, по-мальчишески озорно и недоуменно. И он, Николай Петрович Куликов, уравновешенный человек, следователь с немалым житейским опытом, обычно сам «стреляющий» в адрес излишне чувствительных коллег, понял в эти минуты, что все идет не так, что схема, созданная им, разваливается, словно карточный домик, что надо вернуться к началу пути и вновь критически переосмыслить, казалось бы, уже найденные большие и малые истины.

До крайности усталый, Николай Петрович только под утро прикорнул на часок. Он записал нерешенные вопросы, спорные положения, некоторые выводы и с этим багажом сразу же отправился к прокурору. Николай Петрович хотел обо всем рассказать и не только рассказать. Он должен был вслух думать, чтобы присутствующий при этом человек мог подметить изъяны, неточности, увидеть то, что не увидел он.

Сергей Сергеевич знал «методу» Куликова. Он отложил бюллетень, плотнее устроился на диване и приготовился слушать.

— Когда мы приехали на квартиру Мухина, окно в комнате было открыто,— так начал Куликов.— С момента убийства и до нашего приезда в комнату никто не входил. Следовательно, окно было открыто до совершения убийства или в момент его. Нужно ли было открывать окно Зотову? Нет. Ведь он вошел и вышел через дверь, и потом вот что записано в протоколе допроса: «Я вырвал пресс-папье из рук бушевавшего хозяина, швырнул в сторону, а самого толкнул к окошку. Хорошо еще, что окно закрыто было, а то вылетел бы старик в сад».

— Вы верите этому заявлению Зотова?

— Да.

— Хорошо,— согласился прокурор,— значит, во время ссоры незваного гостя с хозяином окно было закрыто?

— Выходит, что так.

— А потом его кто-то открыл?

Николай Петрович молча пожал плечами и продолжал:

— Мухин убит ударом пресса в затылок. Мизансцена действительно странноватая, если учесть к тому же местоположение трупа.

— Где вы обнаружили труп?

— В пяти шагах от окна. По показаниям Зотова, он отбросил Мухина, и тот упал на подоконник. Каким же образом труп оказался посреди комнаты?

— Дальше,— попросил прокурор.

— Любопытны результаты экспертизы. Мне зачитал их по телефону Гончаров. Оказывается, анонимное письмо писал мужчина левой рукой. Вряд ли человек, пожелавший помочь следствию, будет скрывать свою фамилию да к тому же менять почерк. Вернее всего, нам кто-то подбросил еще одну улику против Зотова и, как часто в таких случаях бывает, перестарался.

— Логично.

— И вот извольте видеть: после всех этих неувязок я получаю признание Зотова в убийстве.

— Не после, а до того, как вы сами в этих неувязках разобрались.

— Верно, Сергей Сергеевич. Факты взбунтовались.

— И правильно сделали. А что касается зотовского признания, то ведь фактическая проверка признания обвиняемым своей вины обязательна. Помните, сколько бед и зла принесла нам теорийка о том, что признание — царица доказательств. Ведь вы не верите сейчас признанию Зотова?

— Сейчас не верю. Не могу поверить, хотя, по совести, и хотелось бы. Произошел типичный психологический шок. Парень сломался и заговорил, не думая. В ту минуту ему было все равно. Еще бы, ведь Марина тоже не верит ему, клянет, обвиняет. Вот что для него самое страшное. Нет любимой, кончилась жизнь. Черт бы подрал эти африканские страсти, до чего же они мешают работать!

Сергей Сергеевич от души посмеялся над последней фразой старшего следователя.

— Вот что, Николай Петрович,— сказал прокурор.— Нужно выяснить ряд чрезвычайно подозрительных обстоятельств. И в первую очередь где, в какой точке комнаты убит Мухин? Каково было взаимоположение потерпевшего и нападающего в момент удара?

— Заключение экспертизы пришло, Сергей Сергеевич. Мухину был нанесен удар, когда он лежал на подоконнике. Затем его труп оттащили от окна.

— Понятно. Ну, а злополучное орудие убийства? То оно вылетело в окно, то найдено в урне. Над делом надо еще крепко работать. Я не преклоняюсь перед кажущейся гармонией свидетельских показаний, но отбрасывать без проверки то, что сказали Капитонова и Марина Мухина, тоже нельзя. Так что давайте, Николай Петрович, не торопиться. И еще одно: мне позвонил Гончаров. У него есть дополнительные материалы по делу.

ГЛАВА 9

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Лунев огляделся. Все без перемен. Заляпанные столики, сизый дым под потолком, полупьяный говорок, внезапно вспыхивающая и гаснущая брань, толстый буфетчик с заплывшими, но зоркими глазами. Все, как раньше, и все не так.

Виктор запомнил разговор с подполковником.

— Конечно,— сказал тот,— твоей непосредственной вины в убийстве Мухина нет. Никто тебе дела пришивать не собирается. Ты пешка, которую двигали с клетки на клетку матерые преступники. Но если поглубже разобраться, ты все-таки в какой-то мере их сообщник и соучастник. Подумай и прикинь сам. Ты знал, что скупщику Мухину принесут жемчуг, вернее всего, краденый жемчуг, знал и скрыл. Продал доброе имя рабочего человека за десятку. А твой дружок Лаше, небось, новое дело для тебя готовит. Да ты не отмахивайся: дружок он твой, другого названия не подберешь. Ведь ты сам здесь признался, что этот человек вызвал у тебя беспокойство, показался подозрительным. Сообщил ты кому об этом, посигналил? Завтра пошлет он тебя еще куда-то, еще кого-то по твоей наводке прирежет, что же, и в этом случае твоя хата будет с краю? Умоешься — и в сторону! Не выйдет! По всей строгости закона как наводчик ответишь. Вот так и получается, что катится со ступеньки на ступеньку Виктор Лунев, сменивший завод и доброе имя Луневых на пивнушку и уголовников. А знаешь, почему произошло такое? Не знаешь? Потому что много в тебе еще от паразита сидит. Одолжил ты кому-то свою совесть, а взять обратно забыл. У вас на заводе, в комсомольском комитете, так и сказали: «Бессовестный Лунев». Это про тебя, там твоих однофамильцев нет. Ни чести у него, говорят, ни стыда. Молодые рабочие повышенные социалистические обязательства взяли, твой цех за звание коммунистического борется, а Виктор Лунев от работы отлынивает, прогулы болезнью матери прикрывает. Ты бы хоть посовестился ее имя зря трепать.

Виктор сидел нахохлившись, как исклеванный молодой петушок.

— Неужто и дальше так жить будешь?— спрашивал Гончаров.— Не надоело в грязи барахтаться, по обочине дороги шагать? Ну скажи на милость, что у тебя за интересы в жизни? Что ты видишь, чем увлекаешься, что тебя радует, что печалит? Ничего у тебя за душой нет. И жизнь твоя сегодня стоит ноль целых и ноль десятых. Какая в тебе человеческая гордость?!

Говоря такое, Гончаров наблюдал за парнем. Он видел дергающиеся губы — вот-вот расплачется, мелкие бусинки пота на лбу.

Разговор продолжался три часа. Многое было обговорено за это время. Подполковник ничего не утаивал, не хитрил. В задуманном и разработанном им оперативном плане Луневу отводилась немалая роль. И Гончаров перед тем, как окончательно скомандовать: «Иди и действуй!» — снова выверял прочность «креплений», чтобы в самые трудные часы и минуты ничто не подвело и не заело.

Первый, кто увидел Виктора и громогласно приветствовал его, был буфетчик.

— Здравствуй, хлопец! Что поздно, маманя не пускала?— И захохотал, довольный собственной остротой.

Кругом знакомые лица. Кое-кто дружелюбно улыбался. Иные, помахав руками, продолжали раздирать сухую, как доска, воблу, допивать пиво и «давить» принесенные четвертинки. Яши в павильоне не было. Не пришел он и через час и через два. Наконец Виктор решился, подошел к буфету и негромко спросил:

— Александр Степанович, что-то Якова Васильевича нет, не заболел ли?

— Беспокоишься,— хохотнул буфетчик,— тебе-то что? Чужая хворь — чужие заботы.

— Надо должок получить.

— Скажи, пожалуйста, с тузами связался!

Буфетчик проявил явную заинтересованность. Он перегнулся через стойку и с любопытством оглядел Виктора. Но тот не склонен был к дальнейшему разговору и медленно вернулся к своему столику. Прождал еще с полчаса и решил уходить. Посетителей набралось порядочно, и, прокладывая дорогу к двери, Лунев не мог заметить пристального, тяжелого взгляда, которым провожал его толстый буфетчик.

Все началось не так, хотя подполковник не раз предупреждал: «Ни к кому, особенно к своим последним дружкам, не проявляй интереса. Терпеливо жди. Пусть кто-нибудь первым поинтересуется, первым подойдет, спросит, а ты жди».

Но, кажется, никакого такого неосторожного движения он не сделал. Виктор шел и хмурился. Не замечая, шлепал по лужам, толкал прохожих и напоминал подвыпившего забияку, которому море по колено, который только и ждет повода «разрядиться», ответить бранью в чей-либо адрес.

До дому рукой подать. Возле дома пусто. Дождь разогнал ребят, и четырехугольник двора, тускло освещаемый светом из незашторенных окон, кажется мрачноватым.

— Здорово, Витек!

От неожиданности Виктор вздрогнул и отпрянул в сторону. В черном пролете, возле урн с мусором, от стены отделился человек. Лаше!

— Ты один?— Голос Лаше звучал хрипловато, но ласково.

— Ух, и испугали вы меня! Что вы тут делаете?

— Тебя жду. Ты один?

— Один.

— На хвосте никого не приволок?

— На хвосте?— прикинулся удивленным Виктор.— А что я за птица такая, чтобы у меня на хвосте кто сидел?

— Ты-то не птица,— усмехнулся Лаше,— да за тобой ястребок. Выкладывай, у старика был?

— А как же,— обидчиво проговорил Лунев.— Спасибо, удружил. Десятку-то мне на том свете получить придется.— Почти дословно Виктор повторил фразу, сказанную подполковником.— Старика какой-то пижон до моего прихода прихлопнул.

— Убили? Не может быть!— удивился Лаше.— А ты в дом заходил?

— Нет. Там милиции полным-полно. Я как услыхал, что старик преставился и что кругом лягавые, сразу деру дал.

Лаше молчал. Его желтоватые поблескивающие зрачки, не мигая, уставились на парня.

— Ладно,— сказал он наконец,— а где ночью болтался, куда от старика пошел? Дома тебя не было.

— В воскресенье? Точно, не было,— охотно согласился Лунев.— Скучно одному. Маманя еще не приехала. К сестре пошел ночевать. А сегодня в кино ходил. Вечером в бар сунулся, хотел Якова Васильевича повидать. Не было его там.

— Болен Яков Васильевич, тяжело болен,— равнодушно бросил Лаше,— помереть может. А зачем он тебе?

— Да я все насчет десятки. Хотел у него попросить, не знал, что сегодня вас встречу.

— Жаден ты, парень, ух как жаден,— усмехнулся Лаше.— Это ничего, это неплохо. Так, может, тебе Яшкин адресок дать?

Лунев чуть было не согласился, но в памяти, словно молния, промелькнуло... «никакого интереса, ни к кому»...

— Обожду. Десятка, оно, конечно...

— Получишь свою десятку,— оборвал Лаше,— через денек-другой встретимся.

— Да чего встречаться,— неохотно отозвался Виктор,— ни к чему мне это. Вы уж меня в свои дела не втравливайте. Я сам по себе, вы сами по себе.

— Ладно, потолкуем еще. Прощай.

Лаше шагнул во двор, к маленькому, притулившемуся в глубине деревянному одноэтажному домишке, проходные сенцы которого вели в соседний переулок.

Спустя час с небольшим Гончаров вместе с Загоруйко подводил итоги истекшего дня.

— В основном парень держался неплохо.

— Как будто так. Но на Луневе мы ставим точку. Сейчас, как говорят боксеры, поведем игру с тенью!

— Бой с тенью, Федор Георгиевич,— поправил Загоруйко.

— Ну, значит, не совсем по-боксерски,— невозмутимо продолжал Гончаров. Он притушил папиросу и зашагал по комнате.— Лаше уверен, что следы мухинского дела к нему не ведут и Зотов сел прочно. Ты беседовал с Мухиной? Что-нибудь пропало у них?

— Она до сих пор не может найти шкатулку, в которой отец хранил драгоценности. По памяти составила опись. Там были два кольца, сережки, нитка жемчуга.

— Пусть ищет, но вряд ли она ее найдет.

ГЛАВА 10

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ

Со стороны могло показаться, что трое взрослых мужчин разыгрывают забавное представление или, того смешнее, затеяли нехитрую детскую игру, чем-то напоминавшую прятки. Один из них, тот, кто помоложе, стучался в дверь, стремительно открывал ее, другой в это время садился на диван, а третий, невысокий, плотный и возрастом постарше остальных, прятался у стены между окном и пузатым шкафом и, чтобы удобнее примоститься, чуть отодвигал шкаф от стены. Он прятался до того искусно, что увидеть его вновь пришедшему, находящемуся в другой половине комнаты, было невозможно. На этом игра не кончалась. Вбежавший начинал ругаться с сидевшим на диване. В свою очередь, последний отвечал ругательствами, потом, вскочив, в сердцах хватал со стола карандаш и бросал в сторону пришедшего.

Так повторялось несколько раз, а прятавшийся за шкафом все это время стоял, плотно прижавшись к стене, и только когда один из спорщиков убегал из комнаты, он осторожно выбирался из своего укрытия, и игра продолжалась уже вдвоем.

Усердие и старательность неопытных актеров у постороннего человека могли вызвать улыбку, но сами исполнители были предельно серьезны и сосредоточенны.

— Думается мне, так все и произошло,— подытожил игру Федор Георгиевич Гончаров,

— Вот такую поймал, и опять кошка съела...
Рисунок Ю. Черепанова.

— Эх, зеленая, сама пойдет!
Рисунок Г. Андрианова и В. Тильмана.

исполняющий роль человека за шкафом.— Володя, у тебя не возникло подозрения, что в комнате еще кто-то есть?— обратился он к Загоруйко.

— Нет, товарищ подполковник. Я даже глаза скосил в вашу сторону, когда выбегал. Ничегошеньки не видно.

— Что скажете, Николай Петрович?— Гончаров с интересом глянул на Куликова.

— Выглядит убедительно,— признался тот,— но возникает много «но».

— Что именно?

— Ни на окне, ни внизу под окном не обнаружено никаких следов. Странновато.

— Не столько странно, сколько квалифицированно,— улыбнулся Федор Георгиевич.— Между прочим, если вы обратили внимание, собака рвалась к окну. По-моему, все разворачивалось так. Пользуясь стулом или другой находящейся в комнате вещью, преступник слегка отодвинул труп от окна, затем с помощью пресс-папье открыл ветхий затвор оконной рамы — я проверил, затвор действительно ветхий,— и, не дотрагиваясь до подоконника, одним махом выпрыгнул в сад. Действовал хладнокровно, ничего не скажешь. Внизу асфальтированная дорожка, она опоясывает дом и тянется к калитке. Все это оказалось на руку

НЕНАЧАТЫЕ РАССКАЗЫ

Ф. КРИВИН

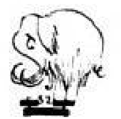
РОДОСЛОВНАЯ ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

...и так, пресмыкаясь, огромные ящеры превратились постепенно в маленьких ящериц.

РОДОСЛОВНАЯ ДВОЯКОДЫШАЩИХ

...в воде они вздыхали о суше, а на суше вздыхали о воде — и с веками научились вздыхать в любых условиях.

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ

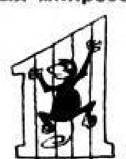


...живой вес дошедшего до нас микроба больше живого веса дошедшего до нас мамонта.

ИТОГИ

...и, очнувшись через миллион лет, микроб видит, как сильно все вокруг изменилось: на земле появилось много новых микробов.

МНОГОКЛЕТОЧНЫЕ



...количество клеток современной обезьяны равно $n + 1$. Единицей обозначается клетка, в которой обезьяна сидит.

ДОЛГОЛЕТНИЕ

...еще когда не было динозавров, инфузория уже была инфузорией. Уже когда давным-давно нет динозавров, инфузория все еще инфузория.

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

...а старые обезьяны все еще вспоминают о том, как они жили до эволюции.

ЖИВАЯ СТАТУЯ

...оживив себе жену, Пигмалион очень скоро пожалел, что не сделал ее из более мягкого материала.

ССОРА

...говорили, что между Сциллой и Харибдой пробежала какая-то кошка, но куда девалась эта кошка, установить так и не удалось.

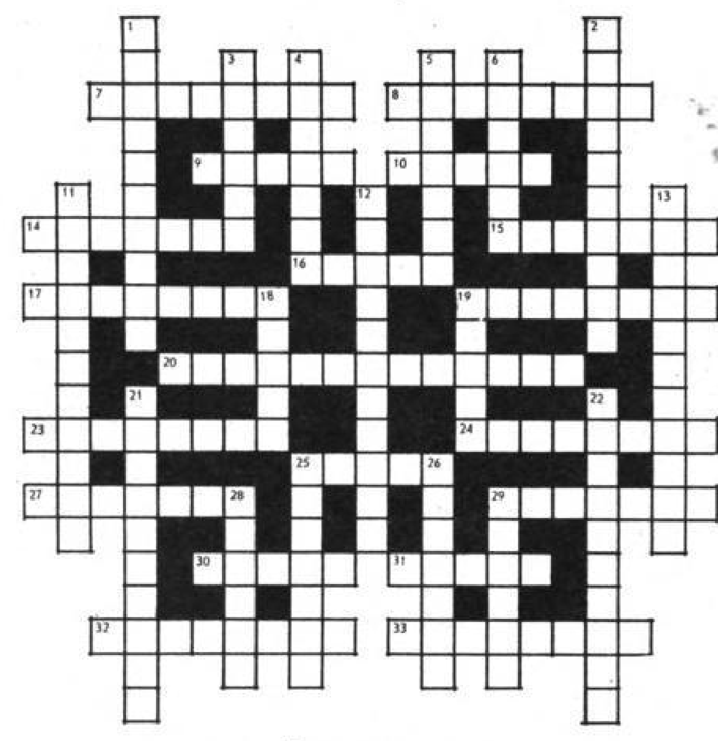
СИЛА ИСКУССТВА

...и, очнувшись от своей игры, Орфей застал жену в объятиях Морфея.

ТЕМПЫ РОСТА

...от никого — к Робинзону, от Робинзона — к Пятнице. Таков прирост населения необитаемых островов.

КРОССВОРД



По горизонтали:

7. Прибор для настройки музыкальных инструментов. 8. Образное поэтическое выражение. 9. Медицинский инструмент. 10. Пушной зверек. 14. Спортивные сани. 15. Дневная бабочка. 16. Болгарский писатель. 17. Круговая линия, отделяющая небо от земной поверхности. 19. Площадка для взлета и посадки самолетов. 20. Род одноклеточных подвижных зеленых водорослей. 23. Прием в фехтовании. 24. Автор поэмы «Пан Тадеуш». 25. Сумма или разность двух алгебраических выражений. 27. Созвездие северного полушария неба. 29. Французский художник. 30. Мера веса драгоценных камней. 31. Шелковая ткань. 32. Один из создателей фильма. 33. Римский поэт и философ.

По вертикали:

1. Советский дирижер. 2. Народный герой Италии. 3. Неподвижный лед у морского берега. 4. Фотографический снимок. 5. Персонаж романа М. Шолохова «Тихий Дон». 6. Вид печенья. 11. Русский филолог. 12. Птица с ярким оперением. 13. Областной центр в РСФСР. 18. Низкий столбик у тротуара или дороги. 19. Порт в Нидерландах. 21. Советский авиаконструктор. 22. Наука о воспитании, образовании и обучении. 25. Озеро в Венгрии. 26. Столица Никарагуа. 28. Тропический плод. 29. Река в РСФСР.

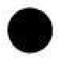
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

7. «Коновалов». 8. Флавицкий. 10. Брюква. 11. Крикет. 12. Лопатка. 13. Каркас. 15. Пасека. 16. Гримм. 18. Семипалатинск. 21. Ковер. 22. Глинка. 24. Окорок. 26. Аракажу. 28. Кеклик. 29. Зарема. 30. Ассистент. 31. Гадолиний.

По вертикали:

1. Дендрарий. 2. Филиал. 3. Гранка. 4. Беккерель. 5. Квакша. 6. «Синица». 9. Станиславский. 14. Сакмара. 15. Пианино. 16. Гопак. 17. Мотор. 19. Стивенсон. 20. Туркмения. 23. Кулиса. 25. Коралл. 26. Акцент. 27. Уздедом.



На первой странице обложки: Народная артистка СССР Галина Вишневская в роли Катерины Измайловой в одноименном фильме.

Фото Ж. Блиновой.

преступнику. Асфальт, дождь — и без того слабые следы оказались смытыми и затоптанными.

— А следы на пресс-папье? Ведь оно немало времени пробыло в руках убийцы.

— Лучше, если бы он сразу его бросил. Но преступник хитер, а главное, хладнокровен. До того, как опустить пресс-папье в урну на углу Ново-Ладыженского переулка, он чистил и скоблил его. Стер следы, правда, за исключением кровяных пятен.

— Федор Георгиевич, вы обо всем этом говорите так уверенно, словно исключается любой другой вариант, а ведь пока это еще только догадка, так сказать, предположение,— усомнился Куликов.

— Правильно. Пока еще догадка. Но я не вижу основания браковать ее. Она многим подкреплена, хотя и таит в себе еще немало нерешенного.

— Вот-вот...— подхватил Куликов.— Я прекрасно понимаю, вы идете по следу Лаше и этого, как его... Пузача. У вас имеется убедительный аргумент — показания Лунева. Но вы не учли существенных деталей: где жемчуг; как Лаше, никем не замеченный, оказался в квартире: почему старик Мухин впустил Зотова, не будучи один? Почему, наконец, шкаф, за которым якобы прятался Лаше, сдвинут с места?

— Почему, почему?— протянул Гончаров.— Если бы я мог ответить на все эти «почему», мы бы уже давно с вами взяли отгул за неиспользованные выходные дни.

— Меня не оставляет мысль о Зотове,— продолжал Куликов.— Не допустил ли я вторичной оплошности, доказывая столь рьяно Сергею Сергеевичу его полную невиновность. Ведь против конкретных обвинений, свидетельских показаний и собственного признания Зотова я выставил исключительно субъективные ощущения. Не маловато ли?

— Нет, вы поступили правильно. И потом, почему только субъективные ощущения? Неверно. Факты взбунтовались. И анонимка с поддельным почерком, и загадочная история с окном, и Лунев с его шефами. Правда, много еще неясного. Ничего, не сразу Москва строилась, разберемся.

— Удивительное стечение обстоятельств, на редкость удивительное,— продолжал Куликов.

— «Подкупающая простота дела»,— не утерпел и съязвил Гончаров.— Если мне не изменяет память, ваши слова.— Он дружески обнял Куликова.— Обещаю, товарищ следователь, сделать все возможное, чтобы заарканить настоящего преступника и передать вам из рук в руки.

— Ой ли!

— Поживем — увидим. Лучше скажите, что с Зотовым? Страдает?

— Изрядно. Он апатично выслушал мое заявление о том, что зря наклеветал на себя. Помолчал, пожал плечами, будто оно не его касается. Никакого удовлетворения, никакой радости.

— Ничего, выдюжит, парень молодой. Думаете освобождать?

— В деле еще много противоречий. К тому же есть собственное признание, от которого задержанный не отказался. Признание добровольное, сделанное при ясном уме и рассудке.

— Какой там к дьяволу ясный рассудок!

— К тому же...

— «Удивительное стечение обстоятельств»,— рассмеялся Гончаров.— Что же, может, так и лучше! А что касается обстоятельств, Николай Петрович, то ведь они стекаться и растекаться могут. На все, как говорят старики, воля божья.

Продолжение следует.

СВОЙ ШКОЛЬНЫЙ

А. БОЧИНИН
Фото автора.

Они заботятся о здоровье и закалке ребят. Слева направо: преподаватели физвоспитания Юрий Мальтс, Анне Урбаник, Арнольд Отс, директор школы Арво Мяльберг и Сильви Герв.

Этот стадион находится в самом центре живописного эстонского городка Эльва. Прежде подле школы была скромная спортивная площадка: бегали по ней, играли в пыли на больших переменах в футбол...

Потом, как часто бывает, когда заботятся о физкультуре и любят ее, пришла идея построить свой, настоящий стадион. Преподаватель физического воспитания Арнольд Отс, вот уже полтора десятка лет работающий в школе, был автором этого замысла и душой его воплощения.

Мощные бульдозеры, которые охотно прислали в помощь местные автобазы, выровняли территорию. За бульдозерами пошли в ход кирки, лопаты, тачки, топоры и пилы!..

Своими руками ребята сделали свой школьный стадион, красивый, просторный, в сосновом бору, рядом с озерами. Соорудили все, что полагается,— отличную беговую дорожку, футбольное поле, места для прыжков и метаний...

— Трибун еще нет — построим! — говорит Юрий Калда из 9 «Б».

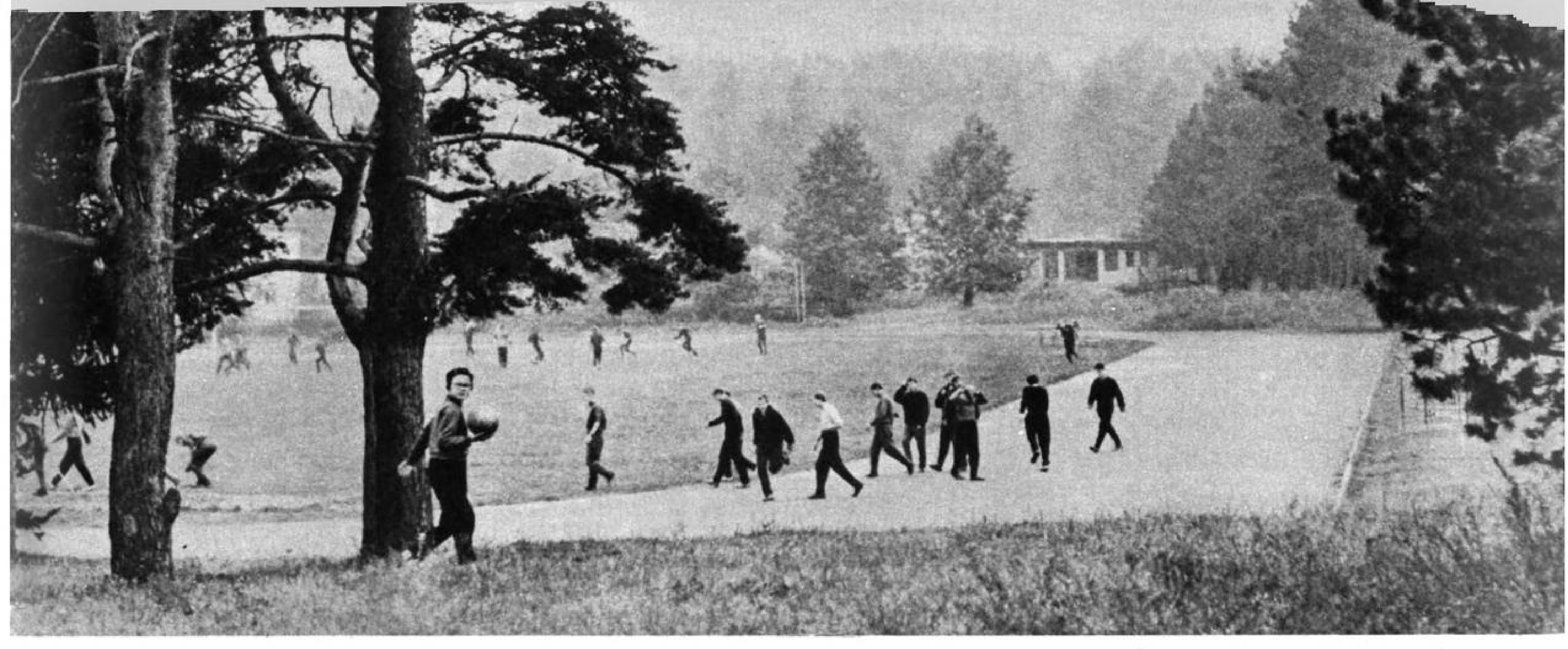
— И для тенниса сделаем площадки и для баскетбола! — вторит Карина Вахэр.

— Всегда важно начать,— утверждает директор школы Арво Мяльберг,— дальше уже пойдет много лучше!..

Да, теперь дела пойдут много лучше, ведь партия и правительство, заботясь о здоровье ребят, приняли широкое постановление, в котором большое внимание уделяется развитию физической культуры в школах, созданию баз для занятий спортом. Резервы тут неисчерпаемы: самодеятельные строители стадиона — эльванские школьники тому пример.

Беговая дорожка труд любит.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.



Вот он, стадион — свой, школьный!

Строить волейбольную площадку идут семиклассники.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-1[illegible]-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10709. Подписано к печати 21/IX 1966 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 2 000 000. Изд. 1723. Заказ 2447.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

9-18
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663
АЭРОФЛОТ
НА
БАРХАТНЫЙ
СЕЗОН—
САМОЛЕТАМИ
На курорты Крыма, Черноморского побережья Кавказа, Минеральных Вод и Рижского взморья крылатые экспрессы доставят вас за считанные часы и минуты.
На борту воздушных кораблей — комфорт, традиционное гостеприимство.
Справки о движении самолетов — во всех агентствах, аэровокзалах и аэропортах Аэрофлота.
ЛЕТИТЕ
НА КУРОРТ
САМОЛЕТАМИ